

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 32

Chisinau

December - 2015

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal „Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)

INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

THE INSTITUTE OF LEGISLATIVE CREATION AND COMPARATIVE LAW MOLDOVA

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - doctor of Legal Sciences - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - doctor of Legal Sciences (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

Technical editor - Eugenia Tofan

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau,
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. № 2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Решением Высшего Совета по Науке и Технологическому Развитию Академии Наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации журнал «Право и Политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

ИНСТИТУТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА (МОЛДОВА)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор юридических наук - сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор юридических наук (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Лала Ахмедова - доктор филологических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Иманов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Технический редактор - Еужения Тофан

Журнал выходит с 2007 года

Адрес: Кишинэу, Молдова

Тел/FAX: +373 22270313,

E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован

16 августа 2007 г.

Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Gheorghe COSTACHI

CHARACTERISTICS OF THE COURT AND ITS ROLE IN THE LEGAL STATE..... 6

Kamal MAKILI-ALIYEV

SIGNIFICANCE OF CYBER-SECURITY IN MODERN AGE: OUTLOOK FROM AZERBAIJAN..... 11

Aurelia GREGORIU

HUMAN RIGHTS FREEDOMS IS A PRIORITY THROUGHOUT THE COMPLEX PROBLEMS AND REQUIREMENTS..... 17

Dumitrita BOLOGAN

DEVELOPMENT OF CARTELS- LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS 22

Olga CRETU

LEGAL ASPECTS OF THE RESOLUTION OF ETHNIC CONFLICT 30

POLITICAL SCIENCE

Arif Jamil GULIYEV, Veronica CHEKALYUK

IMAGE OF IMAGE MAKER-THE FORMULA OF PROFESSIONAL APPEARANCE 35

Abdullayev Fatali NARIMAN

GEOPOLITICS OF MIGRATION IN THE MIRROR OF CURRENT MIGRATION TRAGEDY 41

Rajab RAHIMLI

EFFECTIVE GOVERNANCE: CHALLENGES OF THE PRESENT 53

Zeynab KAZIMOVA

INTERMEDIARY ROLE OF FRANCE IN SETTLEMENT OF KARABAKH CONFLICT..... 57

Ann TSATSANASHVILI

INVESTMENT FOR THE PROJECT HADRON THERAPY IN GEORGIA 62

Ruslan AKBAROV

CREATION OF INNOVATION INFRASTRUCTURE – TARGET INNOVATION POLICY OF STATE 65

Turhan Suleiman RAGUF

THE HISTORICAL ROOTS OF ARMENIANAZERBAIJAN CONFLICT:
THE POLITICAL AND LEGAL VALUE..... 75

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Георге КОСТАКИ

ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ РОЛИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ6

Камаль МАКИЛИ-АЛИЕВ

ЗНАЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ: ПЕРСПЕКТИВЫ
АЗЕРБАЙДЖАНА 11

Аурелия ГРИГОРИУ

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРИОРИТЕТЫ В КОМПЛЕКСЕ ПРОБЛЕМ И ТРЕБОВАНИЙ
ОБЩЕСТВА 17

Думитрица БОЛОГАН

РАЗРАБОТКА КАРТЕЛЕЙ – ЮРИДИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ22

Ольга КРЕЦУ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ30

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ариф Джамиль ГУЛИЕВ, Вероника ЧЕКАЛЮК

ИМИДЖ ИМИДЖМЕЙКЕРА – ФОРМУЛА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВНЕШНОСТИ.....35

Абдуллаев Фатали НАРИМАН

ГЕОПОЛИТИКА МИГРАЦИИ – В ЗЕРКАЛЕ МИГРАЦИОННОЙ ТРАГЕДИИ41

Раджаб РАГИМЛИ

ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ.....53

Зейнаб КАЗЫМОВА

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФРАНЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО
КОНФЛИКТА57

Анна ЦАЦАНАШВИЛИ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА АДРОННОЙ
ТЕРАПИИ В ГРУЗИИ.....62

Руслан АКБАРОВ

СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ – ЦЕЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА65

Турхан Сулейман РАГУФ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА..... 75

Георге КОСТАКИ,

доктор хабилитат права, профессор,
Институт Юридических и Политических
Исследований Академии наук Молдовы

ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ РОЛИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Происходящие в последние годы в Республике Молдова значительные общественно-политические и социально-экономические преобразования, курс на построение демократического правового государства, присоединение к международным конвенциям о защите прав и основных свобод человека обусловили необходимость реформирования судебной системы страны. Реформирование суда, необходимое для эффективной защиты прав и свобод граждан, является одним из обязательств Республики Молдова по внедрению международных актов о судебной защите граждан.

Так, *Всеобщая декларация прав человека* [1] в ст. 8 закрепляет право каждого на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом. *Международный пакт о гражданских и политических правах* [2] закрепляет обязательство государства обеспечить любому лицу эффективное средство правовой защиты. Каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. *Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод* [3] в ст. 6 содержит гарантии на справедливое судебное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Судебная реформа обусловлена той ролью, которую играет суд в процессе становления демократического правового государства. Судебной власти принадлежит ведущая роль в утверждении конституционной законности, соблюдении принципа верховенства закона; именно она призвана наиболее полно и эффективно защитить права и свободы человека.

Независимая, самостоятельная, обладающая должной силой и авторитетом судебная власть – это один из основных принципов правового государства. Основное назначение судебной власти – разрешение социальных споров между человеком, обществом и государством на основе права.

Коренное изменение конституционно-правового устройства государства в конце прошлого столетия обусловило создание новой модели государственной власти, основанной на принципе разделения власти с утверждением самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной ее ветвей. Эта важнейшая конституционная новелла предопределила развитие судебной власти как независимой и самостоятельной составляющей государственного механизма. Процессы становления суда в этом качестве, сопровождавшиеся глубокими и серьезными мерами реформирования его статуса, структуры, функций, полномочий, привели к такому его состоянию, когда становится возможным утверждать, что судебная власть прочно заняла свое место в правовой системе как неотъемлемая часть единого целостного механизма государственной власти.

Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова, принятая в 1994 году [4], исходила из необходимости формирования судебной власти в Республике Молдова как самостоятельной ветви государственной власти, не зависящей от законодательной и исполнительной властей и способной осуществлять функцию правосудия в интересах всего общества. Конституция Республики Молдова [5] закрепила конституционные основы деятельности органов правосудия. Принятые на основе Конституции законодательные акты, регламентирующие судебную систему, статус судей, процедуру финансирования судов и др., создали условия для претворения в жизнь реформы судебной системы и конституционных положений.

Независимость суда и его самостоятельность не являются, однако, достаточным условием стабильной, независимой и хорошо оснащенной судебной власти в правовом государстве. Судебная власть может быть поставлена на службу обществу только в том случае, если она наделена необходимой юрисдикцией: вправе разрешать любые споры, где нарушены права и свободы граждан, а также юридических лиц.

Социальная природа судебной власти предопределяется наличием общественной потребности в

ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ РОЛИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

разрешении конфликтов, вызванных столкновением противостоящих интересов не только членов общества, но и государства в целом. Вместе с тем она определяется общими принципами гуманистической идеологии общества.

Будучи интегрированной в государственный механизм, судебная власть выполняет не только функцию разрешения правовых конфликтов, но – более широко – функцию поддержания и обеспечения государственной идентичности. Она обеспечивает сохранение механизма публичной власти в условиях спора как о самой власти, так и о ее инструментах – законах, тем самым позволяя непрерывно и гармонично функционировать механизму государственно-правового регулирования. В этом состоит главная социальная ценность правосудия [6].

Таким образом, судебная власть решает всеобщую задачу обеспечения государственной идентичности посредством гармонизированной с другими ветвями власти интерпретации и соотнесения государственного и общественного интереса, но лишь применительно к конкретному конфликту.

В ходе правосудия происходит «конденсация» права: закон подтверждается и становится незыблемым, всякий произвол безжалостно пресекается, а право получает свое позитивное признание и защиту. В конечном счете именно независимое, сильное и авторитетное правосудие способно сделать право единственной мерой свободы и оградить общество от произвола [7].

Органы судебной власти от имени государства применяют меры административного или уголовного принуждения к лицам, виновным в совершении преступлений; разрешают правовые споры между конкретными лицами; рассматривают дела об оспаривании правовых предписаний на предмет соответствия правилам более высокой силы.

В отличие от законодательной власти, суд не создает общих правил поведения, не занимается исполнительно-распорядительной деятельностью. Государственная власть суда обладает конкретным характером. Суд рассматривает и решает конкретные дела и споры, возникающие вследствие различных конфликтов в обществе (уголовные дела, имущественные притязания и др.). Эти вопросы рассматриваются судом в ходе судебного процесса, т.е. в особой процессуальной форме, установленной законом.

Деятельность суда призвана обеспечивать господство права, в том числе и по отношению к государству. Вследствие этого суд обладает такими полномочиями, которых не имеет ни законодательная, ни исполнительная власть. Принимая решение, суд может на основе закона лишить человека свободы за совершение преступления, отобрать у физических или юридических лиц собственность, распустить политическую партию и т.д. Это предполагает необхо-

димость воспитывать в обществе уважение к праву, к суду.

В отличие от законодательной и исполнительной властей, которые теснейшим образом связаны с политикой, при осуществлении судебной власти политическое давление должно быть исключено, равно как и любое давление с целью повлиять на решение суда. Суд не должен руководствоваться политическими или какими-либо иными мотивами вне закона и своего правосознания при рассмотрении конкретного дела, принятии конкретного решения. На деле, однако, не всегда так бывает.

К числу общих конституционных принципов деятельности судебной власти относятся:

1. Осуществление правосудия только судом. Другие должностные лица и органы государства не вправе присваивать себе функции правосудия.

2. Независимость судей и подчинение их только закону. Ни один государственный орган, должностное или иное лицо не вправе указывать суду, как ему следует решать то или иное дело.

3. Свобода доступа к суду. Нельзя отказывать в приеме дела к рассмотрению по причинам отсутствия закона или его неясности.

4. Ведение судебного процесса на языке, понимаемом сторонами, или с обеспечением им переводчика.

5. Гласность, т. е. открытый, публичный суд (за исключением определенных законом случаев).

6. Возможность обжалования судебного решения.

7. Ответственность государства за вред, причиненный судебной ошибкой, нарушением права на судопроизводство или на исполнение судебного решения в разумный срок. Государство возмещает физическому или юридическому лицу ущерб, который причинен ему ошибочным судебным решением, неправильным осуществлением правосудия. Так, 21 апреля 2011 г. в Республике Молдова был принят *Закон о возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок* [8].

Отметим, что два десятилетия – довольно короткий срок для полномасштабного становления властного института в государственно-правовой системе. Поэтому сегодняшние проблемы совершенствования конституционно-правового статуса судебной власти требуют особого внимания, приложения усилий государства и общества, нуждаются в детальном и глубоком научном исследовании, прогнозировании путей развития на ближайшие годы и в формулировании стратегии на более длительную перспективу.

Конституционно-правовое развитие Республики Молдова свидетельствует о том, что в последнее десятилетие сформировалась достаточно устойчивая и реально функционирующая система государственно-

Георге КОСТАКИ

властных отношений по управлению обществом. Судебная власть приобрела все атрибуты самостоятельной ветви государственной власти: учреждена Конституцией Республики Молдова и получила всесторонний нормативный базис, располагает собственной автономной системой органов и, наконец, выполняет особые государственные функции, присущие только ей, в системе управления обществом. Однако до настоящего времени теоретическая модель статуса судебной власти в правовой науке не получила своего окончательного формирования, не определены объем и пределы властных полномочий ее органов, механизмы взаимодействия с другими ветвями власти, правовая природа и юридическая сила судебных актов, их место и роль в системе современного правового регулирования.

За годы судебной реформы сделано немало, однако эффективность деятельности судебной власти в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина оставляет желать лучшего. Все еще, к сожалению, продолжают иметь место случаи, когда самими судами выносятся приговоры и решения, нарушающие права и свободы человека.

В принятой Парламентом Республики Молдова *Стратегии реформы сектора юстиции на 2011-2016 годы* [9] отмечены основные проблемы сектора юстиции: низкая эффективность управления судебными инстанциями, недостаточная прозрачность, не основанное на заслугах продвижение судей и др.

Так, в *Декларации о состоянии правосудия в Республике Молдова и необходимых мерах по улучшению положения в данной сфере* [11], принятой Постановлением Парламента в 2009 году, констатируется, что правосудие в Республике Молдове серьезно поражено коррупцией. Было также отмечено, что подобный регресс молдавского правосудия стал возможен по следующим причинам: пренебрежение законодательством, регулирующим ответственность судей, или избирательное его применение Высшим Советом Магистратуры, снисходительность такового к судьям; отсутствие реакции со стороны Высшего Совета Магистратуры и органов прокуратуры на порочные действия судей; непотребление судебного корпуса действиям по запугиванию и политическому давлению со стороны власти предрасполагающих; непрозрачность судопроизводства и деятельности Высшего Совета Магистратуры, особенно в том, что касается отбора, назначения, продвижения судей и привлечения их к ответственности; недостаточность начальной подготовки и непрерывного обучения судей; неадекватное материальное обеспечение судей; «синдикализация» судебной власти и др.

В *Стратегии реформы сектора юстиции на 2011-2016 годы* проблемы судебной системы Республики Молдова рассматриваются в трех стратегических направлениях: обеспечение доступности и не-

зависимости судебной системы; повышение степени прозрачности и эффективности судебной системы; повышение профессионализма и ответственности лиц, участвующих в отправлении правосудия.

В аспекте доступности судебной системы в Стратегии отмечаются такие недостатки, как слабая связь судебных инстанций с общественностью; неучастие общества в контроле качества деятельности судебной системы; неуккомплектованность некоторых судебных инстанций судьями; чрезмерные расходы на содержание судебных инстанций; несогласованные и неоправданные судебные издержки и пр.

Что касается независимости судебной системы, то, согласно Оценочному докладу, существенные недостатки сохраняются в финансировании и самоуправлении. Так, несмотря на то, что год от года растет бюджет судебной системы Республики Молдова, (0,18 процента от ВВП), не удается достичь среднего уровня в 0,24 процента от национального дохода, рекомендованного Европейской комиссией по эффективности правосудия для обеспечения судебных инстанций. Отмечена также недостаточная способность судебной системы на индивидуальном и институциональном уровнях обеспечить оценку реальных потребностей в финансовых средствах и планировании бюджета. Оценочный доклад выявил ряд недостатков в используемых судебной системой процедурах отбора, назначения на должность, саморегулирования и привлечения к дисциплинарной ответственности; констатированы неэффективность системы назначения, квалификации и продвижения судей, менталитет «закрытого клуба» в части доступа к профессии и продвижения по служебной лестнице в судебной системе, а также отсутствие регулирующего контроля профессиональности со стороны Высшего Совета Магистратуры.

В целях обеспечения доступности и независимости судебной системы необходимы системные долговременные меры, направленные на укрепление институциональной базы судебных инстанций; создание условий для высокого уровня открытости судов по отношению к тяжущимся и обществу в целом; установление жестких и четких критериев отбора кандидатов на должность судьи и на другие административные должности в судебных инстанциях; укрепление потенциала органов самоуправления судебной системы; улучшение стратегического планирования и оценки реальных потребностей судебных инстанций.

В *Стратегии реформы сектора юстиции на 2011-2016 годы* отмечено, что анализ функционирования и организации судебной системы Республики Молдова выявил существенные проблемы ее эффективности и прозрачности: процессуальное законодательство не способствует эффективному и быстрому рассмотрению дел; информационные технологии не

ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ РОЛИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

нашли широкого применения в отправлении правосудия, хотя они не только способствовали бы быстрому рассмотрению дел, но и сделали бы отправление правосудия более прозрачным; применяемый механизм обеспечения единообразия судебной практики нефункционален; система обжалования носит скорее хаотичный, нежели системный характер и не способствует осуществлению принципа стабильности правовых отношений; не обеспечивается специализация судей на уровне каждой инстанции, что сказывается на качестве выносимых судебных решений; судебные процессы и деятельность органов самоуправления недостаточно прозрачны, что вызывает недоверие общества к судебной системе в целом.

Оценочный доклад констатировал существенную неэффективность судебной системы Республики Молдова, особо отметив среди прочего отсутствие прозрачности в деятельности судебных инстанций; неэффективность процессуального регулирования, в том числе распределения компетенций между судебными инстанциями по горизонтали и вертикали; неэффективность системы обжалования; ограниченное использование инструментов электронной юстиции; отсутствие случайного распределения дел; отсутствие качественной политики в отношении судебных инстанций, а также отсутствие специалистов по разработке и реализации такой политики и соответствующих технологий и т.д.

С целью построения прозрачной и эффективной судебной системы предусмотрен ряд специальных мер, направленных на повышение прозрачности институтов и механизмов судебного самоуправления: оптимизация судебных процедур и обеспечение их прозрачности; более широкое и эффективное применение информационных технологий как в процессе отправления правосудия, так и в управлении судебной системой; пересмотр принципов обжалования и создание механизмов обеспечения единообразной судебной практики; продвижение специализации судей; обеспечение оперативности рассмотрения дел судебными инстанциями.

Было также отмечено, что судебная система, не ориентированная системно на продвижение профессионализма лиц, участвующих в отпадении правосудия, и не придерживающаяся принципа ответственности судьи перед обществом, имеет все шансы скатиться к субъективизму, самоизоляции и служению корпоративным интересам.

В Оценочном докладе подчеркивается, что отсутствие ответственности судебных инстанций и прозрачности их деятельности тормозит эффективное функционирование сектора юстиции в Республике Молдова, что может быть обусловлено следующим: это недостаточный опыт судебной системы в своем самовосприятии в качестве по настоящему независимой ветви власти; граничащее со злоупотреблением

использование статуса неприкосновенности судей для ухода от любой ответственности; менталитет «закрытого клуба» относительно доступа к профессии и продвижения по служебной лестнице, мешающий притоку молодых кадров, а также выдвиганию наиболее опытных профессионалов из других субсекторов судебной системы; отсутствие ясного понимания значения этических и дисциплинарных нарушений и их последствий, сложность и неясность процедур рассмотрения предполагаемых дисциплинарных нарушений; неприменение опроса пользователей услуг судебных инстанций, позволяющего оценить качество деятельности судебных инстанций; отсутствие случайного распределения дел; стенографирование не всех показаний и недостаточное использование информационных инструментов электронной юстиции при ведении дел; отсутствие реального влияния на судебные инстанции со стороны юридического общества и общества в целом; отсутствие обязанности судей докладывать об оказании на них давления, ненаступление ответственности за невыполнение такой обязанности.

Для укрепления профессионализма судебной системы в качестве фундаментальной ценности, обеспечивающей реализацию принципа независимости как судей, так и всей системы в целом, для повышения эффективности последней и ответственности судей перед обществом необходимы системные и взаимосвязанные меры воздействия на судебную систему в целом и деятельность каждого судьи в отдельности. Эти меры должны быть направлены на унификацию условий вхождения в профессию; улучшение подготовки и обучения судей; пересмотр системы и методов непрерывного обучения судей и вспомогательного персонала судебной системы; создание механизма периодической оценки качества деятельности судей, основанного на объективных критериях и способствующего эффективному самоочищению системы; укрепление роли и функций судебных инспекторов в целях усиления процедур самоконтроля и повышения эффективности административного надзора за судебной системой изнутри; пересмотр системы дисциплинарных нарушений и процедур их рассмотрения; реформирование института иммунитета судей и исключение привилегий, не свойственных должности и статусу судьи; повышение профессионализма всей системы посредством введения должности ассистента судьи, создания постоянно действующей системы оценки качества деятельности судебной системы посредством внедрения судебного механизма обратной связи, основанного на сборе и обобщении мнений участников судебных процессов.

Есть немало причин сегодняшнего малоудовлетворительного состояния судебной ветви власти, однако в их иерархии особое место занимает дефицит фундаментальных научных знаний как о закономер-

Георге КОСТАКИ

ностях ее развития, так и об оптимизации судопроизводства по обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Комплексное изучение проблем становления и функционирования судебной власти, ее роли в обеспечении прав и свобод стало остро востребованным. Усилия по углубленному изучению целей, задач и функций, а также форм и принципов деятельности судебной власти по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в контексте реформирования судебной системы Республики Молдова способствуют выявлению условий и причин, детерминирующих ее недостаточную успешность, и

определению направлений совершенствования участия судебной власти в обеспечении прав и свобод человека и гражданина [12].

Провозглашения самостоятельности и независимости судебной власти Конституцией Республики Молдова оказалось недостаточно. К сожалению, до настоящего времени в нашей стране отсутствует по настоящему сильная и независимая судебная власть. Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти, как одно из главных направлений проводимой судебной реформы, должно быть не только провозглашено и закреплено законодательно, но и должно утвердиться в повседневной жизни.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.
3. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. – Рим, 4 ноября 1950.
4. Концепция судебно-правовой реформы в Республике Молдова, № 152-ХІІІ от 21 июня 1994 года. В: Официальный монитор Республики Молдова, 1994, № 6.
5. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1994, nr. 1.
6. Судебная власть в Республике Молдова: Сборник законов. Авт.-сост. Георге Костаки. – Комрат: Институт демократии, 2014 [MITRA-GRUP S.A.], с. 6.
7. Судебная власть в Республике Молдова: Сборник законов. Авт.-сост.: Георге Костаки. – Комрат: Институт демократии, 2014 [MITRA-GRUP S.A.], с. 6.
8. Закон о возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок, nr. 87 от 21.04.2011. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2011, nr. 107-109.
9. Закон об утверждении Стратегии реформы сектора юстиции на 2011-2016 годы, № 231 от 25.11.2011. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2012, nr. 1-6.
10. Постановление Парламента о принятии Декларации Парламента Республики Молдова о состоянии правосудия, nr. 53 от 30.10.2009. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2009, nr. 160-161.
11. Закон об утверждении Стратегии реформы сектора юстиции на 2011-2016 годы, № 231 от 25.11.2011. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2012, nr. 1-6.
12. Судебная власть в Республике Молдова: Сборник законов. Авт.-сост.: Георге Костаки. – Комрат: Институт демократии, 2014 [MITRA-GRUP S.A.], с. 12-13.

Summary

The author analyzes the role of judicial power in the state of law, and reveals the current situation of judicial power in the Republic of Moldova. Particular attention is paid to normative acts that conditioned judicial and legal reform in Moldova over the past 20 years and achieved results.

Keywords: the judiciary, the court, rule of law, reform of the judiciary, the Constitution, Republic of Moldova.

Kamal MAKILI-ALIYEV,
Doctor of Legal Sciences,
the Center for Strategic Studies under
the President of the Republic of Azerbaijan

SIGNIFICANCE OF CYBER-SECURITY IN MODERN AGE: OUTLOOK FROM AZERBAIJAN

1. Introduction

Twenty first century has marked a new chapter in the history of mankind due to dramatically changing international system and introducing the nontraditional facets of security in the form of cyber-security threats. The present age of globalization has fabricated a new security environment which is strictly associated with the information security of digital world. Presently, the cyber-assets of the nations are more vulnerable in the globalized age of cyberspace. The transnational effects of cyber-attacks have become a potential threat to the digital structures of states. Theoretically, the strategic dimension of cyber-security has departed its traditional technical concept and placed it beyond the military dimensions. Moreover, the end of Cold War and the demise of Soviet Union not only introduced a new world but it also shifted the concept of security into a new paradigm of nontraditional security which is generally based on the revolution in information communication technology (ICT). So, the changing dynamics of geopolitical structure of world politics in the post-Cold War era laid the foundations of new world in which every state while located at different regions is failing to manage the escape from the contemporary non-traditional realities of the world politics.

The rationale and reasoning for such changes and developments have been undoubtedly grounded in the information revolution and digitalization of our world. Developments of information technology have effect on almost all areas of business, society and government in most of the regions of the world [1]. Additionally, if such factors as ubiquity of information technology, the increasing amount and decreasing cost of information [2], societies' changing value systems based on information, and the effects of increased information on organizational structures within both domestic and international communities, are to be taken into account – it is not difficult to imagine where the international system is heading to.

The future of international system will be dependent on cyberspace in which the domains of powers will be changed as opposed to the present. The focus of great powers will expand to include cyberspace. The evol-

ing concept of power will drag the states in new strategic environment of world politics which will be cyberspace. The strategic dynamics of cyber world will provide equally countless opportunities to the states in order to fight for their interest and for the maximization of power over the expanse of their rivals. The domination of virtual world will generate a cyber-competition which will ultimately inflict the sense of cyber-offensive and cyber-defensive strikes. Consequently, the strengthening of cyber-security against latent cyber-attack will be the primary concern of state in future.

2. Cyberspace and cyber-security threat

The term cyberspace is not solely associated with the internet and connected computer systems, but it is also linked with the electronic devices and the systems connected directly or indirectly to it [3]. The security of cyberspace usually refers to the protection of cyberspace infrastructure which contains the four features, computer hardware, telecommunication structure, the control systems of operating devices and the digital devices such as laptop or desktop computers [4]. Additionally, the structure which stored the digital information and runs the flow of information by physical modules is called cyberspace superstructure [5]. In this way, the threat to the cyber-attacks poses the danger to the whole structure of cyberspace.

The assessment of threat to the cyberspace is based on nature of probable attack and its ability to penetrate. So, the offensive capabilities of potential hackers can successfully use both elements for the achievement of desired objectives. For the accomplishment of a cyber-offense, an attacker prefers to exploit the vulnerable slots of digital infrastructure. In this way, the combination of vulnerabilities and threats mutually formulate the cyber risk [6]. In response to the possible cyber-attack, the counter measure for the prevention of harmful effects of penetrated malware is considered the cyber defense. The countermeasures or controlling mechanism normally attempt to reduce the vulnerabilities of cyberspace infrastructure by activating the system of response and recov-

Kamal MAKILI-ALIYEV

ery [7]. In sum, the defensive apparatus try to prevent the offensive efforts by minimizing the damages.

Presently, both offensive and defensive capacities of states are increasingly depending on computer networks. So, the digital offense demands digital defense in cyberspace. In this way, the development and promotion of appropriate cyber laws cannot only secure the Baku's cyberspace but it will also curtail the growing cyber skirmish with other states. The growing cyber-attacks posed two-pronged challenges to state. On one side, such attacks reveal the vulnerabilities in cyberspace to its rivals. On the other, the offensive cyber intruders are difficult to investigate. The disguised state-sponsored or independent non-state actors can undermine the inspecting and investigating capabilities of the country in question.

Such state-to-attacker relationship thus must be ensured by the paradigm that the existing laws that apply to computer networks attacks must remain applicable to the traditional forms of kinetic violence for which they were first envisaged [8]. Thus providing the link between cyberspace perpetrations and physical world. Otherwise it would be impossible to establish effective norms to control and regulate cyberspace and protect it from cyber-security threats.

3. Theoretical foundations of cyber-security

The term cyber-security is easy to define and understand but difficult to explain theoretically. Generally, cyber security can fit under several descriptions as measures to study the information technology, to secure the computer associated physical and virtual elements of cyberspace. The term cyber-security and its contemporary dynamics are entirely lacking a coherent theoretical framework. The transnational effects of cyber-attacks involves the economic espionage, sabotage of intellectual properties, degradation of national image, the theft of information, hacking of identities, online bullying, sending computer worms and the physical acts of war. Therefore, the offensive, anarchical and transitional nature of cyber-attacks can be accurately explained by the combination of different theories.

The widespread effects of information technology developed the international system as a fertile area for cyber-warfare. The international cyberspace utterly lacks the central governing body or any principal administrating international system. No doubt, states are formulating their alliances to fight actively in cyberspace. But still it is difficult to separate the friends from foes, because the trust deficit relations between the nations created an international anarchical cyberspace system, which ultimately has made every state vulnerable before the rival forces. Moreover, internet is a global network of all states, and isolation from other states is impossible in this complex system of ICT. Theoretically, the foundation of realism lies at the notion of anarchy, which does not only ensure the survival of state but it also generates an inter-

national competitive environment. The theoretical circles of realist school of thought, unlikely other academic dimensions, suggest that the realism present a reasonable account of both change and its relevance to the social practices of individuals in anarchical environment [9]. Therefore, internet brought a revolutionary change in the world by resolving the problem of unmanageable interconnectedness around the globe. The rapid change in ICT is failed to prevent the sense of insecurity from the international anarchical system. Moreover, the transnational effect of cyber-attacks is another challenge which can be best explained by securitization theory.

The securitization approach is derived from the concept of security associated to all fields to security which ultimately formulates human security. In securitization theory, cyber-security is one of the serious security concerns, along with energy security, food security, gender security, security of minorities and ethnic groups [10]. The work of Copenhagen School highlighted the idea of cyber-security and pointed out the need to theorize it as a separate field besides the military, social, political, religious, economic and environmental sectors [11]. In this way, the security threats beyond the traditional threats to the state and military became an area of immense importance for all states in contemporary international system. The transnational nature of cyber-attacks declared the cyber-security as a one of the potential nontraditional security threat. Nontraditional threats are more severe than the traditional threats, because the direct implication of such non-military threats has hampered the state's territorial integrity and sovereign values. So, cyber-security denounces the physical role of military by defining the threatening relationship between the individuals and computer networks, in which everyone possess the capability to orchestrate an attacks against the opponent.

Henceforth, in the anarchical international system, cyber-security is a potential nontraditional security threat which has declared the traditional state system more vulnerable and insecure than ever before. The challenges of stealing the states secrets and sensitive information are more acute now than the physical threats to the states. In this way, internet has created a security dilemma in which all the states are equally vulnerable of probable attacks on their cyberspace. The threats of cyber-terrorism in the form of cyber-attackers attacking from unknown places pushed the nations into an ambiguous „insecure security” environment. Thus, the enemy in virtual warfare is hard to identify, but states are ready to take prompt action against the unknown attackers [12].

Neoliberals suggested the international cooperation as the only viable option to counter the cyber-security threats. The mutual cooperation between the states can ensure the mutual defense. In this way, the establishment of an international cooperative network can ensure the protection of cyber-values of all the states. In contrast to the neoliberals, the anarchy in the international cyber-

SIGNIFICANCE OF CYBER-SECURITY IN MODERN AGE: OUTLOOK FROM AZERBAIJAN

space couple with the offensive and defensive nature of states has maintained a security dilemma across the globe. Few states prefer to adopt the pre-emptive or preventive cyber-attacks because the offensive and defensive realists advocated the idea of first-strike over hostile forces is the best solution to eliminate the enemy's retaliatory capabilities. The prevention of second-strike or retaliation abilities of enemies are the appropriate ways to survive or eliminate in security dilemma [13].

Besides the suggested and opposing solutions of neoliberals and realists, to trace the source of origin in cyber warfare is still a question. The anonymous origin of „cyber-missiles” or non-state actor's threat to cyberspace is a common concern of all states. Sometime, the cyber-warrior prefers to leave a fake ID after conducting a cyber-strike.

The custodians of national security are in serious situation to defend the national interest of the state in virtual world of cyber-competition. State and non-state actors prefer to use cyberspace for the promotion of their ideas and advancement of their interests. Therefore, the internet has proved to be a binding force between national security and cyberspace. The combination of online independent users, corporate organizations, and state governments are denying the authority of anyone over internet. Consequently, a virus from a commercial website or disruption created by internet user can damage the cyber-infrastructure of a government or armed forces [14]. National security of a state always addresses the accumulation of internal and external threats. By applying the national security model, the threat to cyberspace is potential threat which is neither completely internal nor utterly an external threat.

Historically, the demise of Soviet Union at the end of Cold War and the start of globalization presented the idea of launching operations in cyberspace. Gradually, cyber weapons made the conventional and nonconventional military capabilities of states outdated. In this way, the notion of national security has engulfed the threats of cyber warfare. The universal applications of cyber-security made the traditional efforts and treaties of arms control obsolete, because now, the cyber-attacks in the form of Stuxnet worm and information warfare in term of WikiLeaks along with the revolution in social media are mutually shaping the world politics. Such histrionic changes in international system resulted in Arab Spring, war on terror, cyber-attacks and killing of Osama Bin Laden [15]. In this way, the Stuxnet attack is one of the major events which tried to turn the history of the world. Therefore, the dependency of states on information, psychological and cyber domains changed the geopolitical dynamics of world politics. The strategic clashes of states in virtual world denounced the territorial jurisdictions.

Recently, the fragile cyber strength of states is revealed by Stuxnet virus because the Stuxnet worm was difficult to investigate. Discovered in 2010 this virus is

believed to attack Iran's nuclear facilities. Though attacks of the virus categorized as “worm” were initially of indiscriminate character it carries a very specific imperative to target only supervisory control and data acquisition systems (SCADA) produced by Siemens. As a result Iranian nuclear program have suffered problems with centrifuge machines. As experts claim that such a sophisticated attack could only have been carried with an assistance of nation-state [16], it seems that a cyber-attack of such kinetic outcome have changed all the notions of the cyber-security and cyber-warfare as it exposed two additional factors: 1) physical impact of cyber-attack in real world and 2) involvement of nation-state.

It has to be pointed out that the Stuxnet incident alarmed the security bells of number of states including Azerbaijan, which ranked fourth most affected country by the Symantec statistics (2,57%) [17].

4. Significance of Cyber-security for Azerbaijan

Azerbaijan, a state which is located at the crossroads of Eurasia, is surrounded by the Caspian Sea and Caucasus mountain range. Due to Armenian occupation of Nagorno-Karabakh and international armed conflict it brought, energy security of Caspian Sea, and antagonistic neighboring states of clerical Iran and nuclear Russia, traditional security always remained in proprieties of Azerbaijan's foreign and domestic policies, however Stuxnet, an aforementioned computer worm case, dragged the attention of the country toward the cyber-security as it did in many other affected states in the world. Though Stuxnet have mainly targeted Iranian computers it has been spotted in some other states including Azerbaijan. No doubt, the prompt reaction of effective antidotes overcame the low damages of this „cyber-missile”, but the Stuxnet incident alarmed the existing safeguards of cyberspace in Azerbaijan. Moreover, authorities of the country faced the investigation of the origins of 25 cyber-attacks in 2012, 24 from Iran and 1 from Netherlands [18]. Therefore, cyber-security became one of the more serious concerns and serious challenges to the national security of Azerbaijan.

In reaction to the cyber-attacks, Azerbaijan is taking several initiatives for the protection of its digital infrastructure. The minister of Communication and Information Technology several times highlighted the vision of the government in a statement for the strengthening of Azerbaijan's information security. Moreover, he also mentioned the ambition of his country for the development of an international collaboration against the prevailing threats of organized cyber-attacks. In this way, three major institutions of government are complementing to the defense of cyber borders of Azerbaijan – Ministry of Communication and Informational Technology (MCIT), Ministry of National Security (MNS) and Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS) through its Information Technologies Institute (ITI). In short, the government

Kamal MAKILI-ALIYEV

of Azerbaijan is rapidly developing its e-infrastructure with the help of ANAS and improving the digital infrastructure of the state. Such an emerging digital environment needs a foolproof communication network system. No doubt, a multilateral cooperative approach could augment the existing laws of cyber-security, but the active individual efforts of states could play more effective role. Therefore, the combination of unilateral and multilateral approaches can counter mutually the overwhelming non-military and transnational threats of cyber-attacks.

The legal basis cyber security needs to be strengthened in Azerbaijan because, the cyber-weapons in different forms (such as Stuxnet virus) have already attempted to destroy the government cyber-infrastructure. So, a strong and well secured cyber-network can prevent the risks of cyber-attacks in the digital infrastructure of the country. Furthermore, the promotion and advancement of cyber laws with the establishment of a cyber-army has become a vital demand for Azerbaijan in order to strengthen the national cyber-security of the state. In this way, the safety and security of cyberspace is a question of immense importance for Azerbaijan, because the growing dependence of industry, government and financial institutions on cyber-networks needs a completely secured and reliable information system, which could maintain cyber-deterrence in the global cyberspace.

A number of writers have presented their opinion on cyber-security while highlighting its significance and impact on international system. The effects of cyber-security and its relevance to Azerbaijan need scholarly attentions because cyber-weapon, as compared to conventional and nuclear weapons, are more serious threat to the contemporary stability of the state. The scholarly debate regarding the importance of cyber-security for Azerbaijan is lacking. Therefore, the central theme of this work revolves around the Azerbaijan's position in the evolving digital age, in which the cyber-threats has hampered the traditional security apparatus of the state. As a result, the conventional wisdom of state has been heavily challenged. In order to secure the state's digital assets, Azerbaijan needs to prepare itself for the political, social, economic and military dimensions of possible cyber-conflicts, which are the persistent and potential future threats to the country.

5. Azerbaijan faced with cyber-threats

Cyber-security is becoming a one of the fastest growing areas in world politics. It is impossible for a state to manage escape from the emerging wave of cyber-attacks. The widespread effects of cyber-weapons have undermined the existing detecting and intercepting systems of the states. As Stuxnet is an appropriate example to evaluate the pervasive effects of cyber-attacks it can be seen that states, like Azerbaijan, through investigation of the situation faced a serious question to the security mechanism of state. Henceforth, the significance of

cyber-security and its relevance to the future of country were reaffirmed by the authorities of Azerbaijan. The Ministry of National Security of Azerbaijan believes that the cyber-security threats are prevailing in Azerbaijan due to the digitalization of society and the development of non-oil state infrastructure [19]. While connecting to the worldwide computer network, the isolation from the cyber-attacks is impossible for Azerbaijan. A malware in global cyberspace can be delivered to Baku and within few seconds can potentially harm the digital infrastructure of the state. In this way, the national security of the Azerbaijan is being progressively threatened in the contemporary digital age.

The national security of the Azerbaijan in the nontraditional strategic environment of twenty first century is threatened by the cyber-warriors located around the globe. The hostile perspective of the cyber-domain has undermined the present capabilities of policymakers.

The digital conflicts have escalated in Caucasus region in January 2000, when Armenian hackers targeted about twenty state websites of Azerbaijan, along with the websites of US embassy of Baku and several international organizations, by pasting inaccurate and propagating material against Baku and its leading state officials especially President Heydar Aliyev [20]. Moreover, in January 2012, websites of some state and news agencies were defaced to display anti-state sentiments [21]. Allegedly Iranian-based such attacks on Azerbaijani cyberspace further deteriorated already strained Baku-Tehran bilateral relations. The security analysts of the Ministry of National Security of Azerbaijan are working to strengthen the cyber-security against the potential cyber-attacks originating in Armenia, Iran and even Russia [22]. In one instance cyber-attacks were first reported by the New Azerbaijan Party (YAP) and later in, course of investigation, traced IP numbers of hackers proved to be of Iranian origin [23]. One month later, it was reported that the Azerbaijani airline AZAL and a TV station's websites are under attack by Iranian hackers [24]. Furthermore, Armenia, have also attacked Azerbaijan's digital substructure in September 2012. The Armenian hackers hacked attempted to hack around 20 important websites of Azerbaijan, which was an effort to target cyber-infrastructure of the country [25].

Besides the covert attacks on Azerbaijani national websites, the ratio of cybercrimes has reached into its zenith. The Ministry of Internal Affairs of Azerbaijan showed the state's worries about illegal usages of computer networks. The malpractices of communication networks started attracting cyber-criminals and provoked attacks on cyber-borders of Azerbaijan. Therefore, the organized cyber-crimes or politically motivated cyber-criminals are becoming an abnormal security threat for Azerbaijan [26]. The similar views were presented by the representative of MNS of Azerbaijan, Karim Karimov

SIGNIFICANCE OF CYBER-SECURITY IN MODERN AGE: OUTLOOK FROM AZERBAIJAN

in a workshop arranged by the Organization of Security and Cooperation in Europe (OSCE) in September 2010 [27]. K.Karimov focused on the financial crimes on internet in the form of money laundering, online fraud and economic thefts in his arguments. K.Karimov have also mentioned the disguised hackers are using Azerbaijan's cyberspace for their malicious activities, and victimizing the Azerbaijani nation. In this way, the borderless cyberspace has activated criminals across the globe by facilitating them [28].

The aforementioned cases and official statements showed certain vulnerabilities of cyber-security and the strategic aspects of cyberspace of Azerbaijan. The establishment of complex cyber-network and its contribution in economic, political, military and social sectors exposed the vulnerabilities of states while activating the attacking powers of enemies. In such a complex security environment, the role of state and non-state actors is difficult to treat separately. The identification of non-state actors became serious concern than the state. The wounded states of cyber-attacks like Azerbaijan are critically investigating the responsible factors along with the originator of such attacks on the state. On the other hand, the victims of cyber-violence are not able to classify whether the attack was state sponsored or conducted by an independent hacker.

Azerbaijan a rapidly growing economic state is swiftly developing its digital state infrastructure. The greater reliance of Azerbaijan on virtual world, the more vulnerable areas and insecurities will be created for attackers. In this way, cyber-war launched by rival states, economic disturbances in the form of covert state-sponsored hackers, cyber-crimes conducted by anonymous individuals and cyber-terrorism in the term of non-state actors are the

four areas of threat that encircle the computer networking system of any state these days. It is thus should be expected that the attacks on official websites of Azerbaijan and minor cyber-crimes may create a future, where the cyber-war and cyber-terrorism will be undeniable realities for Azerbaijan. Therefore, the safety and security of computer networks and communication system can protect the Azerbaijani nation from above mentioned future threats.

Internationally, the globalization has brought a major change in world of politics in form of involvement of influential computer networks in states' life. The defense experts forecast the future of international system in terms of cyber-warfare. The cyber-world has dragged the states in the battlefield of information operations, because the growing use of cyberspace has developed the attractive and effective cyber-weapons. Azerbaijan, an economically booming state needs to be proactive against its rivals who have already made it a victim of cyber-attacks. The regional and extra-regional states hostile to Azerbaijan which are unable to face competition in international market can produce covert attacks on cyberspace of the state. The cyber-attacks on Azerbaijan tried to deteriorate country's international image, posed serious threats to the state and demand serious attention. The alleged attacks from Iran and Armenia raised cyber-security concerns, and demanded a reliable internet and a proper management of cyber-crimes. The state level initiatives for the development of interoperable, secured and properly safeguarded cyberspace can ensure the future of Azerbaijan's cyberspace by establishing robust deterrence of cyber-threats. Therefore, an utterly secured and safeguarded cyber-network is an immediate demand of the nation.

Bibliography:

1. Richard, O. Hundley, et al. The Global Course of the Information Revolution: Recurring Themes and Regional Variations. National Defense Research Institute. RAND. Santa Monica, 2003.
2. Heather, H. Dinniss. Cyber Warfare and the Laws of War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012, p. 11.
3. Eric, A. Fischer. Creating a National Framework for Cybersecurity: An analysis of issues and options. – New York: Nova Science Publishers, 2009, p. 11.
4. Ibidem.
5. Ibidem, p. 12.
6. Ibidem.
7. Ibidem.
8. Heather, H. Dinniss. Cyber Warfare and the Laws of War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012, p. 29.
9. Junnifer, Sterling-Folker, Theories of International Cooperation and the Primacy of Anarchy: Explaining the U.S. International Monetary Policy-Making After Bretton Woods. – Albany: State University of New York Press, 2002, p. 69.
10. Stephanie Lawson. International Relations. – Cambridge: Polity Press, 2012, p. 92.
11. Lene Hansen and Helen Nissenbaum. Digital Disaster, Cyber Security, and the Copenhagen School. International Studies Quarterly, 2009, p. 1156.
12. Constantine, J. Petallides. Cyber Terrorism and IR Theory: Realism, Liberalism, and Constructivism in the New Security Threat. Student Pulse, vol. 04, no. 03 (2012). – <http://www.studentpulse.com/articles/627/cyber-terrorism-and-ir-theory-realism-liberalism-and-constructivism-in-the-new-security-threat> (accessed on May 20, 2013).
13. Ibidem.
14. Derek, S. Reveron. Cyberspace and National Security: Threats, Opportunities, and Power in a Virtual World. – Washington: Georgetown University Press, 2012, 06.
15. Chris, Bronk. Between War & Peace: Considering the Statecraft of Cyberspace. The Information Society. – London: Springer – Verlag, 2013, 04.
16. Kaspersky Lab provides insights on Stuxnet Worm, 24.09.2010. – <http://www.kaspersky.com/about/news/vi>

Kamal MAKILI-ALIYEV

rus/2010/Kaspersky_Lab_provides_its_insights_on_Stuxnet_worm

17. W32. Stuxnet, 13.07.2010, Symantec. – http://www.symantec.com/security_response/writeup.jsp?docid=2010-071400-3123-99

18. Zulfugar, Agayev. Cyber Attacks on Azerbaijan Originated in Iran, Minister Sys. Bloomberg News, January 21, 2012. – <http://www.businessweek.com/news/2012-01-21/cyber-attacks-on-azerbaijan-originated-in-iran-minister-says.html> (accessed on May 16, 2013).

19. Officials of Ministry of National Security of Azerbaijan, interview by author, Baku, June 2nd, 2013.

20. Marcus, Franda. Launching into Cyberspace: Internet Development and Politics in Five World Regions. – London: Lynne Rienner Publishers, 2002, p. 121.

21. Mina, Muradova. Iran and Azerbaijan Clash Over Cyber-Attacks and Arrested Terrorists. CACI Analyst, January 25, 2012. – <http://old.cacianalyst.org/?q=node/5707> (accessed on May 16, 2013).

22. Op. cit. Officials from the Ministry of National Security.

23. Azerbaijani Official Websites Victimized By Cyberattack. Radio Free Europe Radio Liberty, January 17, 2012. – http://www.rferl.org/content/azerbaijani_websites_hacked/24454171.html, (accessed on May 16, 2013).

24. Azerbaijan Airline Websites, hit by Cyber Attack. The Daily Star, February 24, 2012. – <http://www.dailystar.com.lb/News/Middle-East/2012/Feb-24/164417-azerbaijan-airline-websites-tv-hit-by-cyber-attack.ashx#axzz2TRrsILKJ> (accessed on May 16, 2013).

25. Jorge, Benitez. Patriotic Hackers in Armenia and Azerbaijan Escalate Crisis With Cyber Attacks. Atlantic Council. – <http://www.acus.org/natosource/patriotic-hackers-armenia-and-azerbaijan-escalate-crisis-cyber-attacks> (accessed on May 16, 2013).

26. Interior Ministry Reveals Facts of Internet Fraud Against Azerbaijani Citizens. News. Az, July 07, 2011. – <http://news.az/articles/society/39945>, (accessed on June 11, 2013).

27. Cyber Crime Growing in Azerbaijan. News. Az, September 07, 2012. – <http://news.az/articles/society/22339> (accessed on June 11, 2013).

28. Ibidem.

Summary

This article aims and providing the reader with the notion of why cyber-security is significant in the modern world of international relations and framework of international security. Author discusses shifts in international security towards digitalization of the threats and criminalization of inappropriate behavior in cyberspace. Moreover, article puts forward and argument that as the cyber-threats will progress in possibility of real kinetic impact in real world they will inevitably change the nature of warfare and concepts of security. Article discusses these issues from the perspective and position of Azerbaijan, focusing on the situation with cyber-security of this country located in the geopolitically important region of South Caucasus.

Keywords: cyber-security, international security, Azerbaijan, cyber-threats, cyber-terrorism, cyber-warfare, security agencies, ICT, information technologies, cyberspace, Stuxnet, military.

Аурелия ГРИГОРИУ,

адвокат,

магистр права и государственного управления,

президент Общественной палаты Республики Молдова

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРИОРИТЕТЫ В КОМПЛЕКСЕ ПРОБЛЕМ И ТРЕБОВАНИЙ ОБЩЕСТВА

Права и свободы человека являются приоритетными во всем комплексе проблем и требований общества на определенном этапе. Лишь путем уважения основных прав и свобод каждого человека, в первую очередь – со стороны государства, современные проблемы исключительной важности могут быть решены эффективно и на долгосрочной основе.

К сожалению, не для всех лиц, призванных, исходя из их служебных полномочий, гарантировать соблюдение прав человека, данные понятия стали составной частью их правовой культуры, а осведомленность населения о своих правах и механизмах их защиты остается еще на низком уровне.

Хотелось бы высказаться по поводу политики двойных стандартов и её негативном влиянии на обеспечение конституционных прав. Двойной стандарт или двойная мораль – это критический термин для обозначения применяемых на практике и широко распространённых (но официально отрицаемых) дискриминационных подходов к оценке действий и прав групп населения, стран, рас. Политикой двойных стандартов называется ситуация, когда оценка одних и тех же действий субъектов варьируется в зависимости от того, в каких отношениях каждый из этих субъектов находится с оценивающим. При этом действия «своих» – лояльных к оценивающему, получают оправдание, а те же действия «чужих» – порицаются.

В международных отношениях такая политика обычно принимает форму обвинения неудобных в нарушении принципов, конвенций, обязательств, «попрании общечеловеческих ценностей», «нарушении прав человека», «отступлении от норм международного права» при демонстративном игнорировании совершенно аналогичных собственных действий или действий союзников.

Кто является самым строгим поборником прав человека, кто любит поучать всех и вся, как надо их соблюдать, и чье мнение является основополагающим, как они считают? Посмотрим, как обстоит дело с защитой прав человека у них.

Начнем с того, что Соединенные Штаты Америки, как оказалось, не участвуют в подавляющем большинстве ведущих международных договоров, документов, конвенций в сфере прав человека. Чтобы не быть голословными, скажем так: они не участвуют в 9 из 13 ключевых конвенций. Они либо вообще не подписывали эти конвенции, либо подписали их, но не ратифицировали. Наиболее яркий пример – Конвенция ООН 1989 года о правах ребенка. США подписали эту конвенцию, но не ратифицировали ее.

США – это одно из трех государств мира, которые не участвуют в Конвенции по правам ребенка, второе государство – Сомали и третье государство – Южный Судан. Достойная компания, принимая во внимание, что Судан стал свободной страной совсем недавно, поэтому к нему пока нет больших претензий. К Сомали тем более, учитывая политическую ситуацию там. В США все же нормально с правами человека.

Администрация Обамы обещала добиться ратификации Конвенции о правах ребёнка, но обещание остается пока невыполненным. Об этом не говорится, эти факты не освещаются в прессе. А почему? Истинная причина заключается в том, что США не хотят брать на себя обязательств в сфере подотчетности международному мониторингу по вопросу о правах человека [см.: 1].

Причина, которую чаще всего называют сами американцы, заключается в том, что в Америке с правами человека дело обстоит лучше и стандарты выше, чем те стандарты, которые предусмотрены соответствующими международными комитетами. Простой вопрос, который возникает и является логичным: если это так, то тогда что мешает подписать Конвенцию с минимальными стандартами и продолжать замечательно выполнять свои более высокие стандарты? Однако американские власти предпочитают внимательно следить за отчетами других перед международным сообществом, особенно стран СНГ и стран Восточного партнерства.

Аурелия ГРИГОРИУ

Кстати, о правах ребенка. Анализ ситуации в США с правами детей выявляет системные проблемы. Сотни тысяч детей в США подвергаются жестокому обращению, что приводит зачастую к летальному исходу. В девятнадцати штатах США законодательно разрешено применение телесных наказаний в отношении детей. В США имеются образовательные центры, в которых детей «лечат» и «воспитывают» электрошоком, лишением еды.

Не секрет, что американские тюрьмы являются самыми переполненными в мире. Эти тюрьмы полны несовершеннолетними заключенными. В США количество заключенных, погибающих в тюрьмах, исчисляется тысячами.

Наиболее характерные проблемы США в сфере прав человека – это растущее социальное неравенство, дискриминация по расовому, этническому и религиозному признакам. На регулярной основе представители полиции, органы правопорядка превышают свои полномочия по применению силы. Около 30 процентов полицейских осуждаются за совершенные преступления. Имеются случаи принуждения мигрантов работать по 16-20 часов в сутки. В США насчитывается свыше 13 миллионов безработных; 40 миллионов человек не имеют медицинской страховки; 15 процентов семей испытывают нехватку продуктов питания.

Одним из наиболее ярких примеров «соблюдения» прав человека в США явились кровавые события в Фергюссоне, когда протестующих против произвола полиции граждан разгоняли с использованием войск.

Отметим, что в 2009 году в Молдове проходили агрессивные протесты населения. Полицию «мирные граждане» забрасывали камнями, били железными прутьями. Были атакованы здания высших органов государственной власти Молдовы – Президентура страны и здание Парламента. Затем эти здания были разграблены и подожжены. Так вот при этих событиях дипмиссии стран ЕС и США настоятельно требовали от властей Молдовы не допустить применения силы ни при каких обстоятельствах. Можно ли представить себе такое в Вашингтоне или Берлине? Вряд ли.

В то же время мало кто задумывается над обеспечением уровня и условий жизни населения.

Могут возразить, что это не относится к правам человека. Как раз наоборот, это и есть настоящие права человека: право на труд, право на питание, право на образование, право на достойную жизнь. Порой в общении с представителями правозащитников из ЕС и США создается впечатление, что для них есть только одна категория прав – это гражданские, политические права. Безусловно, это очень важные права человека. Но не следует забывать, что для рядовых граждан не менее важны и другие права: экономические, социальные, культурные.

Давайте посмотрим, что говорят международные правозащитники о свободе СМИ в США. Международное рейтинговое агентство в 2012 году значительно снизило уровень свободы слова в США. Известная неправительственная организация «Репортеры без границ» занимается рейтингом свободы СМИ в различных странах. В 2012 году она переместила Соединенные Штаты Америки почти на 50 пунктов вниз.

В период с июля по декабрь 2011 года только в адрес компании Google от государственных американских структур поступило на 100 процентов больше запросов, чем за предыдущий год, на удаление контента тех или иных сайтов. Количество электронных сообщений, просмотренных спецслужбами США с 2004 по 2007 год, выросло на 3 тысячи процентов. Это к вопросу о невмешательстве в частную жизнь.

Законодательство США разрешает осуществлять тотальную проверку всех электронных коммуникаций иностранцев и американцев без судебного ордера, без судебного решения. Неслыханная ситуация для большинства стран, которые относят себя к разряду демократических. Понятно, что страна борется с терроризмом, но все сейчас борются с терроризмом, это, однако, не означает, что нужно бороться методами, абсолютно игнорирующими права человека.

Удручающая ситуация и со смертной казнью в США. Все мы помним, с какой настойчивостью от вновь образовавшихся стран СНГ США требовали отмены смертной казни. Думается, что эта тема является болезненной и для представителей Европейского Сообщества. Тем не менее, смертная казнь по-прежнему разрешена и применяется в 33 штатах Америки. Около трех тысяч заключенных, свыше 60 тыс. из которых – это женщины, по данным на 2013 год, ожидают исполнения вынесенного смертного приговора. Причем многие из них ожидают этого в течение пяти и более лет. С 1976 по 2005 год в США казнили более 20 несовершеннолетних. Насколько известно, даже талибы в период своего господства в Афганистане довольно осторожно, щепетильно подходили к казни детей.

От пяти до десяти процентов от всех приговоренных к высшей мере наказания в США страдают серьезными психическими расстройствами. Более 60 процентов американских заключенных, а их свыше 2 миллионов в США, – это представители расовых и этнических меньшинств. В некоторых штатах каждый двадцатый заключенный содержится в одиночной камере. Статистику можно было бы продолжить.

1 ноября 2015, совсем недавно, в Азербайджане прошли выборы в Мили Меджлис страны. Сколько попыток было предпринято Западом, чтобы очернить избирательную кампанию, и сколько ушатов грязи было вылито на власти Азербайджана, сколько предъявлено обвинений в нарушении прав!? Выборы же в высший законодательный орган страны прошли

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРИОРИТЕТЫ В КОМПЛЕКСЕ ПРОБЛЕМ И ТРЕБОВАНИЙ ОБЩЕСТВА

на высочайшем уровне, демонстрируя политическую зрелость населения, активную жизненную позицию и демократический подход к процессу выборов.

А как в США? На сегодня США являются одной из последних стран, где используется непрямая избирательная система. Америка указывает другим странам на то, что выборы в них должны быть открытыми, честными, состязательными, с равными условиями, в том числе с равным доступом к СМИ. Однако все эти критерии почему-то отсутствуют в самих США.

Как отмечали представители ОБСЕ, наблюдатели одного из избирательных участков США, их просто выставили оттуда, запретив наблюдать за демократическими выборами [2].

На каком тогда основании американские власти предъявляют другим странам претензии, что якобы они принимают слишком мало наблюдателей ОБСЕ, когда во многих американских штатах этих наблюдателей вообще не пускают на участки. По какому принципу вообще формируется количество наблюдателей?

Почему, например, в Азербайджан с населением в 9 миллионов человек решено было отправить свыше 400 наблюдателей ОБСЕ, а в Россию, где население составляет порядка 150 млн. чел., было направлено около 200 наблюдателей? Да и в другие страны с большим количеством населения, чем в Азербайджане, отправлялось в разы меньшее количество наблюдателей.

Полагаем, что это и есть проявление политики двойных стандартов.

Если права человека – это универсальные ценности, которые общепризнанны, то и соблюдаться они должны всеми. Оценивать же их соблюдение нужно без селективности.

В странах ЕС есть множество серьезных проблем в области прав человека. Основное – это то, что многие страны-члены ЕС, как и Соединенные Штаты Америки, не участвуют во многих международных соглашениях по правам человека. Либо участвуют с такими оговорками, которые фактически нивелируют их участие. Одним из таких лидеров является Великобритания. Например, она подписала пакт о политических и гражданских правах, но не признает юрисдикцию Комитета по правам человека в отношении своих граждан. Европейский Союз пытается играть очень активную роль, в том числе и в Совете Европы. Но до сих пор Европейский Союз не подписал Европейскую конвенцию по правам человека. До сих пор идут экспертные консультации. Простой вопрос: если все 27 членов ЕС к этой конвенции присоединились, что мешает сделать это Европейскому Союзу?

В Европейском Союзе масса интеграционных инструментов во всех сферах, кроме одной – гуманитарной сферы. Нет в Европейском Союзе институтов, которые бы адекватно следили за соблюдением прав человека в государствах-членах ЕС.

Два года назад, будучи Омбудсменом Республики Молдова, я направила в Европейский Институт Омбудсменов свои предложения по улучшению работы Омбудсменов, повышению её качества. Я получила благодарность за предложения, однако в ответе было указано, что мои предложения не могут быть выполнены, так как каждая страна ЕС самостоятельно определяет критерии исполнения прав человека и вообще самостоятельно устанавливает их, потому что в ЕС соблюдение прав человека – это национальное право.

Но позвольте, если в ЕС есть единая валюта, если есть единая внешняя политика, политика в области безопасности, даже есть теперь единая политика в области прав человека, почему же нет институтов, наблюдающих за соблюдением прав человека на основе единого законодательства и единых стандартов?

Политика двойных стандартов в отношении таких стран, как Молдова, Азербайджан, Грузия, привела к появлению так называемых замороженных конфликтов [см.: 6]. Отсутствие правовой оценки произошедших в них событий допускает длительное существование сепаратистских режимов: в Азербайджане и Молдове – уже свыше 20 лет. И при этом Европа умудряется проводить селективную политику. Например, главы этих режимов из Грузии не принимаются в Европе, им не открывают визы, отсутствует возможность посещения Европы. В то же время так называемые главы Нагорного Карабаха и Приднестровья до сих пор свободно ездят в Европу не только для переговоров, но и просто для шоппинга и отдыха.

К чему все это привело? К системному кризису, который наблюдается во всех областях жизни человека, к нарушению международного права, международных договоров. К сожалению, этот кризис касается и защиты прав человека. В последнее время очень много говорится о необходимости реформирования таких огромных институтов, как Организация Объединенных Наций, ее Совета Безопасности. Это глобальная проблема. А что можем сделать мы? Я считаю, что мы можем и обязаны предлагать реформирование работы института Омбудсмена.

При демократии всегда существует риск, что без ответственного руководства большинство избирателей начнет поддерживать политику, ущемляющую интересы меньшинств. Эта дилемма помогает объяснить, почему защита прав человека, которая ведется отчасти и для защиты от «тирании большинства», сейчас важнее, чем когда-либо, особенно потому, что средства защиты этих прав оказались неэффективными.

Государственная политика во многих странах Евросоюза больше не церемонится с правами человека, оправдывая это тем, что иначе симпатии населения перейдут на сторону популистских экстремистских партий. Критика подобной политики снята с повестки дня. Подтверждений тому можно найти множество.

Аурелия ГРИГОРИУ

Это и принудительное выселение ромов (цыган) из Франции, и арест подозреваемых в терроризме в Испании, и высылка из Италии, Греции, Венгрии мигрантов. Внутренние политические выгоды от подобной политики перевешивают недовольство международных или региональных организаций.

Отсутствие единой правовой оценки событий, происходящих в Европе в настоящее время, ведет европейские страны в тупик. И мало кто задумывается, что эти события есть не что иное, как логическое продолжение кровавых событий конца прошлого столетия в Карабахе. Около миллиона беженцев и внутренних переселенцев принял Азербайджан с момента начала Карабахского конфликта. Однако мировое сообщество не даёт своевременную юридическую оценку преступным действиям политиков, приведшим к массовым нарушениям прав человека. Резолюции ООН и СБ ООН по Нагорному Карабаху и оккупированным территориям [7, приложения] продолжают игнорироваться агрессорами. А мировое сообщество пожимает плечами и пытается уговорить стороны пойти на взаимные уступки. О каких уступках можно договариваться с агрессором? [см.: 8, с. 61-72].

Как следствие, Европа получила военный конфликт в Приднестровье, затем в Грузии. Теперь в этот процесс вовлечена Украина. Не за горами и сама Европа. Уже сейчас здесь образовались две новые проблемы: беженцы и сепаратистские тенденции Каталонии. Что касается беженцев, то здесь можно сказать, что необходимо было бы изучить опыт Азербайджана, где работа по приему и устройству беженцев и переселенцев, которых было более миллиона человек в результате военных действий в Карабахе и оккупации Арменией семи районов Азербайджана, ведется более 20 лет.

А вот что касается Каталонии, можно сказать, что

если Европа не даст правовой оценки карабахским событиям, то власти Испании рискуют получить повторение азербайджанских событий в полном объеме. Тем более, что из уст премьер-министра Испании уже прозвучало, что для недопущения референдума в Каталонии будут использованы все силы, то есть и армия.

Однако два важных института все еще трудно игнорировать: это Европейский Суд по правам человека [4] и Европейскую Комиссию ЕС [5]. Первый из них обладает реальным влиянием, хотя отдельные страны Евросоюза (особенно Италия в вопросе изгнания террористов) начинают игнорировать некоторые из его постановлений, и суд подвергается политическим нападкам (в частности, в Британии) за «вмешательство» во внутренние дела стран.

Европейская Комиссия вправе призвать страны-члены ЕС к ответу за нарушение законов Евросоюза. А с заключением Лиссабонского договора сюда относятся и права человека, которыми занимается специальный Еврокомиссар. Однако выселение цыган летом 2010 года продемонстрировало ограниченность ее влияния. Проигнорировав ООН, Совет Европы и Европейский Парламент, официальный Париж с яростью отреагировал на действия Еврокомиссии. К сожалению, Еврокомиссия уступила. Дальнейшие события показали половинчатость ее решений [3].

Снижающееся уважение к правам человека в Европе не остаётся незамеченным. Как следствие, снижается доверие к международной политике ЕС. Прежде всего, кризис в защите прав человека тревожен сам по себе. Если эти опасные идеи – что одни люди заслуживают меньших прав, чем другие, и что демократическая воля большинства позволяет ущемлять интересы меньшинства, не встретят отпора, то идеалы либеральной демократии потерпят крах. Все идет к этому.

Литература:

1. Текущий архив уполномоченного по правам человека МИД России.

2. Доклад Уполномоченного по правам человека МИД России.

– <http://russkoepole.de/de/publikatsii-zayavleniya-intervyu/1357-dolgov-mid.html>

3. <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page30158.html>

4. См.: <http://www.espch.ru/>

5. См.: <http://n-europe.eu/glossary/term/92>

6. Мехтиев, Р.Э. Миропорядок двойных стандартов и современный Азербайджан. – Баку: Шагр-Гарб, 2014.

7. Алиев, Намик. Международное право и нагорно-карабахский конфликт. – Москва: Вече, 2013. – 176 с.; ил.

8. Makili-Aliyev Kamal. Nagorno-karabakh Conflict in International Legal Documents and International Law. – Baku: Fall, 2013. – 136 p.

Использованный научный материал:

1. Сведения о США в Универсальном периодическом обзоре Совета по правам человека ООН.

2. Права человека в США (информация ООН) (англ.).

3. Доклады США по договорам о правах человека. – <http://www.state.gov/j/drl/reports/treaties/index.htm>

4. United States: Human Rights World Report 2010 (информация Human Rights Watch за 2009 год). – <https://www.hrw.org/node/258970>

5. Доклад о правах человека в США за 2009

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРИОРИТЕТЫ В КОМПЛЕКСЕ ПРОБЛЕМ
И ТРЕБОВАНИЙ ОБЩЕСТВА**

год. Госсовет КНР, 2010. – http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2010-03/12/c_13208219_3.htm

6. Соблюдение прав и свобод человека в США. Часть 2. Права человека в США и странах Европейского союза (доклад Фонда исторической перспективы, 2007). – http://www.stoletie.ru/politika/prava_cheloveka_v_ssha_i_stranah_evropeskogo_sojuza_chast_2.htm

7. Доклад Международной амнистии-2011, раздел о США. – <https://www.amnesty.org/en/countries/>

8. Права человека в Соединённых Штатах Америки. Нью-Йорк: Институт демократии и сотрудничества: 2009, 2010, 2011, 2012, 2013.

9. США. О ситуации с правами человека в ряде го-

сударств мира. Доклад МИД России. – [http://archive.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/9f9f2a6497b5822f43256a2900463456/2b4694cd44b6411e44257974003e49c4/\\$FILE/Доклад.doc](http://archive.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/9f9f2a6497b5822f43256a2900463456/2b4694cd44b6411e44257974003e49c4/$FILE/Доклад.doc) (2011), с. 1-20.

10. Доклад о ситуации с обеспечением прав человека в США МИД России. – [http://archive.mid.ru/bdomp/ns-dgpch.nsf/8f29680344080938432569ea00361529/885c1a6a526b8a7c44257aa000249c42/\\$FILE/Доклад.doc](http://archive.mid.ru/bdomp/ns-dgpch.nsf/8f29680344080938432569ea00361529/885c1a6a526b8a7c44257aa000249c42/$FILE/Доклад.doc), (2012).

11. Ключевые документы США по правам человека (англ.).

12. Хронология прав человека в США. Государственный департамент (англ.).

Summary

Human rights and freedoms are a priority throughout the complex challenges and requirements of the interests of society at a certain stage.

This article refers to the policy of double standards and its negative impact on the provision of citizens' constitutional rights. Double standards with regard to the countries such as Moldova, Azerbaijan and Georgia have led to the emergence of so-called frozen conflicts. The absence of a legal assessment of the events allows the long-lasting existence of the separatist regimes, as in Azerbaijan and Moldova more than 20 years.

The article also reflects the biased state policy of EU countries on human rights, based on prevention of social sympathies towards populist extremist parties.

Dumitrița BOLOGAN,
MJur (Oxon), PhD candidate, Academy of Sciences of
Moldova, national legal consultant NORLAM
(Norwegian Mission of Rule of Law Advisers to Moldova)

DEVELOPMENT OF CARTELS - LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS

Cartels are widely regarded as the most heinous form of anti-competitive behaviour resulting in serious damage to the society in the form of higher prices, less quality and/or reduced choice. Currently, we have only limited knowledge about the extent of this evil because of insufficient information on the percentage of cartels that are discovered [1].

According to Berge W. [2, p. 3] cartels are, in essence, private governments that threaten, undermine, even swallow constitutional authority. For example, in Germany, Nazism received an important and substantial support from cartelized structures of the national economy. In totalitarianism, industries are serving the interests and wishes of a government dominated by fear directly rejecting the democratic principle of consent from those who are governed.

Restrictive agreements can be dated far back from the Egyptian pharaohs, Roman emperors and medieval and feudal monarchs. One of the earliest recorded examples in competition law is generally considered the adoption of Lex Julia de Annona, under the leadership of Julius Caesar by the Roman Republic in 50 BC, to protect the corn trade. In this case, they have imposed heavy fines, against all those who deliberately contributed to insidious stopping of supply vessels to maintain high prices. Zeno's Constitution was adopted in the early Byzantine Empire in 483 BC to punish any trader involved in setting the prices for clothes and fish. In the Middle Ages, cartels' activity has been recognized upon the adoption of *Constitutiones juris metallici* in the late thirteenth century in Bohemia, under King Wenceslas II [3]. Early Modern Europe has also shown a growing interest for the power of monopolies and cartels. One example of anti-competitive legal regulation is the legislation adopted under Charles V, Holy Roman Emperor, in the sixteenth century, to prevent losses from monopolies and improper contracts, which many merchants have established in the Netherlands, controlled by the Spaniards.

In the early seventeenth century, the notion of restricting trade was slowly developed in English law. It focused on agreements between independent companies and their

impact. England's approach was based on the prohibition of agreements against public policy, and this concept became early forerunner of modern competition law, which started with the adoption of the Sherman and Clayton Act in the United States in 1890 and 1914, respectively. These laws were firstly directed against huge American trusts, which were classified as synonymous with monopolies and led to public debate and to perceiving them as a threat against democracy and free markets.

Indeed, in the first part, Sherman Act [4] states, „every contract, combination in the form of trust or conspiracy to restrict trade or commerce among the several states, or with foreign nations, is declared to be illegal. Each person that will conclude any contract or engage in any combination or conspiracy declared to be illegal shall be deemed guilty of a misdemeanour, and, upon conviction, shall be punished with a fine [...] or imprisonment of up to one year or both penalties, at the discretion of the Court”.

In France, the 1810 Penal Code severely punished through art. 419 [5] persons who „by exercising or attempting to exercise, either individually or by association or coalition a deed on the market in order to make a profit that would not have been the result of natural functioning of supply and demand, have caused thereby, or tried to provoke artificial increase or decrease in the price of public or private food, goods and securities”.

Business historians generated an extended narrative model about the rise and fall of cartels in the last century. Some incipient forms occurred in the early nineteenth century, but the first modern cartels materialized after 1870 as a reaction to the recession. Most cartels have emerged in industries defined as economies of scale. Therefore, their share is in rich countries with large enterprises. First cartels tended to occur among local companies before they spread internationally (except cartels in the areas of rail and maritime transport). Cartels have exploded in the 1920s, peaked in the 1930s, reappeared widely after 1945, after which faded gradually, especially after 1970 [3].

In Germany, in 1896, the Law against Unfair Compe-

DEVELOPMENT OF CARTELS - LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS

tion (Gesetz gegen unlautern Wettbewerb) was adopted, which was not an attempt to ensure genuine competition between businesses, but was rather a code of ethics, which was aimed at ensuring that businesses act upon „fair rules” when competing with one another and in their relationship with consumers. In other words, this law sought to ensure that those who run their business do it in a way that does not violate morals. In the late nineteenth century, it was estimated that 100 percent of the potash industry, 90 percent of the paper industry, 48 percent of the cement industry were subject to cartelization. These cartels have suffered serious metamorphosis and turned into transnational agreements [6].

In Austria, the first law regulating the pricing policy of the cartels was drafted in 1870 (the so-called „Koalitionsgesetz”). However, this law did not regulate all industries and therefore had no overall impact. The legal framework in Czechoslovakia was built on the foundations of the Austrian system, which therefore resulted in the issue of regulating agreements, being equally ineffective. In Hungary, there was no special legal framework regulating cartels, until the Great Depression and the regulation was based only on specific parts of certain laws. The German legal framework was almost identical to the Hungarian one. In Central Europe, despite all attempts, there is a comprehensive legal framework regulating cartel agreements, which was also one of the important factors that led to the creation of cartels. The definitive solution to the issue of regulation represented the forced cartelization in the first half of 1930.

Some industries (steel, aluminium, chemicals, potassium, explosives, salt, cement, paper, fertilizer) and some economies (Germany, Austria, Czechoslovakia, Switzerland) can be „considered synonymous with the concept of cartelization” [7]. Britons have experienced a flourishing movement before the First World War. Once the British courts have become more likely to accept the clauses of cartel agreements as „reasonable”, their number had exploded after 1920 [8].

In Japan, cartels emerged in 1880 with the formation of Paper Producers Federation in 1882 and the Japan Federation of Cotton Spinning. The cotton cartel lasted over fifty years on national level, with over eighty manufacturers involved. The ministers encouraged cartels to limit excessive competition. Unlike many European, Japanese enterprises have encouraged the involvement of the government. However, by 1920, the number of cartels in Japan was reduced - just three before 1920 [9].

US hold one of the most solid legal foundations in anticompetitive field under both the Sherman Act of 1890 and under Clayton Act and Federal Law on Trade Committee from 1914. These three laws are the US antitrust Bible. The principles contained in these laws are derived from a populist movement existing in the second half of the nineteenth century, which developed suspicions about the big trusts and their impact on democracy and the need

to impose legal liability [10]. In the 1980s, large corporations, particularly in the railway sector, have swallowed up many small businesses with astonishing speed. Therefore, antitrust regulations began to appear to defend individual entrepreneurs against large corporations. There have been numerous protests about the dangers of cartels, both from other businesses and the public. These grievances have contributed to the adoption of the first competitive rules, culminating in the adoption of the Sherman Act. The adopted legal norms included the values on which the US itself was built - individualism, fairness and freedom of competition. The Sherman Act included a prohibition against trade monopolization, while stating that each agreement or restriction of trade is illegal conspiracy. The Clayton Act specifies various types of agreements that should be regarded as illegal restrictions of competition, including price-based discrimination.

In Russia, the first monopolies appeared in the 80s of the nineteenth century, a classic example in this respect is the „Union of manufacturers of metals” („Союз рельсовых фабрикантов”). For that period, a direct state intervention in the creation and activity of monopolies in vital areas of the economy such as transport, metallurgy, oil, etc. was characteristic. Thus, during the 80s - 90s of the nineteenth century, there were approximately 50 unions and agreements of this kind in industry and transport. Most often, monopolies were created in the form of cartels and syndicates, in which the production was monopolized, while maintaining financial independence and production. Several major unions such as „Продамет”, „Продуголь”, „Продвагон” had the organizational form of joint stock companies, while their true activity and purposes were based on some secret agreements. In the period 1910-1914, there was a new wave of development of monopolies, conditioned by industrial progress, the number of commercial and industrial cartels and syndicates reaching 200.

After World War I, the nature, number and objectives of cartels have changed dramatically. Based in part on the experience of managing the war economy, governments have found cartels as useful policy tools. The Japanese government adopted two laws for promoting export, which sanctioned wool, cement, coal, copper, and canned crabmeat cartels. Cartels of consumer goods have obtained legal protection. In 1931, another law authorized the government to cartelize by force Japanese critical industries because the country was preparing for war [11].

Between 1926 and 1929, Spain requested cartelization of coalmines, paper, resin, sugar, rice and wine industry as a way of promoting the industry. Germany, which had a few state-sponsored cartels (potassium, certain agreements concerning coal), forced the entry of outside undertakings in the existing cartel businesses as a means to expand direct control over prices and production [12]. The French government has strengthened its administrative levers in national cartels and the British government

Dumitrița BOLOGAN

encouraged the industry to join major international cartels. Even the US has allowed Webb-Pomerania export cartels to operate after 1918 and instituted a national law on industry recovery in the early 1930s.

The 1920s and 1930s were the glory period of international cartels. Some international cartels appeared between 1880 and 1890 in the steel, aluminium, zinc, electric lamps, explosives and shipping sectors. The tea growers, for example, created the Association of Indian tea to bargain collectively with ship owners.

In terms of industrial production, George Stocking and Myron Watkins marked the beginning of a robust international cartel movement in 1896 by signing a bilateral agreement between *Industrie AG Aluminium* (Swiss-German) and *Al Coa* (USA). By 1905, *General Electric* has created a global cartel through exchange of patent rights and regional agreements.

Research has shown [13] that it was generally easier to form stable international cartel agreements where in a sector the global industry was highly concentrated or if domestic producers have already formed a coherent national cartel to represent their common interests. International Steel Cartel, the nitrogen agreement of 1929, the oil cartel, the International Union of potash, British agreements on cotton and steel offer some of the best examples of this type of complicated interaction among domestic political interest groups, the goals of the producers, international industrial rivalry and geopolitical diplomacy during the interwar period.

Raw materials and food cartels also implied complicated economic diplomacy. Here, poorer countries participated in the strengthening of international cartels. Global cartels could have been found in industries such as those of copper, lead, zinc, aluminium, mercury, potassium, oil, rubber and diamonds. With a market share of over 80% in the mercury sector, for example, Spain and Italy led a cartel between 1928 and 1972. Cartels of important food products could have also been found in products such as cocoa, coffee, sugar, tea, banana, and wheat [13].

Governments have turned international cartels in levers that influence international markets. While the British, who were leaders in foreign and state investments, also headquarters of many multinational companies, reticently concluded cartel agreements unless they had no choice, Germans would willingly engage in international cartel agreements to protect against potential expropriation which took place after the First World War, to ensure access to raw materials and markets, and to influence internal politics of the host country. In both cases, defence and security, rather than expansion - proved to be the main objectives [14].

While it is tempting to conclude that the increase of international cartels was directly related to the hyper-nationalization of political power, the relationship between business and national interests was often skewed. The In-

ternational Steel Cartel or the International Trade Union of Potassium Carbonate, represented, on the other hand, some seeds of Franco-German cooperation – the International Steel Cartel signatories formed the nucleus of the future European Coal and Steel Community [15].

The participation of Japan in international cartels was an act of complicated balancing between different objectives. For example, the Japanese firms of dyes have gained advantage through cartels against several powerful intruders.

In this regard, H. Schröter [16] distinguished four groups of countries: those with very positive assessment of cartel agreements (Austria, Belgium, Czechoslovakia, Finland, France, Germany, Netherlands, Norway, Sweden, Switzerland); those with mostly positive views, but who developed supervisory agencies (Hungary, Italy, Japan, Poland and Spain); those with ambivalent positions (Bulgaria, Canada, Denmark, South Africa, UK); and those with negative categorical positions (Argentina, Australia, New Zealand, USA, and countries of the former Yugoslavia). Now there are no scientific studies that could explain this pattern.

For example, we can note that despite many differences in legal traditions and political attitudes against cartels, the British, the Germans and the French were involved in the creation of cartels in approximately equal numbers. For example, the French have adopted legislation that would punish restriction of trade in theory, but have implemented a specific practical German approach, which was considered the most notorious cartelized country. Both the UK cartel law (common law) and the French legislation on cartels (civil) stressed the primacy of freedom of competition, but the practice of acceptance of cartels was very different in the national legislation.

Until the Second World War, cartels ruled about 40% of the world trade. [17] Cartelization became equivalent to defending domestic economic security, as an instrument of economic war, then war planning. For example, in Czechoslovakia, mass cartelization occurred in all industries, because of the broad support for the war. Cartels appeared in traditional concentrated industries (e.g. iron or sugar). The customs policy was originally modelled on those cartels, especially through the so-called Empowerment Act of 1933, which was followed by the Law on cartels. The cartelized environment was initially created and legal recognition of cartels followed later. The main intention was to limit overproduction, which led to a fall in prices. Therefore, state regulation was also focused on the less concentrated industries that were more competitive. This competitive environment has been perceived as very negative in the crisis period. In fact, some very abnormal arrangements were created such as those in the milk or sheep's cheese industry, red pepper or margarine. Cartels were also created in glass and textile industry. By the end of 1940, the competition was gone.

DEVELOPMENT OF CARTELS - LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS

Forced cartelization appeared in Germany in the Nazi economic policies. However, cartelization involved performing a process that begun during the Weimar Republic. Finally, forced cartelization in the Nazi Germany had the characteristics of a centrally planned economy, where the role of private property was considered just a formality, because the cartels were forced to fulfil government orders, which was actually a consumer monopoly. The effect of forced cartelization in the process of nationalization after 1945 can also not be ignored. The Nazis managed to organize the Austrian economy similarly to the economy of Czechoslovakia. The customs policy was revised in the early 1930s, international trade has been constrained (the so-called „Einfuhrverbotsverordnungen”) and, was created a suitable environment for the cartelization. The transition to a centralized economy may be considered to be one of the unintended consequences of the forced cartelization of the Nazi regime and subsequently, of the Communist one [7].

That is why, in 1945, there was a dramatic shift in thinking, with the advent of classic works on international cartels. By 1940 and 1950, the cartels began to be considered the opposite of competition and liberalism, Mason’s E. opinion being highly supported [18]: „cartels have created Hitler and Hitler made the war”. Hexner E. [19] argued „by their nature, cartels are the enemies of democracy”.

The early meaning of the term cartel as an expression of self-regulated national industry through voluntary associations was lost. However, as Schröter H. [16] mentioned, „it took 60 years and two generations of cartelization in Europe since 1930, and another 60 years for a complete change in policy in favour of intense de-cartelization”.

When the Law on restrictive business practices [20] was adopted in 1956, nearly half of the UK manufacturing was the subject of explicit cartel agreements that would appreciably restrict competition. The 1956 Act required registration of restrictive cartel agreements concluded between undertakings, concerning goods, including both formal and informal and written or verbal agreements. The registered agreements presumed to be against the public interest and therefore should have been abandoned, unless they were successfully defended in court. The law did not classify as restrictive cartel agreements as being illegal from the beginning: an agreement could have been admitted if the court would have been convinced that it had produced benefits, which exceeded the expenses involved. Given that the attitude of the court could not have been known with certainty until the first cases were heard, most of the existing agreements were registered rather than be abandoned immediately or continued in secret. The first case was heard in 1959 [21, p. 7].

In France, legislation has declared illegal the price fixing, but not cartels only until the mid-1980s; State cartels monitored prices to prevent abuse. Most European

countries have tended to follow the French example by varying different levels of speed.

In contrast to the European model of phasing-out, the glory period for the cartels in Japan came after 1945 and before the oil shocks of the 1970s. During their peak in the mid-1960s, there were about a thousand authorized cartels, of which most (60%) consisted of small and medium enterprises. In 1962, about 42% of Japan’s export trade has been cartelized. Japanese cartels have appeared in almost every major industry, especially in textile, publishing, ceramics, steel, nonferrous metals, and shipping [11]. In 1973, the Bureau of Commerce released its first investigation against Japanese oil companies. Afterwards, the number of cartels dropped steadily. However, the recession or rationalization of cartels remains a significant instrument of industrial policy in sectors such as steel, shipbuilding, glass, ceramics, cement, petrochemicals and aluminium [11]. In the early 1990s, the government still explicitly exempted small and medium enterprises to improve conditions and to support initiatives of restructuring fishing or fish canning industry, and generally to promote exports.

In the Romanian doctrine, prof. Gălăţeanu O.E. [22] distinguishes four phases of development of Romanian competition law, which indicates the development stages of the anti-cartel legislation:

I. initially, to competition deeds were applicable common law provisions of non-contractual liability and the general rules and obligations arising from crimes and misdemeanours of the Civil Code;

II. the second phase began by applying specific provisions, of which there may be mentioned:

- the oldest regulations, with a limited scope, were included in the Law of 17 March 1884 concerning peddling;

- Decree on the regulation and control of cartels from May 10, 1937, later complemented by the Law of 26 October 1939. This law introduced preventive measures in order to prevent monopolistic agreements. Exerting control was attributed to the competence of a specialized organ within the Ministry of Industry;

III. in the third phase – the socialist period – the above legal documents have been repealed. As a result, the state monopoly and rigid economic planning has been established.

IV. fourth stage – from 1989 through the fall of communism and the transition to a market economy. Regulations were adopted which aimed, along with the progress of market economy, to ensure suppression of abusive exercise of competition, both in the domestic economy and in relation to external trade in goods and services.

In essence, competition law has tried to balance the benefits against possible economic cooperation and political problems that might arise. Although Britain, West Germany and later other countries had slightly different approaches in terms of structure, design and institutional

Dumitrița BOLOGAN

decision-making processes, all had the same common goal – to promote structures of competitive market and elimination of anticompetitive behaviour by market manipulation, price and abusive behaviour, which constituted an endemic feature of European business for the first half of the twentieth century [3].

These anti-competitive concerns remain a threat at the beginning of XXI century. The fact that many of these actions took place on a trans-border scale left the national authorities ill-equipped to address and investigate and consequently led to greater pressure for closer cooperation. Competition policy, for example, has assumed central importance in the European regional integration process, and has found reflection in the objectives of both the European Coal and Steel Community in 1951 and the Treaty of the European Economic Community 1957 [23].

However, as we can see, the articles of the treaties simply have traced objectives but did not clearly formulate goals and how those goals were to be achieved. An effective market policy was needed. Achieving genuine intra-market integration could have been ensured only if the markets were actually controlled. In West Germany, for example, the Christian Democratic government headed by Konrad Adenauer created the Bundeskartellamt (Federal Cartels Office) in 1957 to preserve competition.

Therefore, the governments of the Member States have established first legal competences of the European Commission by Regulation 17/62 [24] (while marginalizing both the Council of Ministers and European Parliament), to working as an autonomous competition quasi-judicial decision-making at policy level. The regulation offered the Directorate General for Competition (DG) exclusive powers of investigation for suspected breaches of EU competition rules and allowed DG Competition to apply and to impose fines on undertakings that violated the Treaty.

Commission Regulation No 17/62 identified the European Commission as the main actor in the management and implementation of decision-making in competition policy and attributed roles of judge, jury and executioner. Only the European Court of Justice (and after 1989, the Court of First Instance) has been granted authority to annul the Commission's decisions.

The responsibility for daily investigations rests with DG Competition, which is obliged to consult one of the two advisory committees (one for restrictive agreements and the other for mergers) before reaching a decision that must be approved by the College of Commissioners. Thus, Member States have created a powerful supranational agent empowered with sufficient powers to fight cartels. The European Commission has been very active between 1960 and 1970, with some exceptions.

We can see that a sudden metamorphosis in the mid-1980s brought competition to the fore, and this transfor-

mation can be explained due to a number of factors. First, economic philosophy has changed (adjusted neoliberal agenda), which turned into a means of encouraging competition and innovation and efforts to restore European competitiveness, particularly in the UK and West Germany. Secondly, the Commission has sufficiently matured and began to assert its own analyses and skills and, thirdly, was assisted by the European Court of Justice (and after 1989, the Court of First Instance) in Luxembourg and accumulated a considerable amount of case law in this area.

In retrospect, the decision of the six founding Member States of the European Economic Community to engage and simultaneously recognize the logic of a supranational dimension is significant. It is also worth mentioning that the positions of Member States on competition policy rules were certainly varied, with divisions between France, the Netherlands and West Germany, both in terms of competition policy and in respect of different approaches to policy management [3].

Although cartels were identified over fifty years ago by the Treaty of Rome [23], as the first goal of EU competition policy, EU cartel arrangements had time to develop.

Most of the efforts of the European Commission after the Treaty of Rome in 1957 focused on restrictive practices that include identifying and limiting the cartel agreements. Article 81 was intended to draw targets, but the six Member States under Regulation 17/62 agreed the regulatory procedure.

The new regulation adopted in 2003 [25] specifically provides that national competition authorities „shall inform the Commission at an early stage of cases they are investigating in accordance with art. 81 (now art. 101 TFEU), providing an exchange of information on such cases and DG Competition provides a complete overview of all cases investigated in the EU”. From the Commission's point of view, the exchange of such information should create greater consistency, although it was suggested that this change is a means for the Commission to instruct the national authorities on what decision should take. This is particularly useful as it should avoid parallel proceedings in different countries and to further substantiate the one-stop shop principle.

Originally, GATT might have seemed a more appropriate forum for addressing international competition issues. However, GATT was reluctant to engage in debates on policy harmonization, given the opposition of some member states. Only in the mid-1980s, it was possible to identify a shift of emphasis, which finally, led to the creation of a working group on international antitrust code in 1992. Consisting mainly of German experts in the field of competition (although included other European, American and Japanese academics), the Working Group has produced a draft international anti-competition Code, which was presented to the GATT in the summer

DEVELOPMENT OF CARTELS - LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS

of 1993 [26]. The Code alleged the existence of minimum standards for competition rules to cover horizontal and vertical agreements, mergers and monopolies, and recommended the establishment of an independent anti-trust agency under the auspices of the WTO. Although the draft has been widely criticized by both sides of the Atlantic, it managed to draw attention to the international dimension of competition and cartel policy. Since 1995, the successor to GATT, WTO, continued to engage in competition matters.

WTO was convinced that cartels are far from being an accidental convergence of interests of the members, but rather, a deliberate and professionally one, which has a negative impact on prices. However, there was little progress made by WTO. The US opposition to any multilateral agreement, which threatened to undermine US anti-trust principles, has always been very clear. Therefore, the commission was dissolved in 2004 and is now „inactive”.

The first attempts to facilitate cooperation against cartels were taken also under the auspices of the OECD. The OECD report of 1995 [27] indicates a modest starting point, but it was a step in the right direction in the search for better interaction, exchange of sensitive information and coordinating investigations between competition authorities. The determination of OECD found most developed expression in the Recommendation of the OECD Council on effective action against hard-core cartels [28] in 1998, which urged its members to be aware of the dangers of hard-core cartels and identify ways to discourage them by intensifying enforcement proceedings. OECD continued to support cooperation and emphasized the importance and danger of cartels. To this end, a study was produced on leniency programs to combat hard-core cartels in 2001 [29], which focused heavily on the operation of cartels, the role of the whistle-blower in facilitating the cartel detection, etc. A subsequent study was drafted in 2002 – a report on the nature and impact of hard-core cartels and actions against cartels in national competition laws [30]. The third report of 2005 on the implementation of the 1998 Recommendation [31] reiterated the anti-cartel message, but has also incorporated another angle when it suggested that the public should be more aware of the ways in which international cartels affect their lives.

A better understanding of international cartels and the growing prominence of OECD reports facilitated the creation of the International Competition Network (ICN). ICN was established in 2001 as a vehicle and forum for competition authorities to discuss their experiences and approaches on a wide range of competition issues such as policy style, the elaboration of policies and their implementation. Finally, this network has sought to foster a culture of competition, rapidly creating a small number of working groups, one of which is responsible for cartels. Progress has occurred, but remained slow and sporadic.

In Moldova, the first legal norms that regulated competition protection were provided for in the Moldovan Soviet Socialist Republic Government Decision no. 2 of 04.01.1991 on urgent measures to monopolize the national economy [32], condemning alleged monopolistic activity and supported the development of the spirit of competition. Agreements, unilateral actions of economic entities oriented at market sharing in order to limit competition, excluding or limiting the entrance of other undertakings, limiting or suspending production growth, artificial increase or decrease of prices, etc. were deemed illegal. Such agreements were admitted only with the approval of the Ministry of National Economy if they substantially contributed to lowering the production costs and the movement of goods, introducing scientific and technical achievements.

The first law that regulated relations between businesses and state structures was Law no. 906 of 29 January 1992 on the limitation of monopolistic activity and competition development [33]. Limitations on monopolistic activity included preventing the abuse of market dominance and pricing, rates, discounts, etc. In 1992, the competition regulator in Moldova was the Ministry of Economy, which was responsible for the development of measures to develop market relations, which were based on the development of entrepreneurship and competition in order to prevent, limit and suppress monopolistic activity and compliance with anti-monopoly legislation. We should mention that this law was based on the existing concepts in the Community of Independent States, as they were designed in a statist economy. Moreover, the law did not provide for a definition of competition or other terms under which it operated. It provided a rudimentary description of monopolistic activity and of preventing and limiting monopolistic activities.

The next adopted normative document - Law no. 1103-XIV of 05.30.2000 on the protection of competition [34] provided a more detailed picture on competition, claiming that an anti-competitive agreement is „any agreement (coordinated action) concluded in any form between competitors who hold a common part of more than 35% of a commodity on a market where these agreements (coordinated actions) have or may result in restriction of competition”.

The law institutionalized the first competition authority of the Republic of Moldova, the National Agency for Protection of Competition empowered to adopt decisions in cases concerning infringement of competition law and impose fines for anti-competitive activity. The personnel may have access to the premises and territories of local authorities, enterprises, individuals and businesses, and on the basis of written submissions, can obtain access and request the necessary documentation. We can say that one of the main drawbacks of this law was the lack of a clear methodology for sufficient regulation of cartels.

Dumitrița BOLOGAN

However, the agency was not created, de facto, earlier than in 2007, when the Parliament appointed the head of the Agency; which represented one of the obstacles to the implementation of competition policy for many years.

Further, in order to harmonize the legislation of the Republic of Moldova to the European Union a EU-funded Twinning Project „Support to the implementation and enforcement of competition and state aid policy” was implemented with the participation of experts from competition authorities in Austria, Latvia and Romania. The overall objective was to assist the Moldovan authorities in implementing the priorities set out in the Partnership and Cooperation Agreement [35] and Action Plan European Union – Republic of Moldova [36]. The main objectives of the project were:

- strengthening the capacity of the National Agency for Protection of Competition, in particular, the right to conduct investigations on its own initiative, to issue enforcement orders and impose effective sanctions (such as fines);

- strengthening the enforcement of the new law on competition in accordance with the commitments assumed by Moldova under the Agreement for Cooperation and Partnership and the EU-Moldova Action Plan, aimed at the competition authority, judicial officials and government;

- creating a competition culture in the Republic of Moldova.

One of the main achievements and results of this project was to develop a model structure in the national competition law in line with the *acquis communautaire*. These results were a real and valuable help to the competition authority of the Republic of Moldova and the government in drafting of the law, capacity building of the competition authority, organizing various professional training courses for competition authority’s staff, etc.

Thus, after a long process of drafting, public consultation and parliamentary debate, the new competition law no. 183, was finally adopted on 11 July 2012 [37]. Many of the 95 provisions contained in its articles are a novelty for the Republic of Moldova, with the main goal to align the internal rules of competition law to the EU legislation on competition law.

We conclude that in recent years it has become obvious for our society that in order to maintain and continue positive developments, a market economy characterized by healthy competition must be strengthened. Harmonization of competition law and policy of the Republic of Moldova to EU standards is a complicated and lengthy process, which must be tailored to local realities. While it is difficult to build a modern and fully functional system of competition in a short time, very important steps in this direction have already been carried out.

Bibliography:

1. Ormosi, P. A tip of the iceberg? The probability of catching cartels, 2012, SSRN. – <http://ssrn.com/abstract=1851309> (visited on 11.06.2015). – 36 p.
2. Berge, W. Cartels Challenge to a Free World. Beard Books, 2000, copyright 1944. – Washington DC. – 226 p.
3. McGowan, L. The Antitrust Revolution in Europe. Exploring the European Commission’s Edward Elgar. – Cheltenham: UK, 2010. – 228 p.
4. Sherman Anti-Trust Act, 02 iulie 1890. – <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=51&page=transcript> (visited on 15.09.2014).
5. Code pénal français de 1810, adopted on 12.02.1810, in force as of 22.02.1810. – http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_penal_1810/code_penal_1810_plan.htm (visited on 13.08.2015).
6. Harding, C., Joshua, J. Regulating Cartels in Europe. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 440 p.
7. Jeffrey, F. Cartels and Competition: neither markets nor hierarchies. – Harvard Business School, 2006. – 33 p.
8. Freyer, T. Regulating Big Business: Antitrust in Great Britain and America 1880-1990. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 416 p.
9. Tilton, M. Restrained Trade: Cartels in Japan’s Basic Materials Industries. – Ithaca: Cornell University Press, 1996. – 220 p.
10. McChesney, F.S., Shughart, W.F. The Causes and Consequences of Antitrust: The Public Choice Perspective. – Chicago: IL. University of Chicago Press, 1995. – 247 p.
11. Hadley, E. Antitrust in Japan. – Princeton: Princeton University Press, 1970. – 542 p.
12. Schröter, H. Small European States and Cooperative Capitalism, 1920-1960. In: Chandler A.D., Amatori, F., Hikino, T. Big Business and the Wealth of Nations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997, p. 246-276.
13. Hexner, E. International Cartels. – London: Sir Isaac Pitman & Sons, 1946. – 555 p.
14. Glimstedt, H. Between National and International Governance: Geopolitics, Strategizing Actors, and Sector Coordination in Electrical Engineering in the Interwar Era. In: Morgan G., Kristensen P.H., și Whitley R. The Multinational Firm: Organizing Across Institutional and National Divides. – Oxford: Oxford University Press, 2001, p. 125-152.
15. Kipping, M., Zwischen Kartellen und Konkurrenz: Der Schuman-Plan und die Ursprünge der europäischen Einigung 1944-1952. – Berlin: Duncker & Humblot, 1996. – 384 p.
16. Schröter, H. Cartelization and Decartelization in Europe, 1870-1995: Rise and Decline of an Economic Institution. *Journal of European Economic History*, 1996, nr. 25/1, p. 129-153.
17. United Nations Department of Economic Affairs International Cartels: A League of Nations Memorandum. – New York: Lake Success, 1947.
18. Mason, Ed. Cartels and American Security. In: *Controlling World Trade: Cartels and Commodity Agreements*. – New York: McGraw-Hill, 1946, p. 96-132.

DEVELOPMENT OF CARTELS - LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS

19. Hexner, E. The International Steel Cartel. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1943. – 339 p.
20. Restrictive Trade Practices Act of the United Kingdom, 1956.
21. Symeonidis, G. Are cartel laws bad for business? Evidence from the UK. – University of Essex. – 34 p.
22. Gălăţeanu, O. E. Dreptul concurenţei comerciale. – Galaţi: Universitatea „Dunărea de Jos”, 2012. – 70 p.
23. Treaty for creating Economic European Community (also named Rome Treaty), adopted on 25.03.57, in force as of 1.01.58
24. Council Regulation No 17 (EEC) First Regulation implementing Articles 85 and 86 of the Treaty (at present Articles 81 and 82). Official Journal, no. 013, 21.02.1962.
25. Council Regulation, no 1/2003 (CE) of 16.12.02 on enforcement of competition norms provided in articles 81 and 82 of the treaty (JO L 1, 4.1.2003, p. 1).
26. Drexl, J. Do we Need Courage for International Trust Law? Choosing between Supranational and International Principles of Enforcement’. In: Drexl, J. (ed.), The Future of Transnational Anti-trust: From Comparative to Common Competition Law. The Hague: Kluwer Law International, 2003, p. 311-343.
27. 1995 Recommendation of the Council on Improving the Quality of Government Regulation [C(95)21/FINAL].
28. 1998 Recommendation of the Council concerning Effective Action Against Hard Core Cartels [C98)35/FINAL].
29. OECD Report, Leniency Programmes to Fight Hard Core Cartels, 2001.
30. OECD Report, Fighting Hard Core Cartels: Harm, Effective Sanctions and Leniency Programmes, 2002.
31. Hard Core Cartels: Third report on the implementation of the 1998 Council Recommendation 2005. – <http://www.oecd.org/competition/cartels/35863307.pdf> (vizitat la 8.08.2015).
32. Hotărîrea Guvernului RSS Moldova cu privire la măsurile urgente de demonopolizare a economiei naţionale a RSS Moldova, nr. 2 din 04.01.1991. Buletinul oficial din 04.01.1991.
33. Legea nr. 906 din 29.01.1992 privind limitarea activităţii monopoliste şi dezvoltarea concurenţei, publicată: 01.03.1992 în Monitorul Parlamentului, n. 2, art. 46, abrogată prin LP183 din 11.07.12. MO193-197/14.09.12 art. 667; în vigoare 14.09.12.
34. Legea nr. 1103 din 30.06.2000 cu privire la protecţia concurenţei, publicată: 31.12.2000 în Monitorul Oficial, nr. 166-168, art. 1205, abrogată prin LP183 din 11.07.12. MO193-197/14.09.12 art.667; în vigoare 14.09.12.
35. Acord de Parteneriat şi Cooperare dintre Comunităţile Europene şi Republica Moldova. – Bruxelles, 1998, Official Journal L 181, 24/06/1998, p. 0003-0048.
36. Planul de Acţiuni Republica Moldova – Uniunea Europeană în cadrul Politicii Europene de Vecinătate, semnat la 22 februarie 2005 la Bruxelles. – Belgia.
37. Legea nr. 183 din 11.07.2012 a concurenţei, publicată: 14.09.2012 în Monitorul Oficial nr. 193-197 art. 667, data intrării în vigoare: 14.09.2012.

Резюме

Анализ функционирования картелей в историческом аспекте доказывает, что конкуренция находится в полной зависимости от развития мира и международного сотрудничества. В данной статье акцентируется внимание на том, что двадцатый век продемонстрировал пагубность повышенного национализма, разрушительного для глобальных рынков и вынуждавшего предприятия прибегать к сотрудничеству с целью выживания. Из-за жесткого соперничества, ограничившего развитие рынка, картели явились альтернативным решением, доказавшим свою успешность. После 1945 года международное сотрудничество способствовало минимизации экономического соперничества предприятий, и картельные соглашения стали восприниматься как нежелательные.

Ольга КРЕЦУ,

докторант Университета политических и
экономических европейских знаний
им. Константина Стере

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
(на примере армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта)**

Некоторые полагают, что международные правовые принципы должны внести собственный решающий вклад в разрешение карабахской проблемы. Тем не менее, конфликт находится на пересечении двух основных принципов – права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности и нерушимости государственных границ.

Как правило, конфликтующие стороны и государства, а также организации, способствующие его урегулированию, интерпретируют эти принципы исходя из собственных интересов. Нельзя не отметить, что ситуация, сложившаяся в международном праве после второй мировой войны, обусловлена непосредственно непоследовательностью мирового сообщества, которое отстает в правовой оценке политических процессов в разных концах света. Для полной оценки ситуации, достаточно обратиться к источнику международно-правовых аспектов конфликта [1].

Нагорно-Карабахский конфликт длится с 1988 года между Арменией (хотя она отрицает свою причастность к конфликту, утверждая, что она лишь «заинтересованная сторона») и Азербайджаном и считается наиболее острым конфликтом Южного Кавказа. Предмет этого конфликта – Нагорно-Карабахская автономная область, а также семь других регионов Азербайджана, которые не имеют никакого отношения к автономному региону и также находятся под оккупацией вооруженных сил Армении.

В результате конфликта свыше 20% территории Азербайджанской Республики все еще находится под оккупацией, а более одного миллиона азербайджанцев стали беженцами и внутренне перемещенными лицами. В мае 1994 года стороны заключили соглашение о прекращении огня, которое актуально и по сегодняшний день.

Позиция Республики Азербайджан, согласно международному праву, сводится к тому, что Армения должна быть признана агрессором в соответствии с Уставом ООН. Республика Армения утверждает, что у армян Нагорного Карабаха есть право отделиться

от Азербайджана и строить свое собственное государство на основе принципа самоопределения.

На данный момент посредником в Нагорно-Карабахском конфликте выступает Минская группа ОБСЕ, однако ни одна из разработанных договоренностей об урегулировании не была реализована [2].

Международное право регулирует в первую очередь правовые отношения между государствами. Поэтому не удивительно, что суверенитет государства изначально является одной из главных опорных точек международного права. Суверенитет государств, а в частности – их суверенное равенство, является важным для стабильных и доверительных международных отношений. Наряду с другими факторами, так называемый принцип территориальной целостности государства является ключевым элементом национального суверенитета и суверенного равенства государств. Это фундаментальная составляющая общего международного правового порядка.

Многие специалисты отмечают, что предпочтение, отдаваемое международными акторами одному из вышеупомянутых принципов, часто менялось в соответствии с международной конъюнктурой. Например, очевидно, что во времена холодной войны принцип нерушимости границ и территориальной целостности доминировал в международных отношениях. Мир тогда разделился на два противоположных враждебных военно-политических блока, возглавляемых, соответственно, США и СССР. Каждая из сторон опасалась, что любые изменения в мире, основанные на праве наций на самоопределение, могут повлиять на уже сложившийся баланс сил [3].

Исключением из правил являлись народы, состоявшие под колониальным режимом. Еще в 1960 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о деколонизации, которая включала правила для всех абсолютно колониальных режимов. В то же время следует отметить, что даже в тот период были случаи отделения и образования новых государств народа-

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

ми, которые уже вышли из колониальных режимов (например – Бангладеш, Сингапур, Эритрея).

Ситуация изменилась с распадом СССР и ликвидацией социалистического лагеря. Вопросы о взаимосвязи принципов о самоопределении и принципов территориальной целостности стали субъектом обсуждений и подверглись новым подходам.

Стоит отметить, что официальной позицией Азербайджана является признание Армении в качестве прямого участника конфликта [4]. Между тем Армения заявляет, что конфликт развернут между Азербайджаном и Нагорным Карабахом, а она является лишь «заинтересованной стороной». Более того, она заявляет, что армяне Нагорного Карабаха имеют право на самоопределение и могут создать собственное независимое государство в соответствии с этим правом.

Учитывая, что данный конфликт до распада СССР являлся внутренним, он подвергался соответствующим нормам советского права. При анализе конфликта с юридической точки зрения, нужно учитывать также Конституцию СССР 1977 года.

После распада СССР природа конфликта изменилась. Таким образом, к конфликту должны применяться соответствующие нормы и принципы международного права. Рассмотрим данную проблему в двух аспектах:

1) во-первых, Нагорно-Карабахский конфликт будет, возможно, исследован с точки зрения внутреннего права на уровне Азербайджанской Республики. В данном случае должно учитываться право национальных меньшинств в соответствии с международным правом, а также возможность армян, населяющих Нагорный Карабах, воспользоваться правом на сецессию;

2) во-вторых, Нагорно-Карабахский конфликт будет, возможно, рассматриваться с точки зрения вооруженного конфликта между Республикой Армения и Республикой Азербайджан.

После вступления британских войск в Баку в 1918 году, генерал В.Томсон, представлявший союзные силы (Allied Powers), признал Нагорный Карабах вместе с Зангезурским уездом в составе и под управлением Азербайджана. Он утвердил назначение правительством Азербайджана Хосрова Султанова в качестве Карабахского генерал-губернатора. В 1919 году Армянская Ассамблея Нагорного Карабаха официально признала власть Азербайджана [5]. В 1918-1920 гг. Азербайджанская Республика наладила отношения с рядом государств, с некоторыми из них были подписаны Соглашения; 16 государств открыли собственные миссии в Баку. 12 января 1920 года на Парижской Мирной Конференции Верховный Совет союзных держав признал де-факто независимость Азербайджанской Республики.

Глава азербайджанской делегации, принимавший участие в Конференции, письмом от 1-го ноября 1920

года просил Генерального секретаря Лиги Наций о приеме Азербайджанской Республики в эту организацию.

Генеральный секретарь указал в Меморандуме от 24 ноября 1920 на мандат азербайджанской делегации об участии в Парижской Мирной Конференции, полученный от правительства, которое было у власти в Баку до апреля 1920 года. Важно обратить внимание на постановления к «Юридическим наблюдениям» [6]. Соответствующие документы Лиги Наций полностью опровергают заявления армянской стороны, утверждавшей, что Лига Наций, из-за его якобы территориальных претензий к так называемым армянонаселенным районам, отказала Азербайджану в контроле над Нагорным Карабахом.

Наряду с вышеупомянутыми фактами о признании со стороны союзных держав власти Азербайджана над Нагорным Карабахом, предположение о том, что Карабах не находился под юрисдикцией Азербайджана, когда он стал частью СССР, опровергает также и решение Кавказского бюро Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков. ЦК КП(б) в связи с территориальными претензиями Армении принял несколько решений, последнее из которых (5 июля 1921 года) оставляло Нагорный Карабах в пределах Азербайджанской ССР с рекомендацией о предоставлении Нагорному Карабаху более широкой автономии [7].

Закавказская Социалистическая Федеративная Республика была создана 13 декабря 1922 г., а ее Конституция подтвердила, что Нахичеванская Автономная Республика была неотделима и входила в состав Азербайджана. Согласно этой Конституции, статус автономных республик и областей (Абхазия, Аджария и Южная Осетия) оставался неизменным.

Поскольку Нагорный Карабах был официально признан неотъемлемой частью Азербайджана, в том числе и со стороны Армянской ССР, ни в содержании Карского договора, ни в Конституции ЗСФСР он не был упомянут [8].

В соответствии со статьей 71 Конституции СССР от 1977 года, Советский Союз состоял из 15 союзных республик, которые стояли на самом высоком уровне в иерархии региональных союзов, созданных на национальной основе. Ниже по иерархии после них шли: а) автономные республики; б) области (автономные регионы) в) округа (национальные регионы). В соответствии со ст. 72 Конституции, только союзные республики обладали правом свободного выхода из состава СССР [9].

В первую очередь необходимо исследовать статус Нагорного Карабаха в соответствии с Конституцией СССР 1977. Согласно статье 86 Конституции, Нагорный Карабах являлся автономной областью, будучи составной частью территории соответствующей советской союзной республики. Статья 87.3. Консти-

Ольга КРЕЦУ

туции упоминает Нагорный Карабах в качестве автономного региона, составляющего неотъемлемую часть Азербайджанской ССР.

До распада СССР Нагорно-Карабахский конфликт не представлял собой проблему международного характера, являясь внутренним делом СССР. Несмотря на это, армянская сторона пытается применить к нему право на самоопределение.

Документы, принятые международным сообществом, также свидетельствуют о другой позиции, нежели та, которую пытается установить Армения. Документы ОБСЕ указывают на то, что право на самоопределение не должно быть единственным путем разрешения конфликта, а должно способствовать развитию отношений в обществе мирными и демократичными путями. Право на самоопределение не является абсолютным правом и должно учитывать также права других членов общества. Применение силы и пыток неприемлемо в процессе самоопределения и не должно вызывать нарушение территориальной целостности и сепаратизм [10].

Итак, право на самоопределение создает проблемы на Кавказе, где государственные границы расходятся с этническими. Сепаратизм в данной области приведет к нестабильности, противостоянию и кровопролитию и не будет служить развитию дружественных отношений между странами на Кавказе. Нынешняя ситуация на Кавказе доказывает данную гипотезу: Нагорный Карабах в Азербайджане, Южная Осетия и Абхазия в Грузии все еще остаются горячими точками. Требование об отделении Нагорного Карабаха от Азербайджана, после того как более миллиона азербайджанцев были в буквальном смысле слова изгнаны с территории Армении и зоны конфликта, став вынужденными переселенцами, является не только незаконным, исходя из норм международного права, но и аморальным [11].

В Уставе ООН принцип равенства и самоопределения наций упоминается дважды. В соответствии со 2-й Статьей, одной из целей ООН является «развитие дружественных отношений между странами на основе принципов равенства и самоопределения народов». В Статье 55 того же документа принцип на самоопределение рассматривается как основной в международном экономическом и социальном сотрудничестве. Данный принцип упоминается также в Статье 73 и Статье 76 (b), посвященной колониям и другим зависимым странам [12].

Принцип самоопределения успешно применялся в ходе деколонизации, обеспечивая право на самоопределение.

Как правило, статьи о самоопределении, которые содержатся в различных международных документах, являются продуктом двух диаметрально противоречивых материй фундаментальной доктрины. Согласно этой доктрине, возможность реализации

права на самоопределение может быть применена в следующих ситуациях:

а) для стран, находящихся под колониальным или авторитарным режимом, – это внешнее самоопределение. Данный подход применяется, как правило, к странам, которые не входили в блок бывших социалистических стран, а также, к странам Африки, Азии и арабского мира;

б) применяется в знак уважения фундаментальных прав и свобод всех народов – внутреннее самоопределение. Данная концепция поддерживается странами Запада [13].

Принцип целостности защищает территориальное существование государства. Он не является основой построения какого-либо государственного аппарата, а служит инструментом консолидации общества на определенной территории и тем самым способным обеспечить порядок на международном уровне.

Принцип целостности, таким образом, является фундаментальной константой для ненарушенных, интегративных и мирных отношений на конкретной территории, вне зависимости от этнического или религиозного состава на тот момент. В случае каких-либо изменений в вопросах государственности, принцип территориальной целостности, по отношению к вновь сформировавшимся государствам, поддерживается доктриной *uti possidentis iuris*. Согласно этой доктрине, внутренние административные границы прежнего государства интерпретируются как границы нового государства согласно международному праву на момент провозглашения независимости.

В результате обращение к принципу территориальной целостности в вопросе об армяно-азербайджанском Нагорно-Карабахском конфликте подтверждается. Во-первых, Нагорно-Карабахский конфликт не является сугубо внутренним сепаратистским конфликтом. Несмотря на то, что армянская сторона категорически отрицает это, доказательства и показания финансово-военной поддержки Нагорного Карабаха Арменией не могут игнорироваться. Предположительно, Армения финансирует большую часть карабахского бюджета, а армянские солдаты служат в окопах Карабаха.

Без эффективной соседской поддержки экономически слабый и небольшой по площади регион не смог бы существовать до сегодняшнего дня. В связи с этим международное сообщество подозревает вовлечение третьей стороны в поддержку конфликта, прежде всего Армении. По этой причине обращение со стороны Азербайджана к принципу территориальной целостности вполне целесообразно.

В рамках обычного (*customary*) международного права принцип территориальной целостности был развит до уровня принципа международного права и применяется не только в отношениях между госу-

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

дарствами, но также на уровне внутренних сепаратистских движений: например, для случаев, характерных для Боснии-Герцеговины, Косово, Грузии, международное сообщество посчитало вполне применимым к ним принцип территориальной целостности. В данном контексте Совет Безопасности ООН и ОБСЕ поддерживают Азербайджан в его попытках защитить территориальную целостность своей страны.

В системе международного права принцип защиты территориальной целостности суверенных и независимых государств неизбежно приобретает большое значение. Вместе с концепцией вытекающего отсюда принципа невмешательства территориальная целостность является крайне важной в плане эволюции принципов, связанных с поддержанием международного мира и безопасности. Она высвечивает децентрализованный и ориентированный на государство характер международной политической системы и одновременно отражает и выражает суверенное равенство государств в качестве правового принципа. Территориальная целостность и суверенитет государства являются неразрывно связанными дефинициями международного права. Это основополагающие фундаментальные принципы. В отличие от многих других норм международного права, они могут быть изменены лишь в результате концептуального изменения в классическом и современном понимании международного права [14].

Очевидно то, что Армения пытается установить легитимность односторонней сецессии Нагорно-Карабахского региона от Азербайджанской Республики.

Таким образом, существуют правовые и политические составляющие конфликта, которые мешают его разрешению. По факту, 20% территории Азербайджана находится под оккупацией. В Резолюциях 822 (1993), 853 (1993), 874 (1993) Совет Безопасности ООН подтверждает территориальную целостность Азербайджана и настаивает на немедленном выводе военных сил с оккупированных азербайджанских территорий. Эти резолюции игнорируются Арменией, и на сегодняшний день территории Азербайджана все еще под внешней оккупацией и подвергаются незаконным и деструктивным действиям. Совет Безопасности ООН в своих Резолюциях 822 (параграф 4), 853 (параграф 13), 874 (параграф 12) и 884 (параграф 8) запросил Главного секретаря ООН, Главу ОБСЕ и Главу Минской группы подготовить отчет о ситуации, происходящей на местах, и её развитии. Данные запросы не были выполнены.

Минская группа ОБСЕ в качестве главного посредника в процессе мирного урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта не смогла разработать четкий план для разрешения этого конфликта. Консенсусный характер принятия решений в

рамках ОБСЕ мешает выработке единой концепции урегулирования конфликта со стороны этой организации [9].

Принципиальные рамки урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе были предприняты еще на Лиссабонском саммите ОБСЕ в 1996 г. Сопредседателями Минской группы были рекомендованы три принципа, которые должны были стать частью урегулирования армяно-азербайджанского конфликта:

- а) обеспечение территориальной целостности Республики Армении и Азербайджанской Республики;
- б) самоопределение Нагорного Карабаха в составе Азербайджана с предоставлением этому региону наивысшей степени самоуправления;
- в) обеспечение гарантий безопасности Нагорного Карабаха и всего его населения.

Основные элементы, квалифицирующие природу конфликта, были закреплены в документах, подготовленных докладчиками Парламентской Ассамблеи Совета Европы 25 января 2005 г. (резолюция №1416) [9]. Помимо подтверждения факта оккупации территории Азербайджана и проведения этнической чистки, было однозначно заявлено, что «независимость и отделение региональной территории от государства могут быть достигнуты только путем законного мирного процесса, основанного на демократической поддержке жителей такой территории, а не в результате вооруженного конфликта, следствием которого является изгнание на этнической почве и де-факто присоединение такой территории к другому государству».

Включение России в состав Минской группы ОБСЕ дало новые надежды на мирное урегулирование конфликта. В 2009 г. были опубликованы так называемые Мадридские принципы, предусматривающие следующее:

1. Возвращение территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана.
2. Предоставление промежуточного статуса для Нагорного Карабаха, обеспечивающего гарантии безопасности и самоуправления.
3. Обеспечение коридора, связывающего Армению с Нагорным Карабахом.
4. Определение будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем имеющего обязательную юридическую силу волеизъявления.
5. Возвращение всех внутренне перемещенных лиц и беженцев в места прежнего проживания.
6. Международные гарантии безопасности и проведение миротворческой операции.

Выводы:

Армяно-азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт является классическим конфликтом между двумя суверенными государствами и должен быть урегулирован в соответствии с Уставом ООН и прин-

Ольга КРЕЦУ

циями и методами современного международного права. Следует отметить также, что оба спорящих государства являются полноправными членами Организации Объединенных Наций.

Принцип, который должен применяться по отношению к урегулированию армяно-азербайджанского конфликта, это урегулирование международных кон-

фликтов политико-дипломатическими средствами в соответствии с нормами международного права.

Эффективное применение данного принципа в армяно-азербайджанском Нагорно-Карабахском конфликте возможно только после того, как желания каждой из сторон будут четко обозначены и стороны придут к общему знаменателю.

Литература:

1. Ali Abasov, Haroutiun Khachatrian. The Karabakh Conflict-Variants of Settlement: Concepts And Reality. – http://www.ca-c.org/dataeng/books/book-1/abaso_khachatrian.pdf
2. Legal aspects of the Nagorno-Karabakh conflict. – <http://karabakh.org/articles/legal-aspects-of-the-nagorno-karabakh-conflict/>
3. Ali Abasov, Haroutiun Khachatrian. The Karabakh Conflict-Variants of Settlement: Concepts And Reality. – http://www.ca-c.org/dataeng/books/book-1/abaso_khachatrian.pdf
4. Legal aspects of the Nagorno-Karabakh conflict. – <http://karabakh.org/articles/legal-aspects-of-the-nagorno-karabakh-conflict/>
5. Swietochowski. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. – New-York: Columbia University Press, 2005, p. 75-76.
6. League of Nations. Memorandum by the Secretary General on the Application for the Admission of the Republic of Azerbaijan to the League of Nations, Assembly Document 20/48/108, p. 2. See also The Covenant of the League of Nations (1919), in Malcolm D. Evans (ed.), Blackstone's International Law Documents. – Oxford University Press, Oxford, 6th ed., 2003, p. 1-7, at p. 1, Article 1.
7. Extract from the Protocol of the plenary session of the Caucasian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) of 5 July 1921. For text see To the history of formation of the Nagorny Karabakh Autonomous Oblast of the Azerbaijan SSR 1918-1925: Documents and Materials. – Baku: Azerneshr, 1989, p. 92.
8. First Congress of Transcaucasian Soviets. Zakraykom RKP edition Military Commissariat Press. – Tiflis, 1923, p. 144.
9. Legal aspects of the Nagorno-Karabakh conflict. – <http://karabakh.org/articles/legal-aspects-of-the-nagorno-karabakh-conflict/>
10. Gunel, Velieva. International legal estimation of Nagorno Karabakh conflict. Law and politology. – Tbilisi: 2010, nr.14, p. 41-51.
11. Mammadov Rustam. Self-determination problem within the conflict. Law and politology. – Tbilisi: 2010, nr.14, p. 21.
12. Charter of United Nations. – <https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf>
13. Cassese, A. Political Self-Determination- Old Concepts and New Developments. – Alphen aan den Rijn/ Netherlands: Sijthoff and Noordloff, 1989, p. 137.
14. Алиев, Н.Г. Международное право и Нагорно-Карабахский конфликт. – Москва: Вече, 2013, с. 57.

Ариф Джамиль ГУЛИЕВ,
доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Киевского национального авиационного университета, заслуженный работник образования Украины, академик Украинской академии наук, Глава общественной организации «Ученый совет азербайджанцев Украины»

Вероника ЧЕКАЛЮК,
PR-технолог, государственный имиджмейкер, кандидат наук по социальным коммуникациям, докторант Института журналистики Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

ИМИДЖ ИМИДЖМЕЙКЕРА – ФОРМУЛА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВНЕШНОСТИ

Актуальность: в статье проанализированы имидж имиджмейкера, влияние профессионалов на ход политической жизни государства; исследованы возможности создания имиджа специалиста по имиджу и усиления положительного имиджа тех, с кем работает профессионал.

Цель: сформулировать эффективную стратегию формирования и усиления положительного имиджа имиджмейкера-профессионала независимо от гендерных особенностей; определить степень влияния профессионала-имиджмейкера на формирование имиджа лидеров и всего государства на внутреннем и внешнем информационном рынке.

Задание: очертить принципы деятельности имиджмейкера, особенности имиджа профессионала; продемонстрировать, что имиджмейкер является инструментом формирования положительного государственного имиджа.

Имидж имиджмейкера рассматривается сквозь призму его проектов, личного портфолио (*авт.-опыт*), политических процессов, деятельности его клиентов и других обстоятельств, влияющих на среду. Мы усматриваем взаимозависимость имиджа имиджмейкера и успешности тех, с кем сотрудничает специалист.

Понятие имидж остается одним из самых неопределенных. Имидж (от англ. image ['imidʒ] – «образ»,

«изображение», «отражение») – искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия [1]. Имидж – способ эмоционального воздействия на сознание, трактуется учеными как «образ», который объединяет совокупность материальных и психологических понятий. Напомним классическое определение (англ. image, лат. imago, imitari – «имитировать») – *штучная имитация или подача внешней формы какого-либо объекта, особенно личности при участии имиджмейкера*. В контексте дипломатии и журналистиковедения имидж трактуется как образное представление об объекте, которое формируется в массовом сознании под влиянием СМИ. Образ объекта имиджа (личности, компании или страны) часто напрямую ассоциируется с имиджмейкером.

Рассмотрим среду, в которой работает имиджмейкер. Деловая сфера – одна из главных и жизненно необходимых человечеству; в ней существуют свои правила и законы. Этика деловых отношений, норм и правил поведения и общения приобретает сегодня огромное значение. Среда и общество невольно накладывают отпечаток на имидж его обитателей.

В данном исследовании значительное внимание уделено имиджу имиджмейкера, в частности его дипломатическим навыкам, протокольным особен-

Ариф Джамиль ГУЛИЕВ, Вероника ЧЕКАЛЮК

ностям ведения дипломатических и деловых переговоров, конференций, дипломатической и деловой переписке, подготовке и обеспечению международных визитов разного уровня.

Проанализированы, обобщены и систематизированы современные и ретроспективные материалы, рекомендации, нормы и правила поведения деловых людей в различных обстоятельствах, а также обоснована необходимость уважать, помнить и соблюдать вековые традиции разных народов. Авторы пытаются дать ответы на широкий круг вопросов, которые могут возникать в процессе кропотливой ежедневной работы, связанной с созданием имиджа, государственной службой, бизнесом и деловыми отношениями с отечественными и зарубежными партнерами, с привлечением инвестиций в развитие государства.

Цель исследования – донести нормы официального протокола и делового этикета, способствовать распространению дипломатических знаний и давать ответы на вопросы, как правильно вести себя в той или иной ситуации, особенно если она нестандартна. В статью вошли основные правила современного делового, дипломатического протокола и этикета, которые влияют на формирование имиджа имиджмейкера. Материал содержит и обобщает традиционные правила поведения деловых людей; информацию, необходимую имиджмейкерам, полит- и PR-технологам, госслужащим любого уровня, политикам, бизнесменам, ученым, руководителям и секретарям официальных учреждений, организаций, фирм, предприятий, менеджерам, преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также всем, кто настойчиво стремится совершенствовать свой профессиональный и общекультурный уровень.

Для каждого имиджмейкера важно найти в профессиональной жизни свой объект имиджа. Как найти своего человека, пробудить в нем лидера и создать публичный стабильный и положительный имидж? Как привлечь удачу? О чем говорить с прессой? Как привлечь бесконечные финансовые возможности и приумножить их? Как развивать партнерские отношения среди партнеров и оппонентов? Как привлекать инвестиции в развитие имиджа и заинтересовать инвестора? Как влиять на общество, убеждать и вести за собой? Как воспитывать детей, чтобы они выросли счастливыми? Эти и многие подобные вопросы беспокоят не одного политика, лидера и имиджмейкера. Развивать нужно именно страну. Страна же без лидера – невозможна [2]. Самое ценное в любой стране – это люди.

В статье рассматривается система позиционирования государства на внешнем и внутреннем рынках. Предлагается авторское определение имиджа: *имидж – это одна из приоритетных составляющих успешного государства, где имиджмейкер подготавливает инструмент создания имиджа страны и ее*

лидеров. Стратегическое развитие страны зависит от многих факторов, среди них ключевая роль принадлежит введению имиджевой политики, от публичных шагов и позиционирования публичных личностей к народу в целом с использованием инструментов медиа [3-6]. Каждая страна стремится, чтобы о ней было известно как можно больше положительного. Положительное позиционирование на мировом рынке способствует привлечению инвестиций и развитию страны. В данном исследовании рассматриваем имиджмейкера как производителя-продавца, а страну – как товар, который необходимо презентовать максимально экономически привлекательным и конкурентоспособным для мирового сообщества. Как инструмент создания имиджа используем медиатехнологии. Проблема создания государственного имиджа в XXI веке – наиболее приоритетная сфера и для политиков, экономистов, государственных деятелей, и для научных работников.

В основу исследования положен опыт создания имиджа в странах Европы, США, постсоветского пространства, труды известных ученых-практиков, в том числе статьи авторов. Речь о знаниях и навыках в общении с инвесторами и коллегами. Далее в публикации – ни с чем не сравнимый мистический опыт, сведения о том, как использовать бессознательное в качестве ресурса и проектировать с его помощью события в продвижении страны и жизни ее лидеров и народа в целом.

Изучением этой темы занимаются ученые, дипломаты и имиджмейкеры, в частности: А.Д. Гулиев, М.С. Дорошко, Г. Г. Почепцов, В.В. Ризун, В.Ф. Иванов, В.В. Чекалюк, А.А. Чичановский, В.И. Шкляр, А.Г. Торсунов, В.М. Шепель, А.П. Ситников, Несс Эв Тураби, Жак Сегела, Девид Герген, Ричард Верслин, Майкл Портер, Ной Вебстер, Роберт Сквайр, Джон Диадорф и другие.

Термин «имидж» заимствован современным русским языком из английского языка. В английском языке слово *image* имеет несколько значений, в том числе статуя (идол), подобие, метафора, икона, но чаще употребляется в значении образ. В английский язык слово *image* пришло из латинского (*imago*) языка при посредничестве французского. Латинско-русский словарь предлагает одиннадцать значений слова *imago*, в том числе: образ, подобие, отражение, образное выражение, представление о чем-либо, мысль, мечта, вид [7].

В работе имиджмейкера важно простым и доступным для целевой аудитории языком сформулировать свои мысли, отправить действенный меседж в массы – объяснить, что создание имиджа страны товара или услуги улучшает жизнь людей в целом. Истинные по призванию имиджмейкеры озабочены результатом, пекутся об интересах других людей.

Овладев искусством убеждать окружающих в том,

ИМИДЖ ИМИДЖМЕЙКЕРА – ФОРМУЛА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВНЕШНОСТИ

во что веришь сам, – это верх профессионализма, что максимально высокоэффективно как для страны, компании, так и для собственной карьеры имиджмейкера. В портфолио мастера должны быть максимально эффективные долгосрочные имиджевые проекты, после которых остается не только опыт и гонорар, но и новые полезные связи. В книге Дарси Резак говорит, что завязывая связи, «вы выясняете, что можно сделать для другого человека» [8]. Это благородная позиция. Заняв ее, вы сможете выстраивать продолжительные и доверительные отношения, благодаря которым люди будут верить в то, что вы им расскажете о своей деятельности, опыте. Для имиджмейкера важно максимально расширять круг знакомств. Даже после окончания контракта поддерживайте отношения с людьми. Не бойтесь сделать первый шаг. После того, как вы познакомились с человеком, напишите ему письмо или позвоните в течение трех суток. А также, для обратной связи, позаботьтесь о том, чтобы с вами легко было связаться. Многие люди, мечтающие расширить сеть своих связей, ничего не добиваются, потому что не указывают на визитках номер мобильного телефона и не оставляют контактную информацию в конце электронного письма. Будьте открытыми, не создавайте помех в общении. Будьте легки и неназойливы. Когда людям весело, им можно подать любую информацию, и они её воспримут и запомнят. Если ваша речь скучна, никакая информация её не улучшит. Будьте эмоциональны, будьте красноречивы всегда. Пусть красивая речь не оставляет вас 24 часа в сутки: хорошие ораторы – это хорошие рассказчики; они рассказывают истории, которые поддерживают сообщаемую информацию и таким образом формируют необходимый имидж. Постоянно практикуйтесь. Будьте интересным человеком. В коммуникации важно соблюдать некую дистанцию, знать меру. Ведите себя всегда благородно не только в реальном мире, но и в виртуальном интернет-пространстве: позитивные и интеллигентные комментарии в социальных сетях, идеи, ресурсы и пути решения вопроса-проблемы только усилят ваш имидж. Не теряйте активности и улыбайтесь. Не забывайте, что общение – это искусство, и постоянно практикуйтесь.

Личность имиджмейкера. Быть собой, а не играть чужую роль – это важно в работе имиджмейкера. Гармоничная уверенная личность вызывает доверие. Паника и неуверенность – отталкивают. Как победить неуверенность? Нерешительность оставляет знаки в мимике, выражении лица, в речи и текстах, портя имидж уравновешенного человека, который мы стараемся продемонстрировать окружающим. Ничто так не выдает комплекс неуверенного человека, как излишняя самореклама. Профессионально неподготовленные люди склонны использовать слова, подчеркивающие их принадлежность к более престиж-

ному классу (университету, курсам, проекту). Ключевые фигуры, акулы-имиджмейкеры, не стремятся демонстрировать свою причастность, они лидеры и это видно невооруженным взглядом. Имиджмейкеры – «маленькие рыбки» гораздо чаще подчеркивают свой статус, чем те, кто действительно профессионал. Если ты закончил лучший университет страны, об этом не стоит кричать на каждом углу, а кто закончил сомнительный вуз, но побывал на экскурсии в топовом университете, непременно об этом скажет с ноткой гордости в голосе.

У социологов есть термин, обозначающий то, как люди изменяют свою речь, чтобы звучать более солидно и авторитетно: лингвистическая неуверенность [9]. У лингвистической неуверенности есть и более экстремальная форма – гиперкоррекция: когда реальное или воображаемое грамматическое правило используется в неправильном контексте. Таким образом, попытка говорить «правильно» парадоксально приводит к неверному результату. Важно заметить, что существуют речевые особенности, которые ошибочно принимают за признаки неуверенности, хотя они таковыми не являются. Например, картавый или надтреснутый голос, манера произносить утвердительное предложение с вопросительной интонацией – не всегда недостаток, возможно, это свидетельство энергичности и склонности к новаторству, а привычка часто говорить «нууу», «аааа», «эээ» или «вы знаете» – признак открытости и честности человека.

Методы работы, тонкости этикета и влияние внешности на общее впечатление о профессионале. В наше время является весьма заметной связью одежды и социальной роли человека, внешний вид которого должен соответствовать тому уровню, на котором он находится в служебной иерархии.

Формулу профессиональной внешности, имиджа дипломата можно определить следующим образом: ухоженный человек, ведущий себя уверенно и достойно, одетый в соответствии с профессиональной ролью, которую он выполняет, а также в соответствии со временем, местом и характером события. Следует всегда помнить, что одежда – своего рода визитная карточка не только определенного лица, но и учреждения, которое это лицо представляет.

Из непосредственного опыта ученые [10, 11, 12, 13, 14-18] утверждают, что в официально-деловых отношениях очень важно соответствовать общепринятому имиджу дипломата, политика, бизнесмена и т.п. Этот имидж предполагает соблюдение классического стиля в одежде. Одежда для официально-делового общения должна быть качественной и отличаться разумной консервативностью (отсутствием ярких цветов, экстравагантного покроя), что, однако, не означает полного пренебрежения модой. Не стоит сочетать в гардеробе вещи, резко отличающиеся по цене. Важным для людей представительских профессий оста-

Ариф Джамиль ГУЛИЕВ, Вероника ЧЕКАЛЮК

ется правило, которое рекомендует не появляться на работе в одной и той же одежде два дня подряд.

Основными цветами для мужских костюмов считаются серый, темно-серый, темно-синий, черный и цвет угля. Эти цвета определяют как цвета власти (сильные цвета). Черный костюм предназначен для торжественных случаев. Поздней осенью, зимой, ранней весной, в вечернее время предпочтение отдается темному костюму, в дневное время и летом – светлому.

Деловой костюм не носят без галстука. Отсутствие галстука подчеркивает свободный стиль жизни и поведения, что присуще актерам, художникам, писателям и т.д. При выборе галстука основное внимание уделяется качеству. Ценятся итальянские шелковые галстуки ручной работы. Галстук должен быть шелковым или выглядеть, как шелковый. Полосатый галстук считается классическим атрибутом успешного бизнесмена. В официальной одежде, как правило, надевают галстук темных тонов в сочетании со светлой рубашкой. Галстук подбирается в тон костюму, но при этом может не совпадать с ним. Галстук и носовой платок должны дополнять друг друга, не имея при этом идентичного рисунка.

Цвет носков должен соответствовать костюму или быть темнее, создавая мягкий переход к цвету обуви. Важной деталью является длина носков. Они должны быть длинными, чтобы человек мог сидеть, закинув ногу за ногу, не испытывая неудобства.

Правила этикета не допускают ношение замшевой обуви с официальным костюмом. Лучшими считаются ботинки на шнуровке, обязательно из кожи. Черные ботинки подходят к костюму любого цвета (темно-синего, серого, черного), темно-коричневая обувь плохо сочетается с темным костюмом, но подходит к одежде бежевого цвета. Ботинки цвета светлого загара, бежевые, серые и белые в деловом мире недопустимы, их носят со светлыми летними костюмами, чаще спортивного стиля. В фасоне ботинок для бизнеса нежелательны декоративные элементы: пряжки, бантики, кисти. Лучшими для делового человека считаются гладкие ботинки оксфордского типа.

Мужчинам, как имиджмейкерам, так и любому деловому человеку, не рекомендуется носить драгоценности в качестве украшений. Допустимыми аксессуарами для мужчин являются функциональные вещи: заколка для галстука, запонки, ремень, кошелек, блокнот, ручка, футляр для визиток, ключей. Изделия должны быть высококачественными, желателен выдержанными в одном стиле. Часы — обязательный атрибут делового человека, отсутствие которого может быть расценено как недостаточное внимание и уважение ко времени.

Женщинам-имиджмейкерам этикет предоставляет больше возможностей в выборе одежды, чем мужчинам. Это позволяет дамам подбирать цвет ткани, фасон, которые наилучшим образом соответствуют их

предпочтениям, особенностям фигуры. Однако надо учитывать некоторые общепринятые правила. Прежде всего, в силу большей вариативности женской одежды, следует особенно внимательно следить за ее соответствием времени и обстоятельствам.

Женщина должна выглядеть профессионально, по-деловому и опрятно. Нельзя одеваться ярко, пышно. Для официально-деловой обстановки не подходят ни глубокое декольте, ни мини-юбка. Деловой женщине лучше подбирать юбку итальянской длины: до середины колена. Рекомендуемый стандарт для делового гардероба – костюм с юбкой или платье-костюм. Если пиджак однобортный, его можно не застегивать. Костюм должен быть из шерсти или из ткани, похожей на шерсть. Для дневной одежды не подходит бархат, тафта, прозрачный капрон, шифон, кружево, блестящий шелк, вышивка жемчугом и бисером. Традиционными для деловой одежды женщины считаются серый, темно-синий, оливковый, бордовый цвета. Для весенних и летних костюмов – цвета слоновой кости, какао, беж. В ансамбле одежды лучше иметь не более трех цветов, причем они подбираются таким образом, чтобы подчеркнуть основной, доминирующий цвет или создать с ним контраст.

В деловой, официальной или торжественной обстановке колготы или чулки всегда обязательны. Цвет обуви должен соответствовать или быть на тон темнее цвета самой низкой детали одежды (подола юбки). Аксессуары деловой женщины должны быть очень дорогими. Следует отдавать предпочтение сумкам и портфелям из кожи. При этом следует избегать ярлыков дизайнеров на сумках.

Имидж по телефону. В наше время значительную часть деловых проблем решают по телефону. Как показывает практика, плохие манеры служащих наиболее отчетливо проявляются именно при телефонном общении. Если телефонная связь осуществляется с помощью секретаря, руководителю необходимо помнить, что культура его помощника является важным компонентом имиджа возглавляемой им организации. Существуют высказывания, на которые нужно наложить «табу» в телефонном разговоре, чтобы об организации не сложилось ложное представление. К ним, в частности, можно отнести фразы: «Я не знаю», «Никого нет», «Вы должны», «Подождите минутку, я скоро вернусь». При возникновении осложнений более уместна фраза: «Я уточню это для Вас, позвоните, пожалуйста, позже».

Если звонок не санкционирован, необходимо выяснить, имеет ли партнер время для разговора. Если нет, попросить перенести разговор на другое время. Если соответствующий вопрос не прозвучал и у лица, которому позвонили, нет времени на разговор, он может, не называя причины своей занятости, попросить позвонить ему еще раз позже или же предложить встречный звонок. Например, возможны следующие

ИМИДЖ ИМИДЖМЕЙКЕРА – ФОРМУЛА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВНЕШНОСТИ

фразы: «К сожалению, сейчас я не могу с Вами поговорить. Я спешу на встречу и должен успеть к назначенному времени».

При наличии предварительной договоренности о телефонном звонке, но при отсутствии уверенности, что партнер о ней помнит, нужно в начале разговора напомнить о последнем разговоре, назвать себя. Телефонная трубка снимается после второго–четвертого звонка. При санкционированном разговоре по скорости реакции на звонок судят о степени заинтересованности в нем. Даже если звонок санкционированный, звонящий ожидает связь не более пяти гудков. Если трубку не поднимают, это означает, что абонент не может или не желает подойти к телефону. Согласно нормам телефонного этикета, считается, что звонить дольше – невежливо. Формулы приветствия, как и формулы прощания, зависят от статуса собеседников и характера их отношений. Начать разговор необходимо с приветствия и представления. Первым представляется человек, которому звонят. По внешнему, не персональному телефону снимающий трубку обычно называет не свою фамилию, а название организации. По внутреннему же телефону называется подразделение и фамилия того, кто поднял трубку. Нейтральные ответы «да», «алло», «слушаю» не допустимы в деловом общении. Позвонивший должен поздороваться и представиться, а при необходимости – назвать учреждение, которое он представляет.

Если во время телефонного разговора звонит другой телефон, необходимо извиниться перед первым собеседником, снять трубку, сообщить о своей занятости и выяснить у другого собеседника, будет ли он ожидать завершения разговора или вы сами позвоните ему через некоторое время. Нельзя заставлять собеседника ждать более 30–60 секунд.

Подарки как составляющий элемент имиджа. Подарок – это всегда символ уважения, своеобразная форма выражения чувств, хорошего отношения к человеку. Умение делать подарки – искусство, проявление внутренней культуры человека. Подарки в деловой сфере могут создавать атмосферу доброжелательности и доверия, стимулировать деловые связи.

Деликатным вопросом при выборе подарка в деловой сфере является его цена. Сравнительно недорогой подарок свидетельствует о хорошем отношении одного человека к другому, соответствующая его цена не позволяет расценивать это как взятку. Во многих странах закон запрещает должностным лицам принимать подарки, стоимость которых превышает определенную сравнительно небольшую сумму. По западным стандартам деловой подарок должен стоить от 10 до 50 долл. США. В протокольной практике большинства стран введены жесткие стоимостные ограничения на подарки, которые вручаются или получают высшими должностными лицами. В Великобритании эта сумма составляет 140 фунтов стерлингов, в

США – 250 долл. США, во Франции – 200–300 долл. Правила этикета советуют уважать предрассудки. Например, нельзя дарить носовые платочки (к слезам). В портмоне или кошелек следует обязательно положить монетку, иначе подарок «принесет» безденежье. Не дарят зеркала и ножи: это плохая примета. В некоторых странах и на Западе, и на Востоке не принято дарить часы. Ритуал дарения не менее важен, чем подарок. Все подарки, кроме цветов, преподносят в упаковке. Не являются исключением крепкие напитки, которые не дарят без фирменной упаковки. Если есть возможность, лучше вручить подарок лично. Если нет – желательно передать его вместе с визитной карточкой с соответствующей надписью, которая делается только от третьего лица.

Принимая подарок, надо всегда благодарить. Это делается, как правило, дважды: сначала во время церемонии вручения, а затем после разворачивания подарка. Если подарок не может быть принят по мотивам двусмысленности его содержания или недопустимости цены, его сразу возвращают с короткой запиской, например, такого содержания: «Считаю невозможным для себя принять Ваш подарок и поэтому возвращаю его Вам» [19-20].

Вывод: Поступки, портфолио имиджмейкера, всегда говорят больше, чем его слова и обещания. Формула успешного имиджа заключается в том, что когда у профессионала есть цель, он её определил и набросал план, где один из ключевых пунктов – самому быть профессионалом, он уверенно действует и его проектам сопутствует удача. Увлеченный своим делом профессионал не оставляет равнодушными окружающих, ему «открываются все двери» [21]. Анализируя исходные данные, можно наращивать возможности своими действиями. А что в итоге получится – зависит только от мастерства. Имиджмейкера можно сравнить с работой повара. Если нужно испечь пирог, следует посмотреть, какие есть продукты. Если повар-имиджмейкер хорош, не стоит переживать, что нет одного из ингредиентов. Легко можно заменить один ингредиент другим, отойти от классического рецепта и сделать отличный пирог (проект) из того, что было.

Данное исследование рассчитано не только на специалистов-имиджмейкеров, но и на массового читателя. Ведь в настоящее время дипломатия как специальность перестала быть делом только профессионалов, а положительный имидж необходим не только имиджмейкерам, а каждому, кто заинтересован в профессиональном росте и развитии. Не бойтесь действовать и не уставайте работать над собой. Отталкивайтесь от исходных данных и персональных предпочтений, делайте то, что задумали. Пусть каждое утро профессионала-имиджмейкера начинается с мысли: «У меня есть цель, и я знаю, как её добиться во благо себе и человечеству».

Ариф Джамиль ГУЛИЕВ, Вероника ЧЕКАЛЮК

Литература:

1. Імідж [електронний ресурс]. Вікіпедія. – режим доступу: <http://uk.wikipedia.org/wiki/>
2. Чекалюк, В.В. [електронний ресурс] Народний депутат // режим доступу. – <http://nardepjournal.com/article/2013/10/METOD-CE-Ya>
3. Гулієв, А.Д. Батько нації, або Чому мудрий азербайджанський народ звернувся з проханням до Гейдара Алієва взяти на себе відповідальність за порятунок республіки. – Політика і культура, 2000, № 32(67), с. 14-17.
4. Quliyev, A.D. MİLLƏT ATASI. AZƏRBAYCAN qəzeti: 26 sentyabr 2000, № 220(2632); Quliyev, A.D. MİLLƏT ATASI. XALQ qəzeti: 26 sentyabr 2000, № 219(23584).
5. Гулієв, А.Д. Штрихи до портрету Гейдара Алієва. ПРЕЗИДЕНТ, 2001, № 6, с. 46-55.
6. Кудряченко, А.И., Гулієв, А.Д. Совершенствую Конституцію: Президент ответит за всё. Киевский Телеграф, 2009, №7(457), с.10-11.
7. Латинско-русский словарь. Автор-сост. К.А. Тананушко. – Минск: Хорвест, 2008, с. 405-406.
8. Резак, Д. Приёмы и связи решают все. Правила позитивного нетворкинга «Манн, Иванов и Фербер», 2007. – 208 с.
9. Лингвистическая неуверенность [электронный ресурс], режим доступу: – <http://womo.com.ua/lingvisticheskaya-neuverennost-kak-rech-otrazhaetsamoosenku/>
10. Ризун, В. Природа и структура коммуникативного процесса [текст] [электронный ресурс]. В.В. Ризун – режим доступу: – <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1005>
11. Шепель, В. [электронный ресурс], лига имиджмейкеров – режим доступу. – <http://image.intereconom.com/>
12. Иванов, В.Ф. Массовая коммуникация: Монография. – Киев: Академия украинской прессы; Центр свободной прессы, 2013. – 902 с.
13. Чичановський, А., Шкляр, В. Політика, преса, влада. – Київ; Москва, 1995. – 240 с.
14. Гулієв, А. Дипломатический протокол и этикет: практикум. Сост.: А.Д. Гулієв; [пер. с укр.]. – Киев: НАУ, 2014. – 92 с.
15. Гулієв, А.Д. Право зовнішніх зносин. Підручник. – К.: НАУ, 2012. – 488 с.; Гулієв А.Д. Право зовнішніх зносин. Учебник. – Киев: НАУ, 2012. – 520 с.
16. Гулієв, А.Д. Україно-азербайджанські відносини: Право. Політика. Дипломатія. Т.1. – Харків: Факт. 2013. – 656 с.; Гулієв А.Д. Україно-азербайджанські відносини: Право. Політика. Дипломатія. Т.2. – Харків: Факт, 2015. – 672 с.
17. Гулієв, А.Д. Життя, присвячене своєму народу. Київський Телеграф. 12.12.13. – <http://telegrafua.com/social/14618>; www.azertag.com/ru/node/1170223. Бакинський робочий. 12.12.2013; [електронний ресурс], режим доступу. – <http://www.br.az/politics/20131212114538473.html#page99>
18. Гулієв, А.Д., Чекалюк, В.В. Мастер власти рождается действием слова. [электронный ресурс], режим доступу. – <http://versii.com/news/326347/>; http://azertag.az/ru/xeber/Master_vlasti_rozhdaetsya_deistviem_slova-850396; <http://www.aze.in.ua/novosti/master-vlasti-rozhdaetsya-deystviem-slova>
19. Гулієв, А.Д. Ільгам Алієв – завтрашній лідер Азербайджану? А чому б ні?! – Політика і культура, 2003, № 21(200), с. 24-26.; Гулієв, А.Д. Ільгам Алієв – політик нового часу. Бакинський робочий, 2003, №160 (24589), с. 2.
20. Гулієв, А.Д. Общациональный лидер Гейдар Алиев – основатель азербайджанской государственности. [электронный ресурс], реж. Доступу. – <http://versii.com/news/336835/>; http://azertag.az/xeber/Noyabrin_12_de_Azərbaycan_Respublikası_Konstitusiyasının_20_yası_tamam_olur_Umummillilider_Heyder_Aliyev_Azərbaycan_dovletchiliyinin_banısidiir-900514; <http://golosukraine.com/publication/main/statti/48988-12-listopada-20-richchya-konstituciyi-azerbajdzhan/VkCkek3oszs>.
21. Чекалюк, В.В. Журналістика в умовах глобалізації – основна складова соціальних комунікацій і ПР (public relations). В.В. Чекалюк. [электронный ресурс], режим доступу. – http://www.irbis-nbu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbu/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&S21P03=FILA=&S21STR=getvnz_2011_22_33

Summary

In this research a range of ways of developing the image of image-maker in the modern information space is offered to influence the forming of the image of the country. The image created by professionals will mask personal characteristics and will only inform the public about socially important qualities of the image-maker, will satisfy general audience's expectations: obligation, adherence to principles, willpower, honesty, service to the country and to the people. Currently, mass media is the most efficient instrument in the forming of the state image. More detailed information about the positioning of the image of the state in the light of image-maker perception in media is available in this article.

Keywords: press, leader, image, audience, diplomacy, image-maker.

Абдуллаев Фатали НАРИМАН,
кандидат политических наук, Институт по правам
человека Национальной Академии наук Азербайджана
(Баку, Азербайджан)

ГЕОПОЛИТИКА МИГРАЦИИ – В ЗЕРКАЛЕ МИГРАЦИОННОЙ ТРАГЕДИИ

Введение

Понятие «геополитика» многозначно, но безусловно сегодня этот термин может восприниматься как понятие, непосредственно связанное с географическими и политическими факторами, с взаимобусловленностью интересов государств, расположенных на различных географических пространствах. Отсюда следует, что многие правительства говорят сегодня о том или ином геополитическом интересе своей страны в различных регионах мира. Геополитика может затрагивать различные сферы жизни общества: экономику, политику, философию, военно-политическую мощь государства и т.д.

Первое научное определение понятия «миграция» было введено западным ученым-социологом Э.Равенштейном в 1885-1889 гг., им же были разработаны и теоретические основы этого понятия [27; 28]. *Миграция в широком смысле есть перемещение людей через границы территорий со сменой (навсегда либо на время) места неизменного пребывания и происходит она под влиянием внутренних и внешних, социальных, экономических и политических факторов.* Миграционная политика, соответственно, есть совокупность политических концепций и взглядов, связанных с конкретными организационно-правовыми и социально-экономическими мерами, направляемыми на регулирование миграционных процессов, а также международной миграционной политики [16].

Международные миграционные процессы, происходящие в контексте отмеченного определения, являются решающим направлением политического и экономического развития каждой страны конца XX – начала XXI века. В последние несколько лет беспрецедентное возрастание традиционных темпов миграционных потоков, превращение их в глобальную гуманитарную катастрофу, подвергающую миллионы людей трагедиям и лишениям, занимает важное место в повестке дня и вынуждает к тому, чтобы расценивать многовековой исторический процесс совершенно иначе. На фоне происходящих в настоящее

время событий выявляются серьезные угрозы хрупкому геополитическому балансу, существующему в мире.

Возникающие по этому поводу вопросы требуют обдумывания и ответа. К примеру, как мигранты, являвшиеся до сих пор одним из основных ресурсов социально-экономического развития в развитых странах, в одночасье стали «чужими» и превратились в препятствие для развития? Почему «интеграционная политика» перевоплощается в свою противоположность – в изоляцию и угрозы?

Какую роль при этом играют двойные стандарты и фактор равнодушия к решению проблем беженцев и вынужденных переселенцев, с которыми сталкивается ряд государств? Каковы причины процессов, называемых «апокалипсисом миграции», и почему их результаты столь болезненные?

К чему может привести отсутствие концепции и стратегического плана государств-членов Европейского Союза и Совета Безопасности ООН по решению проблем, всё более углубляющихся по мере непрекращающихся потоков беженцев? Что обещает новая развивающаяся геополитическая реальность миру? В какой степени размещение беженцев противоречит международному праву и к каким новым конфликтам может привести?

В современном глобализованном мире поток беженцев в любой момент может «постучать в дверь» любой страны. Отметим, что понятия *мигранты* и *беженцы* в качестве термина используются в настоящее время СМИ, политологами, политиками и др. в одинаковом смысле.

1. «Великое переселение» XXI века – гуманитарная катастрофа в цифрах

Причины, превращающие миграционные потоки в катастрофу, возникли в 2010 году, с «арабской весны», приведшей к нестабильности на Ближнем Востоке и фактическому уничтожению нескольких суверенных государств. Между тем известно, что в условиях стабильности в этих странах повседневная

Абдуллаев Фатали НАРИМАН

жизнь миллионов людей была намного лучше, чем их нынешняя ситуация. Например в Ливии, разделенной в настоящее время на пять частей, социальное обеспечение было на высоком уровне.

Реализация Соединенными Штатами своих геополитических интересов в регионе и навязывание своей воли европейским странами привели к обострению проблемы миграции. Стало ясно, что в глобализирующемся мире невозможно защититься от миграционной катастрофы никакими искусственными «железобетонными стенами».

У мигрантов два пути для прибытия в Европу: через Гибралтар (Гибралтарский пролив) в Испанию и через Средиземное море в Италию. Оба они довольно опасны, так как время от времени перегруженные суда терпят аварии или идут ко дну. В 2014 году почти 5500 мигрантов утонули в море. Путь, который считается относительно доступным, проходит через Турцию, а затем через Балканы.

По данным ООН, впервые после второй мировой войны число беженцев и вынужденных переселенцев достигло рекордного уровня. Если в 2013 году 51,2 миллиона человек были вынуждены покинуть свои дома, то в конце 2014 года их число достигло 59,9 млн. В результате войны в Сирии каждый день, в среднем, 42500 человек становятся беженцами, лицами, ищущими убежища, или вынужденными переселенцами [20]. Нет никаких сомнений, что результаты 2015 года будут, в целом, катастрофически высокими. **(Таблица № 1)**

Верховный комиссар ООН по делам беженцев Антонио Гутерреш заявил, что, с одной стороны, те силы, которые развязывают конфликт, все больше остаются безнаказанными, а с другой стороны – международное сообщество кажется бессильным в налаживании сотрудничества для прекращения военных действий и поддержания мира. За последние пять лет произошли или возникли вновь не менее 15 конфликтов. **(Таблица № 2)**

Страны, разместившие наибольшее число беженцев в пересчете на душу населения. Согласно докладу, подготовленному ООН в 2014 году, в настоящее время в составе мирового населения один из каждых 122 человек является беженцем, вынужденным переселенцем или лицом, ищущим убежища. Если бы эти люди населяли одну страну, то это была бы 24-я по величине страна. В настоящее время Турция, где проживает до двух миллионов беженцев, – крупнейшее по их числу государство в мире. Первое место по количеству беженцев на душу населения занимает Ливан. Сегодня в Ливане на каждые 1000 человек приходится 232 беженца. В общем в этой стране 1,15 миллиона беженцев. В Ливане было всего 8000 беженцев в 2011 году, до начала гражданской войны в Сирии. **(Таблица № 3)** Только в 2014 г. в стране были официально зарегистрированы 403. 600 сирийских беженцев [20].

Беженцы мира, проживающие в 10 странах.

После оккупации Нагорного Карабаха, слова *беженцы и вынужденные переселенцы*, пожалуй, не были так близки другим народам, как азербайджанцам. На протяжении десятилетий Азербайджан лидировал по числу беженцев на душу населения. В 2014 году в мире в среднем 30000 человек были вынуждены ежедневно покидать свои дома из-за конфликтов и насилия. По данным Центра мониторинга внутреннего перемещения (Internal Displacement Monitoring Centre; IDMC), к концу 2015 года число людей, перемещенных внутри своей страны, превысит «рекорд», то есть почти 38 миллионов человек будут вынуждены жить в изгнании. 77 процентов вынужденных переселенцев в мире проживают в 10 странах. В Сирии их число является самым высоким – 7,6 млн. чел. Конфликт в Колумбии между повстанческими группировками террористов, называющих себя «Революционными вооруженными силами – народной армией (FARC)» с леворадикальными взглядами, вывел страну на второе место по числу беженцев – 6 млн. чел.; 3 место занимает Ирак – 3,4 млн. вынужденных переселенцев. **(Таблица № 4)**

В таблице **таблице № 5** приведено количество обращений, начиная с 2011 года, в 10 европейских стран о предоставлении убежища, а также количество обращений, сделанных впервые в четвертой четверти 2014 года и в первой четверти 2015 года.

В 2015 году сотни беженцев погибли при попытке пересечь Средиземное море [3]. Те, кто направляются в Европу, – в основном беженцы с Ближнего Востока и Африки. Многие из них пытаются пересечь Средиземное море на кораблях, которые не готовы к дальним морским переходам, и большинство мигрантов гибнут в пути. Широкая публика узнала об этом только после трагедии, случившейся около острова Лампедуза (Италия). 19 апреля в результате крушения двух судов с нелегальными мигрантами вблизи острова погибли почти 900 человек. На следующий день Европейский Союз заявил об изменении миграционной политики. Европейские лидеры уделили больше времени на обсуждение этого вопроса, возможно – намного больше, чем за время существования ЕС. Проблема гибели беженцев в морях существует уже 25 лет. По данным Агентства ООН по делам беженцев, если в течение 23 лет (1990-2013) была зарегистрирована смерть 3188 беженцев, то только в 2014 году умерли более 3500 беженцев. За первые 4 месяца 2015 года более 1800 беженцев погибли в море [18].

2. Трансформация миграционной политики в глобальную геополитику

На протяжении истории миграционная политика является отражением геополитических целей. Однако в настоящее время ее значимость в рамках геополитики беспрецедентно возрастает.

ГЕОПОЛИТИКА МИГРАЦИИ – В ЗЕРКАЛЕ МИГРАЦИОННОЙ ТРАГЕДИИ

Многомерные аспекты миграции изучают различные науки. Тем не менее, ее геополитический аспект не был пока исследован учеными на соответствующем уровне. Однако именно с этой точки зрения можно понять в настоящее время истинные причины провала миграционной политики европейских стран и гуманитарной катастрофы в Европе.

Экскурс в историческое прошлое показывает, что миграция и колониальная политика традиционно служили механизмами для изменения и трансформации геополитического ландшафта целых регионов.

Согласно автору исследований в области геополитики Н. Мамедову, существует настоятельная необходимость в изучении истории миграции. Это явление возникло в связи с политикой колониализма. Сегодня миграционный кризис является результатом неправильной политики ведущих стран Европы. Миграционная политика на первом этапе служила для укрепления колониализма, на втором этапе – чтобы держать под контролем страну, освободившуюся от колониализма. На этих двух этапах миграционная политика служила личным интересам колониальных государств. Теперь начинается третий этап этой политики, на котором миграция уже представляет угрозу для государства. На этом этапе мигрантов называют уже «нелегальными» [3; 23].

Следует отметить, что политика переселения, или миграции, в создании таких стран, как Армения, сыграла решающую роль. Или другой пример: в результате создания государства Израиль в 1948 году, евреи переехали сюда со всего мира (2 млн. человек мигрировали в Израиль в 1948-1999 гг.). В свою очередь, создание Израиля привело к проблеме возникновения 2,5 миллиона палестинских беженцев. Одной из главных причин расширения миграционных потоков в XX веке была также война между Индией и Пакистаном. В результате было создано государство Бангладеш, и 10 миллионов человек стали беженцами.

События, происходившие во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе в 70-е годы XX века, привели к новой волне вынужденных переселенцев. В результате событий, происходивших в Юго-Восточной Азии в 80-х годах XX века, Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур стали основными регионами, экспортирующими рабочую силу. С точки зрения вышесказанного, миграционная политика Китая в отношении экспорта рабочей силы требует особого внимания.

Вынужденная, насильственная миграция – результат колониальной политики Европы, которая началась много веков назад. «То, что мы наблюдали в Европе, это историческая месть бывших колоний. Теперь их очередь создавать проблемы. Запад придал толчок этому процессу [14].

Ученый из США Джеймс Тюнер проанализировал связь миграционной политики с геополитикой в своей работе «Образы Востока. Дискурс и дисципли-

на иммиграционной политики Америки в 1875-1942 годы» [15]. Чтобы охарактеризовать миграционную политику в эти годы, автор определил три ее дискурса, другими словами – три парадигмы. Первый из них – «Восточный дискурс». Д.Тюнер отмечает, что совершенствование иммиграционного законодательства Америки совпало с устремлением Соединенных Штатов к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТОР) и захватом Гавайи, Гуам, Самоа и Филиппин. В широком смысле, вмешательство США в Японию, Китай и Корею – среди этих факторов. Эти факты определили Восточное направление миграционной политики Америки, соразмерно приведя к интенсификации миграционных потоков из этих регионов [14].

Второй дискурс связан с взглядами, известными как «Евгеника». Эта парадигма, формировавшаяся в контексте антропологии в конце XIX века, стала еще сильнее в результате распространения дарвинизма. Некоторые исследователи, применяющие дарвинизм к образу действий и конкуренции групп в политической системе, выступают исходя из принципа изоляции социальных групп, нежелательных в обществе, и, наоборот, поддержания более близких им социальных групп с экономической и культурной точек зрения.

Третий дискурс – геополитического содержания. По Д.Тюнеру, эта парадигма сыграла роль благоприятной основы для реализации «Восточного дискурса». Геополитика совершенствовалась в тесной связи с «Евгеникой». В конечном итоге, оформился следующий тезис: *конкурентоспособность государства на международной арене непосредственно определяется прочностью физических, психических и нравственных качеств его населения.*

Геополитика вкупе с «Евгеникой» обеспечивала уникальные возможности для удовлетворения спроса на трудовые ресурсы американской экономики: то есть спрос на мигрантов Востока и из Азии параллельно регулировался специальной политикой по отношению к ним. Принимая во внимание то, что мигранты из Азии не отвечают критериям «идеального мигранта» англосаксонского происхождения из Европы и с Запада, эта область была урегулирована «Восточной парадигмой» иммиграционной политики США. Ее наиболее ярким проявлением был «закон Пейджа», принятый в 1875 году. Согласно этому закону, учитывающему массовые миграционные потоки китайцев, их склонность к компактному проживанию и трудности интеграции, прибытие китайских женщин в Соединенные Штаты было запрещено. В США, где сегодня на весь мир звучат призывы о соблюдении прав инвалидов и гуманизме, еще с 1893 года иммиграция (прибытие) инвалидов, с 1907 года – детей-сирот, а с 1917 года – неграмотных лиц была запрещена. С 1921 года применяются квоты относительно мигрантов, в зависимости от их числа и этни-

Абдуллаев Фатали НАРИМАН

ческой группы. Таким образом, явствует, что в США и странах Запада еще два века назад, исходя из геополитических целей в миграционной политике господствовала расовая, этническая сексуальная и даже физическая дискриминация, что считалось законным.

Миграционная политика в Америке, получившей название «государство иммигрантов», всегда основывалась на принципе «селективного отбора». Группы мигрантов, приезжающих в страну постоянно, использовались в целях американской внешней политики, формируя имидж-стереотип «свободной страны для всех».

В свою очередь, представители этнических групп тоже принимали активное участие в реализации этой политики и в качестве ее лоббистов. На протяжении всей истории принцип «управляемой рабочей силы», служащий быстро растущим потребностям экономики, был превращен в принцип «управляемого хаоса, нестабильности», а миграционная политика – в миграционную геополитику.

3. Геополитические центры, сценарии «управляемого хаоса» и их влияние на миграционные процессы

Современные процессы глобализации и интеграции придали новое значение проблеме геополитики и национальной безопасности, обусловили усиление поляризации Востока и Запада исходя из их общих политических интересов. Сегодня вся международная политическая система и ее составной элемент – государство, подвергаются серьезным изменениям, для геополитического понимания которых широко используется концепция «глобализации». Эти трансформации влияют на процесс понимания проблем безопасности различными социумами. В классических комментариях геополитика и безопасность воспринимаются как взаимосвязанные концепции, и воздействие современного процесса глобализации в этом вопросе является неоспоримым. Под влиянием экзогенных факторов, непосредственно изменяется не только география государства, но и его политические отношения со своими соседями. В некоторых геополитических концепциях дается объяснение этого процесса и строится структура геополитического потенциала государств в связи с современными преобразованиями [4]. В контексте глобализации геополитическая ситуация сопровождается противоречиями, угрожающими будущему планеты. В то же время усиливаются противоречия между богатыми и бедными обществами, зонами, где преобладают различные религиозные понятия, противоречия между традиционными и нетрадиционными обществами. Исчезновение национальной идентичности народов, отказ от концепции уникальности культуры этнических групп, в том числе от национальных традиций, скрывают неизбежные противоречия. Племена и народы в процессе своего развития осознают свою не-

повторимость и требуют своих прав и свобод. Возникают причины для местных, а также кровавых конфликтов. Таким образом, глобализация сама по себе является глобальной проблемой с уникальными возможностями и пагубными последствиями. Следует отметить, что глобализация как необратимый процесс создает новую структуру мира [34]. Мир, который раньше был биполярным, меняется либо в униполярном, либо многополярном направлении.

Государства, менее связанные с геополитической ситуацией раньше, сегодня становятся активными геостратегическими участниками и формируют новую политическую структуру мира. По мнению З.Бжезинского, активные геостратегические участники – это те государства, которые по своей суверенной, национальной и политической воле могут проводить собственную политику в нынешней геополитической ситуации и влиять на международную обстановку за пределами своих границ. Геополитические центры – это государства, значимость которых зависит не от их полномочий, а от географического расположения и способностей потенциального маневрирования при активности других государств. Например, по З.Бжезинскому, хотя Франция, Германия, Россия, Китай и Индия считаются крупными и активными против интересов США, однако Великобритания, Япония и Индонезия не входят в этот тандем. З.Бжезинский отмечает, что Азербайджан, Турция и Иран занимают определенное место среди 5 принципиально важных геополитических центров Евразии. Турция и Иран являются геостратегически активными странами, а не Великобритания – постоянный член Совета Безопасности ООН, и не Япония – один из гигантов мировой экономики, или Индонезия, являющаяся одной из крупных мусульманских стран [40].

Новая геополитическая ситуация и новая структура мира влияют на демографическую ситуацию. Международная миграция, являющаяся одним из проявлений демографических процессов, становится и одним из эффективных направлений геостратегий государств. Охватывая все континенты и регионы, она является неотъемлемой частью этих процессов.

Для геополитических силовых центров, считающихся лидерами глобализации, изменение режимов в Афганистане, Ливии, Сирии и, наконец, в Украине – один из типичных методов широко обсуждаемой в последние годы геополитической технологии в качестве «управляемого хаоса». В различных суверенных государствах осуществляется внедрение и поддержка изменений в правительстве с целью защиты стратегических интересов. А это приводит к анархии, гражданской войне и гуманитарной катастрофе, сопровождающейся насильственной миграцией. Это наблюдается в Афганистане, Ираке, Ливии и на данной момент в Сирии. Другой факт состоит в том, что, как это ни парадоксально, влияние и результаты «эффек-

ГЕОПОЛИТИКА МИГРАЦИИ – В ЗЕРКАЛЕ МИГРАЦИОННОЙ ТРАГЕДИИ

та бумеранга» каждый раз ведут к более масштабным и трагическим последствиям соответственно закономерностям глобализирующегося мира.

«Мы свидетели изменений карты геополитического мира в последние 25 лет. Технологии «распространения демократии», которые служат геостратегическим интересам, стали исходной точкой «бархатных революций» в Восточной Европе, краха «социалистического лагеря» и развертывания вновь сил на мировой арене. Строится фундамент управления мира только из одного центра. Определенные силы еще не отказываются от практики использовать «цветные революции», чтобы изменить правительства, не удовлетворяющие их. Несмотря на то, что все негативные последствия этих революций и их хаос очевидны» [2].

Следует отметить, что сегодня Запад и в частности США считаются «сценаристами» почти всех войн в мире. Как показано в *таблице № 6*, США были основными участниками и инициаторами войн в XX веке [24].

После событий сентября 2001 года, геополитические силы использовали атаки такого рода в качестве предлога для свержения политических режимов в восточных странах, в частности – в Ираке. Десять лет спустя, в 2011 году, «арабская весна» и волна протестных движений, зачинщики которых известны, явились причиной свержения режимов в Ливии и Сирии. Результатом всего этого стало появление самой большой террористической катастрофы – ИГИЛ и ряда жестоких экстремистских групп, которые угрожают единству и безопасности мира. В течение ряда лет число погибших дошло до полумиллиона. Комплекс углубляющихся и возрастающих проблем не оставляет никакой надежды на благополучный исход.

Ввиду того, что миграционные процессы, ускоряемые процессом глобализации, выходят из рамки внутренней политики каждой страны, демографический баланс в мире почти полностью стал объектом интереса геополитики с точки зрения отношений между западной и восточной цивилизациями.

Резкое ускорение таких тенденций, как противоречия и конфликты в области сосуществования, ксенофобия и исламофобия, занимают центральное место в борьбе различных сил. В этом плане в последние годы мультикультурные конфликты превратились в неотъемлемую черту современного западного общества. Заявления, сделанные на уровне официальных политических лидеров Европы об отказе от мультикультурализма и его провале, стали кульминацией этих процессов. В настоящее время все это способствует включению в политические программы по борьбе новых радикальных групп, которые стремятся защитить свои религиозные культуры на правовом и культурном уровне и навязать иммигрантам тради-

ционно так называемую либеральную демократию [33]. В результате свержения суверенных режимов по управляемому сценарию хаоса так называемых классических демократических стран, нынешние войны и конфликтные зоны в мире привели к приобретению миграционным процессом новых функций и приумножению проблем беженцев и вынужденных переселенцев. Всё это может вылиться в глобальный миграционный кризис в ближайшее время.

4. *Поиски путей выхода из сложившейся ситуации*

Традиционные политические концепции по урегулированию новой миграционной реальности пока не действуют. Ввиду того, что выход из сложившейся ситуации пока не найден, преобладают геополитические интересы.

В настоящее время страны ЕС не обладают единой миграционной политикой. Тем не менее, геополитическое будущее континента и мира в целом зависит от того, насколько быстро и эффективно будет найден выход из кризиса.

Беспрецедентный поток мигрантов приводит к конфликту между странами Европейского Союза и ставит под вопрос его целостность. Большие государства, направляя мигрантов к относительно небольшим государствам, пытаются тем самым избавиться от проблем. В отличие от европейских стран с геополитическим колониальным прошлым, «молодые» европейские страны считают, что они не несут никакой ответственности. В этой связи вопрос премьер-министра Словакии Роберта Фитсо, который он задал в одном из своих интервью, очень типичный: «У меня есть лишь один вопрос: кто бомбил Ливию? Кто создал проблемы в Северной Африке? Словакия? Нет!» [9]. А министр иностранных дел Венгрии заявил: «Разве это европейская солидарность? Вместо того, чтобы создавать условия для мигрантов, Хорватия отправляет мигрантов поездом прямо в Венгрию» [9]. Венгрия с 17 сентября начала, в свою очередь, строительство дамбы вдоль границы с Хорватией. А до этого болгары стали посылать войска к границе с Турцией. Министр иностранных дел Франции Лоран Фабиус резко критиковал возведение заградительных сооружений, чтобы предотвратить венгерскую иммиграцию. Хотя в Брюсселе и тешат себя надеждами на солидарность в решении проблемы мигрантов, но сейчас там все в полном замешательстве и не имеют никакого плана по преодолению кризиса.

В действительности ЕС, который не в состоянии принять миллионы беженцев, стал заложником своих же собственных принципов, и теперь он вынужден идти против ценностей солидарности и прав человека, о которых он сам же и заявлял каждый раз. Другими словами, «геополитика прав человека» на континенте – перед испытанием. 28 государств ЕС 23 апреля 2015 года собрались на заседание, посвя-

Абдуллаев Фатали НАРИМАН

ценное вопросу иммигрантов. Конечно, не было принято фактически никакого решения. Поиск выхода из проблем привел к разделению ЕС вместо консолидации [1].

Почему нет надежды на положительное решение проблем, связанных с мигрантами, или что дает основание для дальнейшего углубления противоречий? Было бы уместно привести опыт США в качестве примера. Дело в том, что после трагических событий 11 сентября, с принятием 26 октября документа, названного «Акт о патриотизме: защита жизни и свободы», Соединенные Штаты, злоупотребляя этим, сформировали свою мощную сеть лоббирования, которая была заинтересована в сохранении текущей ситуации [29].

Эта сеть лоббирования состоит из крупных предпринимателей, силовых структур, политиков, которые наработывают политические дивиденды требованиями об ужесточении миграционной политики. Естественно, подобное не только не приводит к решению проблем, а напротив, только еще более усугубляет ситуацию.

Одним из примечательных аспектов является интерес латентного бизнеса, скрытого в тени миграционной политики. Существуют предприятия, получающие прибыль от ужесточения контроля над потоками мигрантов:

- частные организации, производящие специальные высокотехнологичные устройства для их установки на границе;
- компании, разрабатывающие электронные средства и программное обеспечение для контроля и учета мигрантов;
- компании, создающие средства коммуникации для обмена информацией по соответствующим зонам обслуживания;
- учреждения, работающие в области строительства и обслуживания инфраструктуры – в том числе приемные станции и тюрьмы для мигрантов, для временного содержания там нелегальных мигрантов [5, с. 203-206].

Министры иностранных дел стран-членов ЕС для выхода из ситуации предложили создать в третьих странах безопасные зоны и центры для размещения мигрантов. Такими центрами должны стать соседние Балканские страны. Центральные учреждения ЕС стремятся проводить новую политику и регулировать этот процесс.

После кораблекрушения, которое привело к гибели большого числа мигрантов, лидеры ЕС пришли к решению об укреплении миссии патрулирования Евросоюза в Средиземном море и ведению более жесткой борьбы с торговцами людьми, которые доставляют мигрантов в Европу на лодках. В заявлении, принятом на пленарном заседании Европейского парламента, было отражено проведение на уровне

ЕС поисково-спасательных работ – «операции Трайтон». Это патрульное подразделение ЕС в Средиземном море. Приезжающих в Европу и подающих заявление о предоставлении убежища было решено распределять на основе квот между странами ЕС. Кроме того, поощряются те страны ЕС, которые продолжают оказывать финансовую и моральную поддержку бюджетам и операциям пограничного агентства ЕС «Фронтекс» и Европейского бюро по предоставлению убежища [1].

Бизнесмен еврейского происхождения Д.Бузи предложил создать новое государство, где беженцы из любой страны могли бы жить. По данным газеты „The Huffington Post”, бизнесмен считает, что если его идея будет реализована, то это приведет к радикальному решению проблемы беженцев во всем мире. В качестве примера единственного такого успешного проекта прошлого века бизнесмен назвал Израиль: «Израиль, по существу, был создан как страна беженцев, но исключительно еврейских беженцев» [12].

По мнению некоторых экспертов, проблема мигрантов и вынужденных переселенцев может быть решена комплексно. Т.е. они предлагают в первую очередь стабилизировать положение в странах, откуда начались миграционные потоки, и помочь именно этим странам. И вместо того, чтобы закрывать миграционные пути, было бы правильнее оставлять их открытыми.

«Европейская комиссия подготовила предложения для предотвращения потока мигрантов. Речь идет об увеличении финансирования спасательных операций, незамедлительной отправке обратно лиц без разрешения на пребывание в ЕС, сотрудничестве с соседними странами с целью закрытия путей для иммигрантов. Новая политика также предусматривает оказание юридической помощи мигрантам, обращающимся в Европу. Дело в том, что во многих случаях они обращаются за помощью к преступникам. ... Кроме того, верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Ф.Могерини обратился к Совету Безопасности ООН за разрешением нанесения военного удара силам, участвующим в торговле людьми в Средиземном море. Любая попытка с целью уничтожения или останова катеров и судов лиц, занимающихся торговлей людьми в ливийских или международных водах, без мандата ООН будет считаться незаконной» [18].

В целом, возможности решения проблемы усматриваются, с одной стороны, соответственно взаимоотношениям между цивилизациями, а точнее – политике центров их геополитических сил. С другой стороны, существование общих интересов и общих врагов может привести к общему подходу в отношениях между государствами, принадлежащими разным цивилизациям.

ГЕОПОЛИТИКА МИГРАЦИИ – В ЗЕРКАЛЕ МИГРАЦИОННОЙ ТРАГЕДИИ

Другой аспект – это реакция населения стран, членов новой миграционной политики ЕС. Известно, что в последние годы в Европе значительно возросли тенденции расизма, ксенофобии, усилилась поддержка политических партий. В этом процессе, несомненно, важное значение имеет тот факт, что европейцы, испытывающие трудности с трудоустройством, считают мигрантов главной причиной этого. Можно полагать, что в результате новой миграционной политики фактор увеличения числа мигрантов, которые будут приняты в странах ЕС, приведет к активизации групп, пропагандирующих религиозную и расовую дискриминацию в этих странах.

5. Эхо катастрофы мигрантов в Азербайджане

В результате политики неоднократного переселения армян на исторические территории Азербайджана было начато искусственное изменение состава населения в Нагорном Карабахе – это исторический факт. Вмешательство в геополитическую конфигурацию с последующими территориальными претензиями уже доказано [26, с. 15]. Армянское государство, созданное в результате искусственных переселений, даже в условиях гуманитарной катастрофы ищет выгоду и продолжает свои противоправные действия, не упуская возможности осуществить свои территориальные претензии.

Согласно исследованию, предпринятому организацией по изучению общественного мнения Gallup, которая опросила более 40 тыс. человек в 12 странах бывшего Советского Союза на предмет готовности покинуть родину при наличии такой возможности, положительно на этот вопрос ответили лишь 5% жителей Узбекистана, 6% жителей Киргизии и 11% жителей Таджикистана. Наибольшее количество желающих уехать за рубеж – около 40% – оказалось в Армении. На втором месте Молдавия, затем Украина.

Президент Армении С.Саргсян, признавая это в интервью в 2015 году, так ответил на вопрос о том, почему Армения является моноэтническим государством: «Я задумался над этим вопросом и нашел ответ. Потому что царская Россия была уверена в верности армян императору. Именно из-за того, чтобы Армения являлась форпостом империи, она не считала нужным переселение сюда других народов» [17].

В 90-х годах XX века в результате незаконной политики Армении более одного миллиона азербайджанцев были подвергнуты вынужденной миграции с исторических территорий Азербайджана. Армения, привыкшая всякий раз, воспользовавшись глобальной геополитической ситуацией, предъявлять свои территориальные претензии, и сейчас не собирается упускать эту возможность в контексте происходящей миграционной катастрофы, дабы изменить демографическую ситуацию в регионе в свою пользу.

Согласно информации из различных источников, примерно одна треть, т.е. 15-17 млн. сирийцев – это

беженцы армянского происхождения, покинувшие страну с началом гражданской войны в Сирии, которые поселились в Армении. Подчеркнем, что это данные за последних два-три года. Некоторые из беженцев поселились в Нагорном Карабахе, на территории Азербайджана, которая находится под контролем армянских сил. По словам начальника Управления армянских общин Ближнего и Среднего Востока Министерства диаспоры РА Лусины Степанян, с 2012 года почти 15 тысяч сирийских армян получили армянское гражданство. Для того, чтобы сирийские армяне могли с легкостью прибыть в Армению, правительство Армении облегчило процесс получения гражданства для них. Им разрешено также получать загранпаспорта не только в Армении, но и в консульствах Армении в Сирии и Ливане. Наш президент сказал, что армянин не должен быть беженцем на своей родине. Это одна из главных причин упрощения процесса получения гражданства сирийскими армянами. Они также должны иметь права гражданина Армении, как и мы. Тем, которые не имеют армянского гражданства, удается сразу получить визу Армении в пунктах пересечения границы, и они освобождаются от налогов на время проживания в стране.

Правительство Азербайджана заявило протест против размещения сирийцев – беженцев армянского происхождения на оккупированных Арменией территориях, отметив, что считает подобное «неприемлемым» [10].

Представитель армяно-сирийской группы дружбы с Сирией Т.Вардапетян, комментируя визит, отметил: «Для них возможность жить и работать есть и в провинциях, и в Нагорном Карабахе. Хотя эмиграция из нашего традиционного сирийского сообщества – это не так хорошо для нас, но правительство Армении делает и сделает все, что в его силах, чтобы разместить своих соотечественников в стране» [15]. Тем не менее, желание этой страны в осуществлении своей мечты далеко от реальности. Так, армяне, страдающие от безработицы и бедности, разработали в 2013 г. концепцию «периодической миграции», для того чтобы увеличить поток мигрантов в Европу. Концепция разработана в рамках трёхмиллионного проекта ЕС «Инициатива, направленная на Армению». По данным ООН, 115 тысяч армян покинули страну в течение последних четырех лет. Каждый год 30 тысяч человек покидают страну. Сегодня 40-50 процентов населения страны – потенциальные мигранты. 15 процентов семей живут за счет средств, получаемых из-за рубежа» [8].

Запад, «инфицированный» мигрантофобией и исламофобией, выделяет миллионы для миграции армян, потому что это отвечает геополитике миграции глобальных сил. Министр иностранных дел Армении Э.Налбандян во время своего выступления

Абдуллаев Фатали НАРИМАН

на международной конференции в Париже (8 сентября 2015 года), посвященной вопросам насилия в отношении этнических и религиозных меньшинств Ближнего Востока, заявил: «На протяжении веков армяне были неотъемлемой частью культурного разнообразия на Ближнем Востоке. Столетие назад дали приют нашим сотням тысяч землякам, которые хотели защитить себя от «геноцида». Сегодня возникла серьезная угроза для существования сирийцев армянского происхождения. Сегодня 10 тысяч армян стали вынужденными переселенцами, как и другие нации Ближнего Востока. Только 15 тысяч армян прибыли в Армению из Сирии». А министр диаспоры признался в том, что страна, которая уже на грани банкротства, сталкивается с новой проблемой: «Поток сирийских армян в Армению увеличился. Мы уже не в состоянии справиться с этим. В Армению в основном переезжают люди, потерявшие свое жилье. Если бы сирийские армяне согласились жить не только в Ереване, но и в других местах, то все было бы лучше. Но их тоже можно понять. Потому что они, кроме как в Ереване, нигде в Армении не смогут найти работу» [10].

Начальник Международной организации по миграции Уильям Свинг во время своего визита в Азербайджан, отвечая на вопрос о противоречии отмеченной политики, заявил, что не знает о переселении армян из Сирии на оккупированные Арменией территории Азербайджана [7].

6. Отношение и позиция исламских стран по вопросу мигрантов

Один из вопросов, высказанных в ходе дискуссии, звучал так: хотят ли или в состоянии ли экономически благополучные и богатые страны Ближнего Востока принять беженцев, мигрантов?

С 2011 года, с начала кризиса, тысячи мигрантов смогли переселиться в этот регион, потому что их семьи имели трудовые визы. В то же время эти цифры не могут быть сравнимы с сотнями тысяч мигрантов, которых Европа приняла или не хотела принять.

В законодательствах вышеуказанных государств нет положения о том, чтобы «беженцы» относились к категории лиц с особым статусом (даже если в международном праве у них статус «беженца»). Беженцы могут прибыть в эти страны с туристическими и трудовыми визами. В целом, большинство приезжающих рассматриваются как реальные или потенциальные трудовые мигранты. В государствах-членах Совета Сотрудничества арабских стран Персидского залива очень редко можно получить статус беженца. Там только «политическое убежище» находит свое правовое отражение в законодательстве. И это возможно только в случае «общественного интереса». Право предоставлять «политическое убежище» принадлежит исключительно амирам (высокопоставленным чиновникам). В этом отношении

статус беженца из Сирии, Йемена, Сомали и других стран не относится к «политическому» статусу.

Заодно следует также отметить, что десятки тысяч людей могут попасть в регион Персидского залива с трудовыми визами по «принципу гарантии», сформировавшемуся в миграционной политике в течение многих десятилетий. На первый взгляд, это может показаться странным, но есть причины негативного отношения к миграции. Во-первых, рост местного населения приводит к негативным демографическим тенденциям. Число иностранных граждан составляет в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) 76%, в Катаре – 74%, в Кувейте – 67%, в Саудовской Аравии – 25%, в Омане – 23%. Вторая причина обусловлена их вступлением в ряды радикалов, создающих нестабильность в этих странах [14].

Последние миграционные потоки привели к увеличению сирийской общины в Саудовской Аравии до полумиллиона и занятию третьего места после Египта и Йемена. С другой стороны, страны Совета Сотрудничества Персидского залива остаются главным донором в финансировании беженцев, которые укрылись в Турции, Ливане и Иордании.

Турция – одна из стран, наиболее подверженных потоку мигрантов с Ближнего Востока. В настоящее время их число превышает два миллиона. Европейский Союз, в течение десятка лет предотвращая вступление Турции в ЕС в качестве члена, сегодня выделяет миллиарды евро Турции, взявшей на себя ответственность проблемы, связанной с мигрантами.

Реджеп Т.Эрдоган в своей речи на 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 сентября 2014 года справедливо критиковал подход двойных стандартов западных стран к проблеме миграции: «Мы поддерживаем миллионы людей, покинувших Сирию за счет наших собственных средств. Получаем ли мы серьезную поддержку? К сожалению, нет. Посмотрите, богатые и могущественные европейские страны приняли только 130 тысяч сирийцев» [6].

Выводы

В конце XX – начале XXI века миграционные потоки стали одним из ключевых факторов геополитических и социальных преобразований, являясь составной частью современного политического процесса.

В течение десяти лет европейцы привыкли объяснять миграцию как показатель более высокого развития их стран, как торжество мировой экономической системы над географическими границами. В связи с этим, в международном общественном мнении превращение миграции в объект глобальной геополитической конкуренции до сих пор не осознавалось. Все государства в настоящее время стремятся не только контролировать свои границы, но и использовать огромные потоки людей в геостратегических целях. В связи с этим возникает новый вопрос: мож-

ГЕОПОЛИТИКА МИГРАЦИИ – В ЗЕРКАЛЕ МИГРАЦИОННОЙ ТРАГЕДИИ

но ли воспринимать происходящее как реванш, как преимущество географии над экономикой? Или это результат утраты своих позиций и крах «стратегии глобализации» государств-гегемонов, которые субъективно вмешиваются в объективный ход процесса глобализации [21]?

Новое геополитическое отражение глобальной миграции проявляется в следующих некоторых чертах: как результат преднамеренного вмешательства во внутренние дела суверенных государств она стала причиной гуманитарной катастрофы; разрушительные последствия деструктивных процессов в эпоху глобализации охватили все страны наподобие цепной реакции («эффект бумеранга»); как провал теории и практики либерального мультикультурализма, отсутствие какой-либо рациональной политики на данный момент в этой области и т.д. Все это еще раз свидетельствует о трансформации миграционной политики западных стран в геополитику. В определенном смысле, миграционные процессы являются ключевым фактором изменений в системе правления отдельных стран. Болезненные последствия технологии управляемого хаоса приобретают «эффект бумеранга», но в более тяжелых формах.

Итак, современная политика миграции в рамках геополитических интересов проявляется как траге-

дия мигрантов и гуманитарная катастрофа, что требует нахождения выхода из ситуации, с учётом опыта стран, сталкивающихся с такими проблемами, а также разработки механизмов регулирования этих процессов в кратчайшее время.

Однозначно ясно, что достижение положительных результатов в этом отношении, регулирование вынужденной миграции и возвращение беженцев в места своего проживания возможно лишь путем отказа от политики двойных стандартов.

Пример Азербайджана, столкнувшегося с катастрофой беженцев в 90-е годы XX века, может быть здесь очень полезным: во-первых, с точки зрения устранения причин проблемы, во-вторых, с точки зрения реализации политики государства относительно беженцев. Конечно, первое имеет жизненно важное значение в глобальной политической повестке дня.

Становится ясным, что если не будет поставлен конец главному бедствию – завоевательной политике, претензиям на территории суверенных государств и вмешательству во внутренние дела других стран, и что самое важное – если будет продолжаться и далее применение политики стандартов в урегулировании текущих конфликтов, тогда будущее мирового сообщества будет находиться под вопросом.

Литература:

1. Avropanın miqrant böhranı: Aİ daxilində cəbhələşmə. – <http://newtimes.az/az/organisations/3805>.
2. Mehdiyev, R. İkili standartların dünya nizamı və müasir Azərbaycan. – Bakı: „Şərq-Qərb” Nəşriyyat Evi, 2014. – 128 səh.
3. Məmmədov, N. Geosiyasətə giriş (iki cildə). I cild: Geosiyasətə giriş əsasları. – Bakı: „Azərbaycan” nəşriyyatı, 2011. – 576 s.; II cild: Müasir geosiyasi proseslər. – Bakı: „Azərbaycan” nəşriyyatı, 2011. – 416 s.
4. Brzezinski, Z. The Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostrategic Imperatives. – New York: Basic books, October 1997. – 240 p.
5. Deepa Fernandes. Targeted. Homeland Security and the Business of Immigration. – New York: Seven Stories press, 2007.
6. Erdoğan'dan BM'ye yeni sistem önerisi. Turkiyegazetesi.com.tr, 28 sentyabr.
7. Beynəlxalq Miqrasiya Təşkilatının rəhbəri Suriya ermənilərinin işğal olunmuş Azərbaycan torpaqlarına köçürülməsindən xəbərsizdir /03 sentyabr 2015. – <http://az.apa.az/news/395555>.
8. На работу – в ЕС. В Армении разрабатывается концепция циркулярной миграции. – <http://www.arminfo.am/index.cfm?objectid=67A40500-6C0B-11E4-92440EB7C0D21663>.
9. Мигранты: что делать Европе?. – <http://ru.euronews.com/2015/08/31/eu-migration-policy-long-on-diversity-short-on-unity/>.
10. Suriyalı qaçqınlar Laçında – video /8 aprel 2013/. – http://www.bbc.com/azeri/multimedia/2013/04/130408_syria_refugees_karabakh.
11. Mətbuat icmalı: Suriyalı erməni qaçqınları „hara yox oldu?”. – http://www.bbc.com/azeri/azerbaijan/2015/09/150910_media_review_09_10.
12. Millionaire Jason Buzi Wants To Create A New Country To House All The World's Refugees /27/07/2015/. – http://www.huffingtonpost.co.uk/2015/07/27/refugee-nation-country-for-refugees-jason-buzi_n_7877662.html.
13. Mediterranean Migrant Deaths, 2015. Hundreds of refugees have died while attempting passage this year. – <http://www.infoplease.com/world/statistics/migrant-deaths.html>.
14. В арабских странах Залива нет понятия „беженец”. Почему аравийские монархии неохотно принимают у себя беженцев из братских арабских стран /15.09.2015/. – <http://www.kommersant.ru/doc/2810862>.
15. Армения приняла 13 тыс. сирийских беженцев за три года / 20.06.2015/. – <http://www.mir24.tv/news/society/12802259>.
16. <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/migration>.
17. <http://pozneronline.ru/2015/04/11332/> - Interview of President Serzh Sargsyan.
18. Europe or Death. The Old World does not know how to stop the flood of migrant from Africa /19.05.2015/. – <http://regionplus.az/en/articles/view/4472>.
19. The Countries With The Most Refugees Per Capita / June 22nd, 2015. <http://www.statista.com/chart/3576/the-countries-with-the-most-refugees-per-capita/>.
20. The number of displaced people has reached a record high /June 22nd, 2015. <http://www.statista.com/chart/3577/displaced-people-reaches-record-high>.

Абдуллаев Фатали НАРИМАН

21. The Geopolitics of Immigration /Geopolitical Weekly/December 25, 2012. – https://www.stratfor.com/weekly/geopolitics_immigration.

22. Историческая месть бывших колоний: Европу разделяют мигранты /19 августа 2015/18:26/ Анна Балдина. – <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2654362&cid=9>.

23. Məmmədov, Novruz. Bu gün miqrasiya böhranı Avropanın aparıcı ölkələrinin siyasətinin nəticəsidir /08-09-2015. – http://www.yeniazerbaycan.com/SonXeber_e10124_az.html.

24. Duration of US Wars and Conflict /Sunday, March 18, 2012. – <http://wjmc.blogspot.com/2012/03/duration-of-us-wars-and-conflicts.html>.

25. James, A. Tyner. Oriental Bodies. Discourse and Discipline in U.S. Immigration Policy, 1875–1942. – New York: Lexington Books, 2006.

26. McCarthy, J. Armenian Terrorism: History as Poison and Antidote. International Terrorism and the Drug Connection. – Ankara: (Ankara University Press), 1984.

27. Ravenstein, E.G. The Laws of Migration Second Paper. – Journal of the Royal Statistical Society, 1889, vol. 52, p. 241-305.

28. Ravenstein, E.G. The Birthplace of the People and the Laws of Migration. – The Geographical Magazine, 1876, vol. 3, p. 173-177, 201-206, 229-233.

29. The USA PATRIOT Act: Preserving Life and Liberty (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism). – <http://www.justice.gov/archive/II/highlights.htm>

30. United Nations High Commission for Refugees, 2015 report.

31. Анохина, Е.С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция. – Томск: Вестник

Томского государственного университета. История, 2012, № 355, с. 51-54.

32. Гладкий, Ю.Н., Писаренко, С.В. «Геополитическая конструкция» и «геополитический потенциал» – основные понятия геополитики. – Москва: Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013, №154, с. 129-130.

33. Глухова, А. Социокультурный конфликт как фактор современного политического процесса. – ЛОГОС, 2005, № 4 (49), с. 204.

34. Волкова, Е.А. Геополитические аспекты глобализации. «Геополитическая теория и проблемы глобализации»: Материалы научного семинара. – Воронеж, 2005, с. 39-42.

35. «Международная миграция». Научная студенческая конференция. – Москва: МГИМО МИД России. – Москва, 2013, с. 3-4.

36. Нижников, С.А. Глобальные проблемы современности. Философия. Курс лекций: учебное пособие для вузов. – Москва: «Экзамен», 2006, 383с. – <http://www.ecad.ru, s.154-163>.

37. Показий, А.В. Теоретические аспекты происхождения и применения в современном обществе терминов «геополитика», «геоэкономика» и «геостратегия». – «Армия и общество», 2012, №1.

38. Рязанцев, С. «Глобализация по-китайски»: инвестиции, миграция, диаспора.– www.Intertrends.ru/thirtieth/Ryazantsev.pdf, s. 20-41.

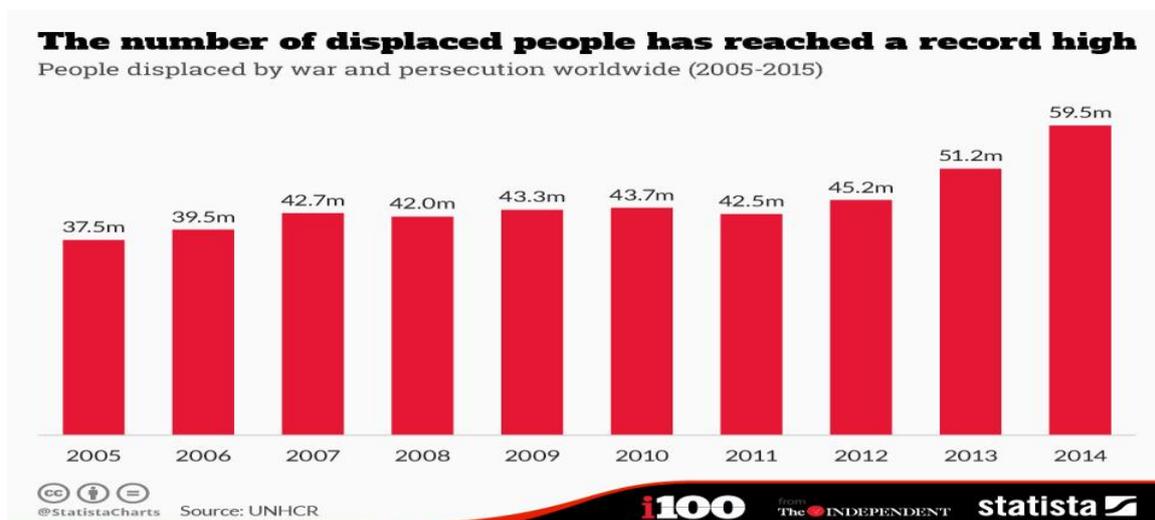
39. «Утечка мозгов» как глобальное явление. Причины и последствия. 2002–2014. – ИАА: Центр гуманитарных технологий, с. 72-83.

40. Эйвазов, Дж. От традиционного государства к постиндустриальному: о взаимосвязи геополитики и безопасности в эпоху глобализации. – Кавказ и глобализация, 2008, № 2, том 2, с. 16-17.

Приложение:

Таблица №1

Число беженцев и вынужденных переселенцев, впервые достигшее рекордного уровня после второй мировой войны

ГЕОПОЛИТИКА МИГРАЦИИ – В ЗЕРКАЛЕ МИГРАЦИОННОЙ ТРАГЕДИИ

Таблица №2

Страны происхождения, покинутые беженцами в 2014 году [30]

Страна	# # Беженцы
Сирия	3,9 млн
Афганистан	2,6 млн
Сомали	1,11 млн
Судан	666 000
Южный Судан	616 200
Демократическая Республика Конго	516 800
Мьянмар	479 000
Центральная Африканская Республика	412 000
Ирак	369 900
Эритрея	363 100

Таблица №3

Страны, разместившие наибольшее число беженцев в пересчете на душу населения

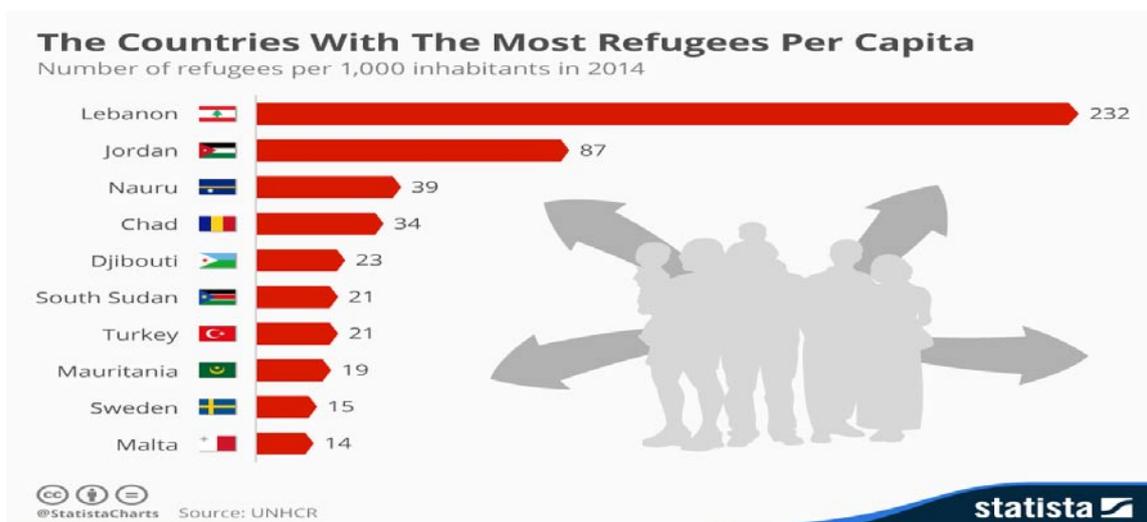
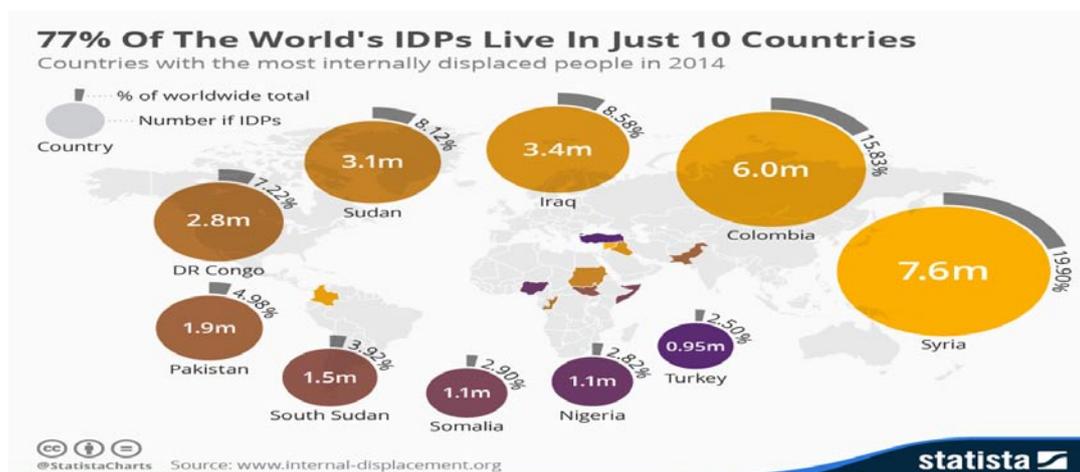

Таблица №4

Беженцы мира, проживающие в 10 странах

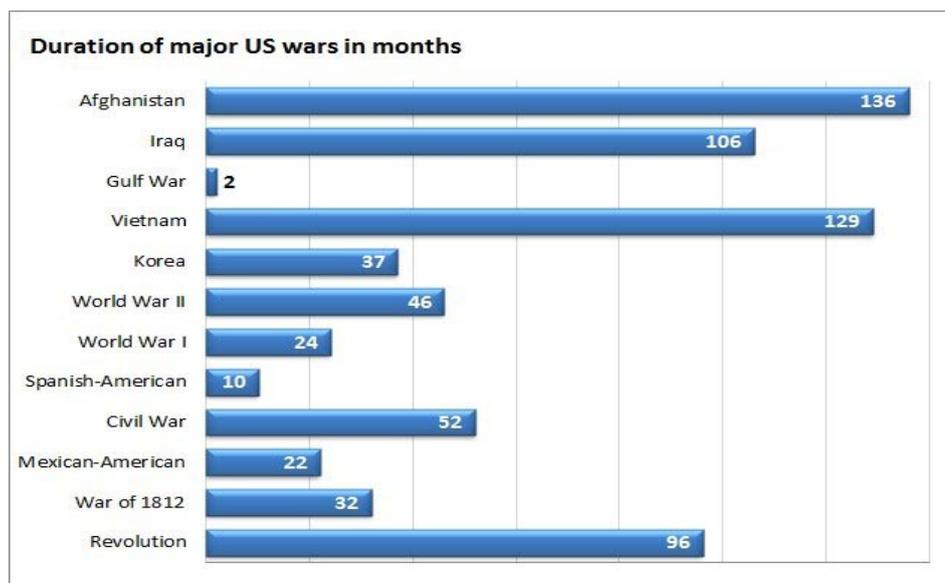
Абдуллаев Фатали НАРИМАН

Таблица №5

Сравнительное количество обращений в европейские страны о предоставлении убежища

Страна	Количество обращений с 2011 года	Количество обращений в четвертой четверти 2014 года	Количество обращений в первой четверти 2015 года
Германия	547,034	55,310	73,120
Франция	255,800	15,515	14,770
Швеция	228,601	19,370	11,415
Италия	155,536	21,285	15,245
Венгрия	129,203	27,925	32,810
Великобритания	125,139	8,155	7,355
Австрия	104,489	10,565	9,705
Швейцария	98,102	5,135	4,125
Бельгия	79,209	4,090	3,440
Греция	42,800	2,115	2,610

Таблица №6

Источник: <http://wjmc.blogspot.com/2012/03/duration-of-us-wars-and-conflicts.html>

Summary

The article analyzes the migration crisis, which is taking place in the Middle East and in Europe, as its causes and consequences in terms of interaction with the processes of geopolitical transformation.

The author suggests that these waves of migration stipulate the creation of geopolitical changes in the globalizing world.

The current research touches on the issues such as migration and humanitarian disaster in the 21st century, transformation of migration policy into global geopolitics, the role of geopolitical centers in the process of migration, attempts and measures of searching ways out of critical situation, „the echo of humanitarian catastrophe on Azerbaijan, the attitude and position of Islamic countries to migrant crisis, etc.

In conclusion, the author summarizes the research and stresses that if the application of politics of double standards continues, the migration crisis will become aggravated.

Keywords: International migration, geopolitics of migration, geostrategy, a humanitarian catastrophe, refugees, the Middle East, the European Union, migrants, transformation, politics.

Раджаб РАГИМЛИ,
доктор философии политических наук,
доцент,
руководитель Научно-организационного
отдела Академии государственного
управления при президенте
Азербайджанской Республики

ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

В современных условиях происходит качественное изменение способов и методов оценки эффективности всей системы государственного управления. Это обусловлено активизацией инновационной деятельности в системе государственного управления посредством формирования новых представлений и понятий, возникающих на стыке экономических и управленческих дисциплин, заимствования и соответствующей адаптации для нужд государственного управления инновационных инструментов управления сложными организационными структурами. В частности, инновационные методы оценки эффективности системы государственного управления ведут к повышению результативности функционирования всей системы государственного управления, к росту её инновационной восприимчивости.

Процессы, происходящие в мире, свидетельствуют о том, что уровень развития общества чреват проблемами, ожидающими своего эффективного разрешения. Совпадение начала нового тысячелетия с основательными преобразованиями как в сфере науки и технологии, так и в экономической и политической сферах, придают еще более отличительное значение трансформационным усилиям, имеющим место в этот период. В 1990-е годы, когда реформирование в сфере государственного управления, вызвавшее к жизни споры по поводу роли государства, стало одним из актуальных вопросов чуть ли ни во всех странах, в настоящее время оно сопровождается претворением в жизнь инновационных изменений. Государство вынуждено адаптироваться к изменяющимся и обновляющимся условиям. С этой точки зрения в период ускоренных и основательных изменений в области технологии, транспорта, связи и в других сферах, а также трансформаций, оставивших глубокий след на международной арене, – таких как изменение экономической и политической систем, вполне ожидаемо, что на повестке дня стоит проблема поиска инновационных реформ в области государственного управления. Одна из основных

причин, приведших к реформированию государственного управления, – это возрастание ожиданий со стороны граждан, пользующихся государственными услугами, финансируемыми посредством налогов. Граждане, будучи налогоплательщиками, требуют предоставления работы и качественных услуг. Стремительное развитие технологий, приведших к основательным изменениям работ и услуг в частном секторе, нацеленным на желания покупателей, привели к выступлениям граждан с теми же требованиями и в государственном секторе. Удовлетворение же этих потребностей способствует обеспечению эффективного государственного управления и поддержке в поисках инновационных реформ в области государственного управления со стороны общест-венности [7].

Фактор глобализации, поддерживающий изменение инновационного характера в государственном управлении, способствует, в свою очередь, повышению эффективности в этой области. Глобализация содействует перестройке системы государственного управления, возникновению новой государственно-управленческой мысли, выражаемой терминами „governance”, „good governance”, предусматривает ограничение государственного вмешательства во многие сферы. На самом деле процесс, названный нами глобализацией, – одно из основных условий установления власти транснациональных инвестиций над национальными государствами. Компонентами действенного управления выступают правительство, сформированное на законных основаниях, преимущество права, ответственность в предоставлении отчетности, прозрачность, рациональность и эффективность в процессе деятельности, сотрудничество с неправительственными организациями и частным сектором. Контроль за всеми перечисленными процессами осуществляется под предлогом поддержки различными методами реформ в сфере государственного управления такими международными организациями, как Всемирный банк, OECD,

Раджаб РАГИМЛИ

UNDP [6]. С точки зрения этого аспекта, отмечается полное отступление государства от ряда видов деятельности в связи с новым установлением роли государства, а также возникновение отличных позиций по соблюдению ответственности в некоторых сферах деятельности. В рамках этого подхода наблюдается повышенный интерес государства к политическим и стратегическим вопросам по сравнению с интересом к производственной, торговой деятельности и предоставлению прямых услуг. В конце XX века, после восстановления государственной независимости Азербайджана, началось претворение в жизнь важнейших действий в плане демократизации и государственного строительства. В этот период была создана законодательная база юридического, демократического и цивилизованного государства, усовершенствована структура соответствующих органов государственной власти, заново сформирована юридическая база государственной службы, возрождена экономика страны на основе новых отношений, а самое главное – была принята новая Конституция, отводящая огромную роль обеспечению прав и свобод человека. С первых лет независимости наша республика продолжает реформирование в направлении строительства национального государства соответственно принятым во всем мире системам демократического государственного управления. Основная цель проводимых реформ заключалась в формировании рациональной, гибкой системы государственного управления, в обеспечении прав и свобод человека и гражданина со стороны государства и в целом в ускорении процесса интеграции Азербайджана в мировое сообщество. С целью проведения коренных изменений в системе государственного управления, в соответствии с подписанным лидером государства Гейдаром Алиевым 29 декабря 1998 года Указом, была создана Государственная Комиссия по проведению реформ в государственном управлении Азербайджанской Республики. В Указе говорилось, что реформы в сферах демократизации и рыночных отношений должны повысить рациональность государственного управления, а также обеспечить юридическую базу для экономической деятельности, отвечающую международным стандартам. Государственная Комиссия по проведению реформ в государственном управлении в течение короткого срока подготовила проект концепции реформ системы государственного управления в Азербайджане. В проекте был предпринят анализ современного положения системы государственного управления Азербайджана, выявлены существующие недостатки и определены основные направления реформ системы государственного управления [5]. В этом проекте предусматривалось проведение реформ в четырех направлениях:

- реструктуризация системы управления государственными расходами;
- реформа аудиторской системы;
- реформа системы государственного управления;
- реформа юридической и судебной систем.

В 1996-1998 годах были приняты свыше 150 законов, сотни указов и распоряжений президента страны, а также другие нормативно-юридические акты, регулирующие процесс реализации экономических реформ. Все это создавало возможность для стабилизации экономического положения в стране и постепенного ускорения темпов его развития [3, с. 492]. Можно сказать, что в результате проведения реформ постепенно была создана система государственного управления, функционирующая на основе демократических принципов, и эта система дала толчок в направлении повышения благосостояния народа.

В Азербайджане в концепции реформирования системы государственного управления нашли свое отражение вопросы совершенствования этой системы. Особенно можно отметить указанные ниже направления проведенных в Азербайджане административных реформ: реструктуризация правительства; совершенствование системы рационального управления государственными ресурсами; создание условий для развития частного сектора; формирование системы профессиональной государственной службы; применение новых информационных технологий; претворение в жизнь процесса децентрализации и как продолжение этого – развитие института местного самоуправления; развитие гражданского общества; усиление судебной системы и обеспечение независимости; развитие здравоохранения, науки, культуры, народного хозяйства, а также ряда отраслей экономики; совершенствование системы социальной защиты населения; усиление борьбы с коррупцией и т.д. Одним из важных было принятие закона Азербайджанской Республики «О государственной службе» (21 июля 2000 года) и вступление его в силу 1 сентября 2001 года. В этом законе впервые в истории азербайджанской государственности даны определения таким понятиям, как государственная служба и государственный служащий, а также законодательно закреплены права и обязанности государственного служащего. Основываясь на этом законе, можно сказать, что обязанностями государственного служащего является служение государству и народу, оказание помощи в решении проблем граждан, использование всех знаний и умений для развития страны, так как государственный служащий играет роль посредника между политической властью и народом [8, с. 57].

В этом законе, наряду с предоставлением государственным служащим новых прав и обязанностей,

ЭФФЕКТИВНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

с улучшением их социальной защиты, предусматривается и их ответственность и указываются определенные ограничения. Из вышесказанного становится ясно, что для обеспечения эффективности реформ, проводимых в Азербайджане в социально-экономической и в других сферах, для успешного претворения в жизнь стратегии правильной трансформации, была сформирована основанная на демократических принципах динамичная и рациональная система государственного управления.

Между тем постоянное противостояние государства внешним и внутренним угрозам, желание максимально воспользоваться историческими шансами предопределяет необходимость рассмотрения новых концептуальных парадигм эффективного разрешения возникающих призывов в системе государственного управления. А это, посредством приостановления на рациональной основе процесса интеграции государственного и частного секторов, создает условия для их оптимизации.

Одной из основных проблем в рамках модели инновационного развития современного Азербайджана является также развитие человеческого капитала, что, в свою очередь, делает необходимым превращение «черного золота» в человеческий капитал на основе рационального использования ресурсов. Поэтому основными направлениями современной стратегии инновационного развития Азербайджана являются модернизация и инновационная экономика: как результат этого – поддержка научно-технических идей; производство продуктов научного значения, претворяемых в жизнь, устойчивое развитие, основывающееся на человеческом потенциале; подготовка национальной креативной элиты; создание системы управления в соответствии с инновациями. Современный этап развития нашей республики обусловлен рациональным использованием нефтяных доходов и эффективным управлением существующими материальными и нематериальными ресурсами. Приоритетной задачей является направление этих ресурсов на развитие человеческого капитала, преодоление функциональной безграмотности, управление знаниями и умениями в сфере управления человеческими ресурсами. В целом это служит человеческому развитию.

Претворяемые в жизнь в Азербайджане политические и социально-экономические реформы ускорили проведение в стране политики, влияющей на развитие человеческого капитала, в связи с чем были приняты ряд стратегий и государственных программ. Примерами может служить следующее: утверждение Концепции развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее», «Стратегия занятости Азер-

байджанской Республики» (2006-2015 гг.); «Государственная программа социально-экономического развития регионов Азербайджана на 2014-2018 гг.»; «Государственная программа по сокращению бедности и продолжительному развитию в Азербайджанской Республике на 2008-2015 гг.», «Государственная программа по надежному обеспечению продуктами продовольствия населения Азербайджана на 2008-2015 гг.»; «Национальная Стратегия научного развития в Азербайджанской Республике на 2009-2015 гг. и связанная с ее претворением в жизнь Государственная программа»; создание фонда научно-го развития при президенте; Государственная программа «Молодежь Азербайджана» на 2011-2015 гг. и мероприятия, проведенные в рамках этого документа; создание Фонда молодежи в 2012 году; «Национальный план действий по борьбе с коррупцией на 2012-2015 гг.»; «Национальный план действий по поощрению Открытого Правительства на 2012-2015 гг.»; создание и развитие «Электронного правительства»; создание Государственного Агентства по оказанию услуг гражданам и социальным инновациям при президенте Азербайджанской Республики (ASAN xidmet (служба)- Azerbaijan Service and Assessment Network) и др. Все это дает основание для утверждения, что во вступившем в качественно новый этап своего социально-экономического развития Азербайджане созданы благоприятные условия для повышения жизненного уровня населения, усиления социальной защиты, увеличения занятости. Как отметил президент страны Ильхам Алиев, в центре государственной политики находится гражданин Азербайджана, все усилия направлены на службу гражданину Азербайджана.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что реформы по обеспечению рациональной системы государственного управления и в настоящее время последовательно и успешно претворяются в жизнь, принимаются реальные меры для обеспечения рационального функционирования законов, регулирующих деятельность центральных органов власти и органов власти местного самоуправления. Именно в результате этого ускорился процесс экономического роста, проведения на территории всей страны политики, стимулирующей развитие человеческого капитала, рационального управления знаниями и умениями в сфере человеческих ресурсов. Следует также отметить, что реформы в области обеспечения рациональной системы государственного управления в Азербайджане успешно и последовательно претворяются в жизнь с применением инновационных методов управления.

Раджаб РАГИМЛИ

Литература:

1. Azərbaycan Respublikası Konstitusiyası. (Конституция Азербайджанской Республики). – Bakı: Hüquq ədəbiyyatı, 2014.
2. „Azərbaycan-2020: Gələcəyə Bahış” İnkişaf Konsepsiyasının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. (Указ Президента Азербайджанской Республики об утверждении концепции «Азербайджан-2020: взгляд в будущее»). – Bakı, 2012, 29 dekabr.
3. Dövlət idarəçilik nəzəriyyəsi. (Теория государственного управления). – Bakı: Elm və Təhsil, 2010.
4. Dövlət Qulluğu haqqında normativ hüquqi aktlar. (Нормативно-правовые акты о государственной службе). – Bakı: Qanun nəşriyyatı, 2014.
5. İsmayılov S. Azərbaycanda dövlət qulluğunun və idarəetmə sisteminin keçmişi, bu günü və perspektivləri. (Прошлое, настоящее и будущее системы управления государственной службы Азербайджана). – Bakı: Oğuz eli, 2013.
6. Kettl Donald F., Reinventing Government: A Fifth Year Report Card, Center for Public Management-The Brookings Institution. – Washington DC: Eylül, 1998.
7. OECD. Ministerial Symposium on the Future of Public Services, OECD. – Paris, 1996.
8. Rehimli, R. Azərbaycan Devlet Personel Yönetimi (Система государственной службы Азербайджана) Kültür Ajansı Yayınları. Ankara, 2011.
9. www.president.az
10. www.cabmin.gov.az
11. www.csc.gov.az
12. www.stat.gov.az
13. www.asan.gov.az

Summary

An application innovative methods to public administration is a key factor in improving performance efficiency of civil servants. The state is forced to adapt to the conditions of the rapidly changing and renewing world. Thus, during the period when the rapid and profound changes in many areas of technology, transport and communication, left a deep mark in the international political and economic arena, question about the searching for reform in public administration is on the agenda. From this viewpoint the realization of innovative changes in the system of public administration today is characterized as one of the important issues. Reforms conducted in the public administration system in the framework of an innovative development of Azerbaijan and influencing factors of these reforms in the period of globalization were investigated in this article.

Keywords: public administration, globalization, effective administration, functional unliteracy, efficiency in the service.

Зейнаб КАЗЫМОВА,

докторант Бакинского Славянского университета,
руководитель отдела связей с общественностью
Бакинской Высшей школы нефти

**ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФРАНЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО
КОНФЛИКТА
(по страницам французской прессы)**

Существенные системные изменения, произошедшие в международном сообществе в конце XX века, обусловили серьезные нововведения в жизни народов Южного Кавказа. Несмотря на то, что в ряду этих нововведений стоит такое важное событие, как образование трех независимых государств – Азербайджана, Грузии и Армении, хаос, сложившийся под воздействием экзогенных и эндогенных факторов, привел к появлению потенциальных конфликтных зон. Подобные углубляющиеся этнополитические конфликты столкнули не только регион, но и всю Евразию, с ксенофобией, политикой этнических чисток и геноцида. С этой точки зрения армяно-азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт представляет главную угрозу безопасности не только для Южного Кавказа, но и для Европы. Неразрешенный по сей день конфликт сохраняет свой накал, оказывая губительное воздействие на жизнь народов региона. «Консервирование» конфликтных зон на фоне существенных преобразований, происходящих на Южном Кавказе, не ограничивается лишь негативным воздействием на сложившуюся ситуацию, но играет решающую роль в отношениях заинтересованных государств. После введения режима прекращения огня между Азербайджаном и Арменией в мае 1994 года конфликт, постепенно выходя за рамки регионального, принял международный характер и начал играть важную роль в межгосударственных отношениях.

Не случайно, что силы – влиятельные международные организации и отдельные страны, обладающие реальными возможностями влияния на миротворческий процесс, подходят к данному процессу с позиции двойных стандартов, угрожая и оказывая различное давление на Азербайджан. Тем не менее, важно принимать во внимание влияние различных факторов в процессе урегулирования, но в любом случае конфликт должен быть разрешен на основе международного права.

Известные международные эксперты и стратегические научно-исследовательские центры Запада еще со времён Советского Союза проводили исследования и давали прогнозы о потенциальных конфликтных зонах в пространстве мирового социализма. Армяно-азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт также явился темой многочисленных исследований, в связи с которыми были оглашены объективные и субъективные мнения. Газета «Гардиан», издающаяся в Великобритании, следующим образом характеризовала ситуацию, сложившуюся в результате конфликта: «Не реально надеяться на то, что Азербайджан откажется от требований по восстановлению прежних границ и предоставлению Нагорному Карабаху статуса автономии только в составе Азербайджана. Таких шансов уже нет. Дело в том, что перспективы нефтяной стратегии Баку еще более усугубляют ситуацию. Один из западных дипломатов об этом пишет так: «В Азербайджане думают, что Армения и Карабах, опустившись на колени, будут умолять их. Это не тот случай. Узел завязан очень плотно» [21].

С расширением контуров конфликта стали четче проявляться новые интересы и участники инцидента, осложнился геополитический фон, в различных СМИ Запада начался более объективный анализ происходящих в регионе событий. Заявление директора Вашингтонского института Центральной Азии и Кавказа Ф.Старра по поводу того, что Карабахский вопрос остается не только армяно-азербайджанской проблемой, но и угрозой для всеевропейской безопасности, является показателем объективного отношения.

В частности, автор особо отметил: «...К сожалению, никто открыто не заявляет, что причиной отсутствия развития на Южном Кавказе является Нагорно-Карабахский конфликт, в связи с которым сложившаяся ситуация представляет большую угрозу. Если в этом вопросе не будет никаких достижений, ситуация еще больше обострится» [20, с. 62].

Зейнаб КАЗЫМОВА

Ф.Старр, посчитав деятельность посредников Минской группы ОБСЕ неудовлетворительной, отмечает: «Назначение Стивена Манна на должность нового американского сопредседателя может дать положительный толчок в процессе урегулирования. Мне кажется, что каждый из трех сопредседателей словно сговорились между собой об ограничении своей деятельности осуществлением только лишь устных договоренностей между странами, дачей международному сообществу информации о себе и ничего большего. Подобный подход вызывает смех. Если Россия 10 лет тому назад действительно намеревалась урегулировать этот конфликт, она бы это сделала. США в силу обстоятельств не могли открыто вступать в дискуссии с Россией. Однако сейчас ситуация изменилась, надо идти вперед» [20, с. 62].

Армяно-азербайджанский Нагорно-Карабахский конфликт изначально был в центре внимания французской печати, однако из-за некомпетентности лидеров Народного Фронта Азербайджана, находившихся в то время во главе правительства, а также в результате сильного влияния армянской диаспоры, французское правительство безоговорочно поддержало Армению.

Постепенное демонстрирование объективной позиции Франции по отношению к Нагорно-Карабахскому конфликту началось после возвращения к власти общенационального лидера Гейдара Алиева. В результате целенаправленных мер, принятых Гейдаром Алиевым в середине 1993 года, в стране была достигнута политическая и экономическая стабильность, был предотвращен государственный переворот и были предприняты важные шаги в направлении внешней политики. Достаточно подчеркнуть, что первой рабочей поездкой Г.Алиева как президента Азербайджанской Республики стал визит во Францию. Следует отметить, что с 1994 по 1997 г. Г.Алиев четырежды посетил эту страну. В частности, 8 мая 1995 года Г.Алиев побывал во Франции для участия в мероприятии, посвященном празднованию 50-летия победы над фашизмом; в декабре того же года он участвовал в конференции «Инвестиционные возможности Азербайджана», проходившей в Париже; 10-11 января 1996 года был на похоронах президента Франции Ф.Миттерана и, наконец, в 13-15 января 1997 года состоялся второй официальный визит Г.Алиева во Францию. Во время данного визита проходили переговоры между Г.Алиевым и представителями правительства Франции и французской общественности, в результате чего Франция основательно изменила свою позицию по отношению к Нагорно-Карабахскому конфликту [3, с. 1].

Следует отметить, что после переговоров, состоявшихся во время первого визита президента Азербайджанской Республики Г.Алиева во Францию, президент Ф. Миттеран в своем обращении к Г.Алиеву

отмечал: «...правда, что Франция является другом Армении, но это не значит, что она враг Азербайджана. Вы можете воспользоваться нашей дружбой с Арменией в целях урегулирования своих отношений с этой страной» [3, с. 2].

Данная позиция президента Франции стала предметом аналитических статей на страницах французской прессы, изменила общественное мнение по отношению к Азербайджану, а также препятствовала антиазербайджанской деятельности армянского лобби во Франции.

Результатом целенаправленной деятельности азербайджанской дипломатии стала статья, опубликованная в газете *Le Monde*, под названием «Г.Алиев проводит независимую политику в Азербайджане». В статье нашли свое отражение следующие слова Г.Алиева: «...Дело в том, что, в отличие от Армении и Грузии, в Азербайджане не находятся российские вооруженные силы. Это показатель того, что мы абсолютно независимы. На данный момент нет никакой необходимости в размещении русских военных на территории Азербайджана. Я считаю, что также нет необходимости их размещения в Армении и Грузии. Я не знаю, по какой причине Россия размещает там свои военные силы? Является алогичным, что Россия размещает свои военные силы в независимых государствах. Именно по этой причине я считаю это явление ненормальным» [3, с. 2].

Несмотря на первоначальную необъективную позицию французской прессы в отношении событий, происходивших на Южном Кавказе, Нагорно-Карабахский конфликт расценивался как фактор, отрицательно влияющий на развитие всего европейского пространства. Французские газеты, рассматривая статус-кво в нагорно-карабахском вопросе в качестве фактора, ведущего к снижению взаимных отношений как в самом регионе, так и между странами, принимали за серьезную угрозу нарушение прав человека и наличие значительного количества людей, ставших беженцами и вынужденными переселенцами. Позиция Франции в нагорно-карабахском вопросе основывается на 3 принципах: территориальная целостность Азербайджана, право народов на самоопределение и неприменение силы. Следует отметить, что по отношению к конфликтам соблюдение этих принципов на одном уровне считается неразумным.

В настоящее время мировому сообществу хорошо известно, что возникновение Нагорно-Карабахского конфликта, связанного с территориальными претензиями Армении, является логическим следствием политики депортации и геноцида против азербайджанского народа.

В течение последних двух столетий армяне дезинформировали мировую общественность, формируя ложное представление как о Нагорном Карабахе, так и об Азербайджане в целом, следствием чего стало

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФРАНЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

равнодушное отношение мировой общественности к необъявленной войне Армении против Азербайджана, в результате чего оккупированы исторически азербайджанские земли и грубо нарушены требования международного права. Не случайно, что голос истины Азербайджана, переживавшего тяжелые дни информационной блокады, не был услышан в Европе, а «правомерная деятельность многострадального армянского народа» полностью поддерживалась посредством регулярных поступлений в Армению военной, материальной, политической и экономической помощи.

Зарождавшаяся в сложный и противоречивый период борьбы азербайджанского народа за независимость национальная пресса Азербайджана сыграла важную роль в прорыве информационной блокады, сложившейся вокруг нашей республики.

Государственную независимость Азербайджан обрел, пережив политику геноцида, претворявшуюся в жизнь армянскими националистами против нашего народа, трагедию 20 января и Ходжалинскую трагедию, оккупацию земель, преодолев многочисленные препятствия и трагедии, создаваемые такими государствами, как Россия, Иран и др.

После принятия 18 октября 1991 года Конституционного акта «О государственной независимости Азербайджанской Республики», начался процесс признания независимости Азербайджана со стороны мировых держав и международных организаций. Франция признала независимость Азербайджана 3 января 1992 года, в то время как независимость Армении она признала сразу же, после чего были установлены дипломатические отношения на уровне посольств.

Национальная пресса Азербайджана, выражая протест против этой дискриминации, постепенно разрушила антиазербайджанские стереотипы, сформировавшиеся под воздействием русской и армянской печати, добилась доведения до сведения всего мира объективной информации о происходящих в регионе событиях. Известно, что Армения, оккупировавшая азербайджанские земли посредством российской военной поддержки, больше всего остерегалась Турции. Не случайно, что во французских средствах массовой информации, бывших в услужении армянского лобби, начали публиковаться аналитические статьи, направленные против Турции [22, с. 46-78].

Следует подчеркнуть, что в Турции, явившейся первой страной, признавшей государственную независимость Азербайджана, объективно расценивались события, происходившие на Южном Кавказе.

Создание на постсоветском пространстве влиятельного ареала, состоящего из тюркоязычных стран, турецкое правительство расценивало как расширение сферы влияния Анкары. Азербайджан, являющийся для Турции ближайшим партнером с культурно-

исторической и языковой точек зрения, обладал геополитической и географической значимостью.

Азербайджан, будучи «воротами» в Центральную Азию и поставщиком энергетических ресурсов на мировой рынок, должен был быть «ударной силой» Турции в создании турецко-исламского союза. Известный американский политолог З.Бжезинский отмечал: «Азербайджан был словно «пробкой», закрывающей проход к огромным энергетическим ресурсам Каспийского моря. Этот фактор в особенности играл значительную роль в международных отношениях» [18, с. 17].

В то же время Турция являлась надежным стратегическим партнером Азербайджана для выхода на Запад и приближения к США.

В различных СМИ Франции, и в частности, на страницах «Liberation», «Le Figaro», «Maten», «Tribuna», «Yumanite», «Avropa», «Proqress», «Uest Frans», «Parizyen» и др., нашли свой развернутый анализ такие вопросы, как причины и генезис армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта и его урегулирование на основе принципов международного права, интересы различных стран, а также Франции, геополитическая ситуация на Южном Кавказе, энергетические ресурсы Каспия и их роль в энергетическом обеспечении Европы.

Во французских газетах начала 1990-х годов публиковались статьи со сфальсифицированной армянской диаспорой информацией о событиях, происходивших в зоне конфликта. В этих статьях азербайджанский народ преподносился французской общественности как народ, оккупировавший Нагорный Карабах посредством советского режима. Это было тяжелым ударом, нанесенным по имиджу Азербайджанской Республики.

Следует отметить, что не только в 1992-1993 гг., но и в период режима прекращения огня, в СМИ Франции часто встречалась информация о том, что в зону Нагорно-Карабахского конфликта должна быть направлена делегация для подробного изучения происходивших там событий.

В результате сепаратистской террористической политики Армении против Азербайджана, наш народ подвергся таким тяжким преступлениям, как геноцид и депортация, была нарушена государственная граница, около миллиона азербайджанцев стали беженцами и вынужденными переселенцами, разрушены или искажены ценнейшие памятники истории и культуры, разграблены природные ресурсы, а оккупированные армянами азербайджанские земли превращены в «серую зону». Все эти факты уже признаются мировыми державами и международными организациями.

Преследуемая армянскими националистами стратегическая линия, направленная против тюркского мира, включает в себя все виды преступлений против человечества: геноцид и политику этнической

Зейнаб КАЗЫМОВА

чистки, депортации, шовинизм и национальную ненависть, вандализм, ксенофобию, торговлю людьми. Всем вышеперечисленным испытаниям подвергся азербайджанский народ в ходе необъявленной войны Армении против Азербайджана.

Отдельные эпизоды деятельности армянских дашнаков, претворявших в жизнь политику геноцида против азербайджанского народа, нашли свое отражение на страницах французской печати. Описание преступных деяний, совершенных армянскими националистами во время депортации азербайджанцев из Западного Азербайджана, вызывает ужас и неподвластно разуму. Так, например, кровожадные армяне замуровали заживо 72 ребенка в возрасте от 5 до 12 лет в газопровод диаметром 1,5 м и длиной 20 м, который был опущен в озеро Гейче (Севан). Французские спасатели, прибывшие в Армению в декабре 1988 года после землетрясения и ставшие свидетелями подобных преступлений, сразу же покинули эту страну. Армянское лобби потратило значительное количество материальных средств для искажения этих фактов, которые публиковались на страницах французской печати [17].

Постепенная «интернационализация» процесса урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта является невыгодной для Армении, поскольку способствует выявлению фактов, подтверждающих, что Армения является марионеточным государством и ведет агрессивную политику, что, в свою очередь, наносит удар по международному имиджу этой страны.

Азербайджан, в рамках проводимой целенаправленной внешней политики, отводит основную роль выявлению фактов, раскрывающих преступления против человечества, совершенные армянскими сепаратистами, для признания Армении в качестве государства-агрессора.

Выявление достоверных фактов армянского вандализма, контроль над оккупированной территорией, осуществляемый посредством спутниковой связи, и доведение полученных сведений до мировой обще-

ственности, а также их оглашение на различных саммитах и конференциях, обеспечивает Азербайджану дипломатическое преимущество.

В результате именно этой деятельности территориальная целостность Азербайджана нашла свое подтверждение в многочисленных международных документах, реализация принципов которых требовала разработки механизмов воздействия, что отмечалось во французских газетах *Tribuna*, *Yumanite* и *Авгора*.

В октябре 1996 года министр иностранных дел Франции Эрве де Шаретт прибыл с визитом в Азербайджан. После визита во французских СМИ были опубликованы аналитические статьи, передающие информацию об Азербайджане. В опубликованной в газете *Tribuna* статье «Министр иностранных дел Франции вновь в Баку» была помещена информация, раскрывающая цель данного визита и нагорно-карабахский вопрос.

Эрве де Шаретт, подчеркнув достижения в Азербайджане за столь короткий период в области политики и экономики, отметил: «...Сегодня Азербайджан является независимой, демократической европейской страной. Эта страна обладает геостратегической значимостью как в регионе, так и во всем мире» [9, с. 72].

Следует подчеркнуть, что подобное изменение отношения к Азербайджану в первую очередь явилось большим успехом национальной дипломатии страны.

В ходе этого визита были проведены переговоры, состоявшиеся с различными органами власти, где обсуждался Нагорно-Карабахский конфликт, в связи с чем Франция заявила о признании суверенитета и территориальной целостности Азербайджана и необходимости урегулирования данного конфликта на основе требований международного права. Это было ярким проявлением постепенного угасания влияния и давления армянского лобби на правительство Франции.

Литература:

1. Азербайджан является неотъемлемой частью Европы и строит с ней тесные связи. – Азербайджан, 1997, 14 февраля.
2. Поздравление Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева с национальным праздником Франции. – Азербайджан, 2000, 15 июля.
3. Архив Министерства иностранных дел Азербайджанской Республики. Справка за 1992-1997 гг.
4. Отношения между Азербайджаном и Францией могут обостриться. – <http://www.moderator.az/index.php>
5. Баку возмущен визитом «президента» «Нагорно-Карабаха» в Париж. – <http://www.contact.az/docs/2015/Politics/052000116572az.htm#.VfGrsdLtmko>
6. Байрамов, О. Официальное открытие основного экспортного нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан име-

ни Гейдара Алиева в центре внимания мировой прессы. – Азербайджан, 2006, 15 июля.

7. Джейхун, Абасов. Взаимоотношения России и Азербайджана и Нагорно-Карабахский конфликт. – http://525.az/site/?name=xeber&news_id=37482

8. Алиев, А. Влиятельная газета Франции «Le Figaro» написала о БТД. – Азербайджан, 2006, 19 июля.

9. Гасанов, А.М. Внешняя политика Азербайджана: европейские страны и США (1991-1996). – Баку: Азербайджан, 1998.

10. Гусейнова, Г. Азербайджан в системе европейской интеграции. – Баку: Военная типография, 1998; Ильхам Алиев выступил на открытии сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ. – <https://www.obyektiv.tv/index.php>

ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФРАНЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

11. Мамедов, Ф. Баку-Джейхан является основным гарантом стабильности на мировом нефтяном рынке: французская газета Liberation оценивает значимость этого нефтепровода. – Ики сахил, 2004, 17 августа.

12. Мубариз, Ахмедоглу. Франция может более достойно отказаться от сопредседательства в Минской группе ОБСЕ. – <http://www.karabakh.az/news/>

13. Карабах обсуждается. Общество гуманитарных исследований. – Баку, 2006.

14. Садыглы, Ф. Партнерство «Total» и Азербайджан будет долгим: инвестиции БТД. – Азербайджан, 2006, 9 августа.

15. В Страсбурге развеивается азербайджанский флаг. Панорама, 2001, 26 января.

16. Стокгольм был местом проведения очередного заседания. – Азербайджан, 1996, 19 июля.

17. Хроническое армянское заболевание – синдром убийства детей. – sia.az/.../158934-xroniki-ermeni-xesteliyi-usaq-aktual

18. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. – Москва, 1999.

19. Гулузаде, В. Среди врагов и друзей. – Баку: ОКА офсет, 2002.

20. Малышева, Д. Проблемы безопасности на Кавказе. Европейский центр по изучению вопросов безопасности Дж. Маршалла. ФС – 6303. 2004 г.

21. Ново-Огарево: Еще одна попытка остановить распад. – Литературная газета, 1991, 28 августа.

22. События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов.

Summary

The French settlement of the Nagorno-Karabakh conflict through the pages of the French press

At the end of the twentieth century, major changes occurred in the international arena and three independent states in the South Caucasus region – has led to the creation of states of Azerbaijan, Georgia and Armenia. But once the issue on the one hand, Moscow's deliberate „mistakes”, exogenous and endogenous factors on the other hand, started to create chaos in the areas of potential conflict in the region and led to numerous hot. Euroasian ethno-political conflicts, such as the deepening of xenophobia, ethnic cleansing and genocide, crimes that put face to face with this point of view, the Armenian-Azerbaijani Nagorno-Karabakh conflict not only in the region, is the main threat to the security of Europe has become the world's press, as well as the French media became the object of investigation.

The article are being investigated the Armenia-Azerbaijan, Nagorno-Karabakh conflict creation, genesis, the resolution of the international community, including France, as one of the co-chairs of the OSCE Minsk Group's activities using different French resources, as well as the media, internet materials.

Анна ЦАЦАНАШВИЛИ,
диссертант магистерской программы
«Предпринимательская деятельность и
администрирование»,
БМА (Латвия)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА АДРОННОЙ ТЕРАПИИ В ГРУЗИИ

В ноябре 2015 года Парламент Грузии в третьем слушании принял пакет законодательных актов «О Технологическом институте», являющихся правовой основой создания и функционирования научно-образовательного центра развития современных технологий вокруг мегапроекта адронной терапии.

В законе говорится, что Технологический институт преследует цель обеспечения эффективной модели интеграции науки и образования, создания современной научно-теоретической и экспериментальной базы, развития программ высшего образования и межотраслевых учебно-исследовательских программ, а также содействия подготовке высококвалифицированных научных кадров и развития инновационной экономики.

Исследовательский комплекс включает элементы теоретических исследований, образовательные программы, мощную экспериментальную базу (главным компонентом которой является адронный ускоритель) и современные методы лечения с использованием адронной терапии.

Этот проект, естественно, может выполнять одну из ведущих ролей в сотрудничестве Грузии с CERN и интеграции с другими международными структурами.

В связи с этим хотелось бы затронуть актуальные вопросы инвестирования в развитие инноваций в Грузии.

Большинство стран мира воспринимают исследования и инновации как фактор роста экономики и достижения устойчивости. Эксперты на презентации доклада исполнительного директора ЮНЕСКО по вопросам науки Флавия Шлегеля (Flavia Schlegel) 10 ноября 2015 г. в Париже [1] отметили несколько новых явлений, не замеченных ранее.

Во-первых, это впечатляющая роль университетов в мире, которые буквально стали глобальными институтами. Конкуренция за студентов и качество образования вывела университеты на небывалый уровень развития и влияния.

Во-вторых, наука, как и весь мир, захлебнулась в огромном количестве данных. Никогда еще столько данных не было доступно ученым, в чем не последнюю роль сыграли большие международные коллаборации и развитие гражданских исследований, но главное, конечно, – это информационные технологии.

Самое шокирующее открытие состоит в том, что мир стал больше инвестировать в исследования. Рост инвестиций составил 31% между 2007 и 2013 годом. Это даже больше, чем рост мирового ВВП за тот же период – 20%. Самая большая доля валовых внутренних расходов на исследования и разработки у США – 28%, за ними следует Китай (20%), затем ЕС (19%) и Япония (10%). Остальной мир хотя и составляет 67% мировой популяции, но вкладывает всего 23% в мировую науку [2].

За период независимости наука в Грузии пережила сильный кризис. В 1990 году затраты на науку в Грузии составляли 1,2 % ВВП, в 1995 году – 0,1 %, в 2003 году – 0,1 %. В последние годы ситуация резко изменилась к лучшему, этим активно занялось государство и бизнес, который мотивирован инвестировать в науку. Правительство Грузии и благотворительный фонд «Карту» в рамках осуществления проекта будут сотрудничать с Европейской организацией ядерных исследований (CERN), Национальным центром онкологической и адронной терапии (CNAO) Италии и итальянским Национальным институтом ядерной физики INFN.

Многолетняя международная практика подтверждает, что опыт тех стран, для которых приоритетной является инновационная промышленность достигли лидирующих позиций в области высоких технологий (напр. Финляндия, Германия, Италия, Швейцария). Первые акценты в этих странах состояли в развитии ресурсной базы научно-технологического комплекса, и несмотря на глубокий экономический кризис финансирование научно-технологического сектора с 1,1% ВВП выросло до 3%, а в некоторых случаях и более.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА АДРОННОЙ ТЕРАПИИ В ГРУЗИИ

Так, в Финляндии процесс научно-технологического оздоровления начался по инициативе премьер-министра. Исходя из важности вопроса относительно совместного развития проекта, частный сектор выразил поддержку правительству. Был создан Национальный фонд развития научных исследований и технологий SITRA, в котором доля частного сектора в научно-исследовательской и опытно-экспериментальной работе составила 60-70%.

Среди моделей теоретических и экспериментальных исследований в области современной физики (с применением ускорителя) авторы проекта посчитали итальянскую модель более эффективной для Грузии, так как она имеет двойную нагрузку. Синхротрон, который находится в итальянском городе Павия, в 2013 году начавший прием пациентов для лечения рака при помощи адронной терапии, является также и Исследовательским центром физики высоких энергий (CNAO).

Последние десятилетия отмечены интенсивным внедрением методов ядерной физики и наукоемких технологий в область медицины. Нашим учёным государство доверяет самые важные задачи: внедрение новой технологии в медицину в пользу социального домена (экономического роста и социальных благ). Такие центры существуют в Италии, Германии, Швейцарии и Японии.

Внедрение в Грузии таких полезных предложений основывается на «лидирующей» позиции высоких энергий и ядерной физики с перспективой последующего расширения мегапроекта.

Мегапроект располагает многосторонними нагрузками: 1) фундаментально-исследовательскими; 2) образовательными; 3) междисциплинарными; 4) медицинско-исследовательскими; 5) медицинско-лечебными; 6) социальными; 7) региональными.

Использование полученных результатов исследований возможно в таких сферах, как современная электроника, мощные компьютерные центры и их математическое обеспечение, космофизика, физика ядерных элементарных частиц, компьютерная томография (СТ), позитронно-эмиссионная томография (PET), геофизика, ядерная медицина, безопасность, дозиметрия и т.д.

Мегапроект создан по такому принципу, что после его завершения будут обеспечены условия для независимого продолжения проекта. Будут внедрены новые инновационные технологии и осуществлена их коммерциализация, что на сегодняшний день очень важно для реальной экономики и научно-технического прогресса страны. Именно на этом этапе необходимо выполнить точнейшие расчеты, чтобы результаты исследования могли быть использованы для экономического и социального развития Грузии.

Если проследить историю инвестиций в Грузии, станет ясным, что мегапроект является первым с точ-

ки зрения коммерциализации полученных результатов научно-экспериментальных исследований. Прямые иностранные инвестиции, осуществленные в Грузии с 2006 по 2014 год, составили всего 10 972.2 млн. долларов США. В 2014 году объем инвестиций составил 1 758,4 млн. долларов США, что на 86,7% больше по сравнению с данными за 2013 год. По предварительным данным, объем осуществленных в Грузии прямых иностранных инвестиций во 2-м квартале 2015 года составил 354.7 млн. долларов США, что является самым большим показателем после 2008 года и больше на 80.8% (158.5 млн. долларов США) по сравнению с уточненными показателями за 2-ой квартал 2014 года. Из всего объема иностранных инвестиций самая большая доля в течение двух лет пришлась на энергетический сектор: в 2013 году – 197 млн. долларов США, что составляет 21% от всего объема прямых иностранных инвестиций; в 2012 году – 179 млн. долларов США, то есть 19% от всего объема. Крупными получателями прямых иностранных инвестиций были промышленность, транспорт, коммуникации и финансы [3].

Стоимость мегапроекта на первом этапе составляет 210.767.360 евро, а для запуска всего комплекса необходимо 500 миллионов евро.

Мегапроект осуществляется при партнерстве бизнеса и государства. Основой этого партнерства является не только научный интерес и улучшение здравоохранения Грузии или переход на качественно новую ступень учебного направления, но и то, что осуществление мегапроекта является одним из важных векторов развития страны.

Необходимо отметить, что лишь увеличение финансирования не может быть гарантом эффективного развития науки и обеспечения конкурентоспособности Грузии. Для рационального реформирования научно-образовательного сектора, необходимо одновременное осуществление финансовых и организационно-системных преобразований с целью обеспечения менеджмента и маркетинга наукоемких технологий.

В научной литературе часто признают, что инвестиции в инновации и инновационную деятельность относятся к разряду высокорисковых вложений и поэтому требуют тщательного анализа на предмет спроса (целесообразности разработки продукта), а также необходимости создания продукта с точки зрения стоимости затрат на разработку, внедрение и запуск в производство, сроков окупаемости данных затрат при максимально возможной цене реализации исходя из эластичности спроса [4].

Для решения этих проблем наряду с обоснованием идеи необходим тщательно продуманный бизнес-план, который призван убедить всех в успешности мегапроекта.

Анна ЦАЦАНАШВИЛИ

Новые тенденции развития мирового инвестиционного процесса стали оказывать существенное влияние на формирование внешней по отношению к национальным экономикам среды, активно воздействовать на развитие национальных инвестиционных процессов.

Наиболее важными являются следующие тенденции:

1. Концентрация инвестиционных потоков на основных направлениях мирового технологического развития.

2. Рост инновационного характера капитала, обуславливающего структуру использования инвестиций.

3. Трансформация функций инвестиций.

Таким образом, развитие механизмов частно-государственного партнерства предполагает расширение использования лизинговых и концессионных механизмов, практики смешанного финансирования инвестиционных проектов и социальных программ, что делает наиболее перспективным широкое привлечение частного капитала для реализации проекта адронной терапии в Грузии. Привлечение прямых частных инвестиций поможет решить проблемы в тех отраслях, где особенно остро ощущается недостаток бюджетного финансирования. Принятие специального закона Грузии о создании и функционировании Технологического института позволяет значительно снизить риски, ускорить эффективность инновационного менеджмента в планировании строительства научно-исследовательского комплекса и ввода ускорителя в эксплуатацию.

Литература:

1. Доклад Исполнительного совета о его деятельности и выполнении программы. – <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002352/235210r.pdf>

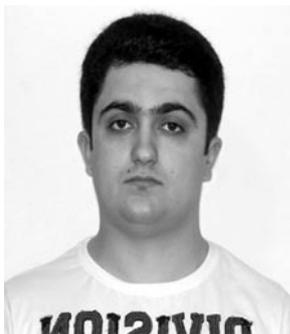
2. Доклад ЮНЕСКО: Наука в авангарде всемирного движения к устойчивому росту. – <http://e-news.com.ua/show/380595.html>

3. Данные Министерства экономики и устойчивого развития Грузии. – <http://www.economy.ge/ge/economic-sectors/foreign-direct-investments&type=print>

4. Махвиладзе, Р., Чоговадзе, Дж., Гоголадзе, И., Мchedlishvili, Д. Теория и анализ инвестиций. – Тбилиси: ТУГ, 2010.

Summary

Modern trends of investment in hadron therapy mega project in Georgia The article covers the trends of investment in hadron therapy mega project in Georgia. The issues of forming and functioning of the technological institute, as the organisational form of realising the mega project, are contemplated. Thereupon, the basics of forming new technology within the partnership of the state and business is argued.

Руслан АКПЕРОВ,
докторант Института философии и права
Национальной Академии наук Азербайджана

СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ – ЦЕЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Введение

Инновационная инфраструктура определяется как совокупность взаимосвязанных, взаимодополняющих производственно-технических систем, организаций, фирм и соответствующих организационно-управляющих систем, необходимых и достаточных для эффективного осуществления инновационной деятельности и реализации инноваций. В современных условиях инновационная инфраструктура во многом предопределяет темпы развития экономики и рост благосостояния населения.

Государство в лице специально уполномоченных органов формирует принципы, приоритеты и цели своей инновационной политики. Главной целью при этом является увеличение вклада науки и техники в развитие экономики страны, в том числе в решение проблем природно-техногенной безопасности и связанных с этим преобразований в сфере управления, материального производства, организации науки.

По общему мнению, широко применяемое в современном мире строительство электронного государства играет роль стратегического фактора для перехода к следующей более высокой ступени – к строительству инновационного общества, усовершенствованию инновационного потенциала общества и культуры управления.

Электронизация услуг, оказываемых государственными учреждениями населению, создает почву для формирования качественно новых отношений между государственными органами, административной бюрократией и гражданами. Переход к инновационным услугам имеет своим результатом обеспечение прозрачности, устранение случаев волокиты, сведение к

минимуму приводящей к потере времени живой связи между гражданами и государственными структурами. Социальные инновации считаются приоритетным средством в обеспечении продолжительного и устойчивого развития республики, усилении её интеллектуального потенциала, продвижении бизнеса, снижении бедности и безработицы, развитии прозрачности и демократии в обществе. С ростом масштаба инновационных услуг в социальной сфере и числа пользующихся ими граждан увеличивается и прозрачность.

К основным принципам и приоритетам государственной политики в сфере науки и инновационной деятельности относятся:

- свобода научного и научно-технического творчества;
- правовая охрана интеллектуальной собственности;
- интеграция научной, научно-технической деятельности и образования;

Руслан АКПЕРОВ

- поддержка конкуренции в сфере науки и техники;
- концентрация ресурсов на приоритетных направлениях научного развития;
- стимулирование деловой активности в научной, научно-технической и инновационной деятельности;
- развитие международного научного сотрудничества.

«По аналогии с транспортной инфраструктурой можно сказать, что инновационная инфраструктура – это все информационные, организационные, маркетинговые, образовательные и другие сети, которые помогают новой идее (как по «рельсам») добираться до своей практической реализации и находить своего потребителя» [20].

Основными приоритетными направлениями инновационной политики, осуществляемой государством на современном этапе развития нашей страны, являются:

1) деятельность по созданию, освоению и распространению техники и технологий, ведущим к кардинальным изменениям в технологическом базисе страны. Эта деятельность носит, как правило, межотраслевой характер и не может быть обеспечена при существующем монопродуктовом (отраслевом) принципе организации и планирования производства;

2) работы по крупным отраслевым научно-техническим проектам, требующие масштабной концентрации ресурсов, что не под силу отдельным предприятиям;

3) научно-техническое обеспечение мероприятий, направленных на реализацию социальных целей развития общества (посредством развития здравоохранения, образования, культуры, инфраструктуры, охраны окружающей среды);

4) направления НТП, обусловленные международным разделением труда и внешнеэкономической деятельностью государства.

Как и в развитых странах, в Азербайджане тоже осуществляется ряд мероприятий для перехода к инновационному типу экономического развития, от индустриализированного общества к основывающемуся на науке и знаниях постиндустриальному обществу. При этом, естественно, на первый план выдвигается инновационная политика государства, обеспечивающая применение высоких технологий в социальной сфере.

Осуществляемая нашим государством инновационная политика предусматривает создание необходимых условий для производства, распространения и применения новых знаний и технологий. Эта политика направлена в первую очередь на обеспечение социальной безопасности, замену традиционных административно-бюрократических методов новы-

ми технологиями, на реализацию всего возможного социально-инновационного потенциала страны и развитие наукоемкого общества и культуры.

В разделе «Основные вызовы современного периода» Концепции развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее» отмечается: «1. В условиях глобализации с расширением инновационной деятельности в качественно новой плоскости во всем мире немислимо ускоряются темпы изменения экономических и хозяйственных процессов, распространения инновационных новшеств, их применения в производственной сфере. На самом деле это является «положительно заряженным» эффектом глобализации, который постепенно дает все большему числу стран возможность использования достижений в области инноваций, передовых технических стандартов и новых методов управления. Развитие промышленности на основе инноваций станет возможным в результате усиления научного и технологического потенциала и расширения возможностей образования» [1].

В результате предпринимаемых президентом Ильхамом Алиевым в последние годы реформ, в республике созданы все условия, необходимые для развития инноваций как основного фактора производства. С целью расширения инновационной деятельности и ускорения темпов ее применения в ближайшем будущем, широко разрабатываются стимулирующие механизмы по всем направлениям инновационной политики [10].

1. Социальная инновационная политика: основные понятия и показатели

Все сферы общественной жизни, связанные с деятельностью человека, в конечном итоге характеризуются как социальная сфера. В современном мире мощь любого государства оценивается социальной жизнью его народа, уровнем его жизни и благосостояния. Социальная политика, являясь системой мероприятий, направленных на обеспечение уровня жизни населения, повышение его доходов, обеспечение занятости, усиление социальной защиты, осуществление гарантий в сфере здравоохранения, образования, культуры, составляет важную компоненту внутренней политики, тесно связанной с уровнем экономического развития любого государства.

Вообще, инновация (innovation) означает обновление. Впервые термин *инновация* вошел в научный оборот в работе Й. Шумпетера «Теория экономического развития» [14].

Инновации обладают толчковым значением в развитии человеческого общества. Переход от одного этапа развития к другому, возвышение отдельных стран до уровня мировых лидеров стало возможным именно благодаря инновациям. Известно также, что историческая смена являющихся пространством на-

СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ – ЦЕЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

уки и новшеств Восточной и Западной цивилизаций с точки зрения развития была обусловлена жизненно важным значением инноваций.

Отмеченные тенденции развития в период строительства современного общества, опирающегося на информацию и науку, превращают развитие всех видов инноваций, формирование национальной инновационной системы в судьбоносный вопрос. На передний план выступает социальная направленность инноваций, охватывающая непосредственное большинство общества.

Социальные инновации являются совокупностью трансформаций, способствующих обновлению и изменению способов деятельности, функций социальной системы, социальных структур и процессов прогрессивного развития. В результате инноваций сущность среды, культуры, социальных институтов, технологий в значительной степени подвергается изменениям, приобретая стратегические приоритеты.

Чувствительность различных сфер социальной жизни к новшествам, неравномерность с точки зрения временных параметров и темпов инноваций обуславливает их различное применение. В связи с этим отмечается, что формирующееся глобальное информационное общество добавило к существующим неравенствам еще одно – угрозы, возникающие в связи с отставанием в сфере строительства инновационного общества. «Сейчас мир, наряду с положительными изменениями, ведет борьбу с технологией, которая содержит новые угрозы» [19, с. 72].

С этой точки зрения, любое государство, думающее о своем будущем, удерживаем в центре внимания эти решающие факторы развития.

Несомненно, что социальные инновации также служат обеспечению национальной безопасности.

«Из-за того, что инновации как социально-экономическая категория обладают сложным характером, их изучение в качестве научно-

исследовательской сферы способствовало формированию нового научного направления под названием *инноватика*. *Инноватика* является областью науки, занимающейся исследованием превращения научных знаний, достижений, технологий в инновацию и проблем управления этим процессом превращения. Это научное направление содержит в себе определения и понятия, предложенные данными современными учеными в связи с содержанием инноватики. Эта область содержит в себе также обобщение различных объяснений практики развития инновационной деятельности в различных сферах человеческой деятельности. При анализе этого научного направления становится ясным, что инноватика, в основном, состоит из находящихся во взаимной связи и взаимно дополняющих друг друга двух частей. Первой составной частью инноватики является наука управления процессом превращения научных знаний и достижений в инновацию. Эта часть называется «теорией инновации». Вторая составная часть инноватики называется наукой управления эффективной организацией инновационной деятельности для повышения общего благосостояния человека, общества и государства и обеспечения безопасности личности. Эта часть обычно называется теорией управления инновацией, другими словами, инновационным менеджментом» [5].

Социальная инновационная политика – это осуществляемая государством многогранная деятельность, направленная на повышение уровня жизни населения, отражающая новые стратегии, концепции, идеи и организации, отвечающие различным типам социальных потребностей. Социальная инновационная политика основывается на единстве идей *строительства социального государства, социальной защиты и социальной справедливости* [17, с. 32].

В данном процессе полная реструктуризация социальной инфраструктуры осуществляется по следующим этапам:

- 1) анализ социальной среды;
- 2) подготовка программы и стратегии инноваций;
- 3) претворение их в жизнь;
- 4) оценка достигнутых результатов.

Социальные инновации, обладая сложным содержанием, могут исходить как из внутренних, так и из внешних источников, обладать явными и скрытыми, внутренними и внешними механизмами развития. Именно по этой причине различаются их целенаправленные, продуманные и спонтанные (невольные) формы. Члены общества могут являться как активными участниками инновационных процессов, так и сами этого не ощущая находиться под влиянием положительных или не расцениваемых как таковые новшеств.

Руслан АКПЕРОВ

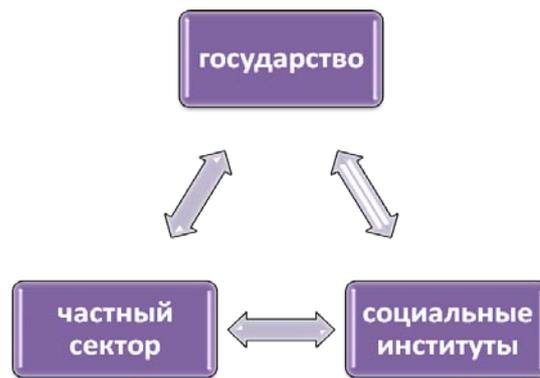
Таблица 1. Участие членов общества в инновационных процессах

Источник (цель)	Целенаправленные (явные) формы	Спонтанные (скрытые) формы
Внешний	Реформы, осуществляемые государством в обществе Прививание чужой(чуждой) массовой культуры (например, отдача предпочтения преподаванию не родного, а иностранного языка и т.д.)	Стереотипы поведения, образа жизни с источником из внешней среды, усваиваемые из различных стран путем манипуляций и подражания. Культурные контакты.
Внутренний	Новые целенаправленно пропагандируемые формы образцов социального поведения и образа жизни	Новые правила неформального поведения людей, моды, средств общения

В отличие от инноваций, происходящих в общественной жизни сами по себе, невольно, распространяясь в форме диффузии, предпринимаемые государством реформы осуществляется продуманно и целенаправленно, посредством определенных механизмов и средств. Точнее, их реализация на уровне всего общества носит принудительный характер.

В анализе социальной среды обязательно участвуют следующие важные структуры:

- государство как главный субъект организуемых социальных инноваций;
- социальные институты и структуры как субъекты инноваций;
- граждане как адресные потребители результатов инноваций;
- частный сектор [11, с. 79].

Для достижения определенных в указанных областях целей, осуществляется социальная инновационная политика, охватывающая нижеследующее:

1. Государство мобилизует все ресурсы, формирует соответствующую среду и совершенствует человеческий капитал, обеспечивает полномочия в области инновационных инициатив.

2. Возрастают инновационные полномочия социальных институтов.

3. Отдается предпочтение финансированию частного сектора с соблюдением принципа КСО – корпоративной социальной ответственности (CRS-Corporate Social Responsibility) [16, с. 116].

Формирование социальной инновационной среды становится возможным благодаря наличию многочисленных факторов [3, с. 109].

Таблица 2. Факторы социальной инновационной среды

Факторы	Характер	Показатели	Единицы измерения
1	2	3	4
Креативный потенциал	Формирование среды, дающей толчок к творчеству; генерация новых идей и инновационных проектов.	Изобретатели-новаторы. Инновационные организации. Социальные круги. Социальные движения. Творческие личности. Творческая среда.	Количество научных и образовательных учреждений. Количество новых технологий. Количество участников творческих объединений.
Мотивация	Заинтересованность социальных субъектов в реализации инновационных проектов и степень их привлекательности.	Существование необеспеченных услуг/потребностей. Уровень протестного настроения. Нацеливание в будущее (ожидания). Социальная нестабильность (социальная напряженность, противоречия, конфликты).	Число недовольных услугами граждан. Процент рекламаций, освещаемых в СМИ в связи с изменениями.

СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ – ЦЕЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

1	2	3	4
Деятельность	Степень применения инновационных проектов; активность социальных субъектов; наличие ресурсов.	Результаты реализации проектов в общественном мнении. Реализация проектов, направленных на изменение социальной среды.	Число людей, привлеченных к предоставлению инновационных услуг и к инновационному проекту. Расходы, необходимые для реализации изменений. Количество мероприятий, направленных на изменение и развитие социальной сферы.
Социальная рефлексия	Уровень осознания результатов применения инноваций; оценка степени управления рисками, инновационными процессами	Степень чувствительности общественного мнения. Управление рисками. Мониторинг.	Наличие мероприятий, посвященных обсуждению деятельности, связанной с принятием административного решения. Проведение общественных опросов, форумов и т.д.

При оценке результатов инноваций за основу берутся следующие критерии:

- положительная динамика качества и уровня жизни граждан;
- рост доверия народа к государственной власти и органам управления;
- рост динамической стабильности, значения места и роли страны в мировом социальном пространстве [19, с. 91].

Именно благодаря этим показателям определяется *итоговый социальный индекс инноваций* и, в соответствии с отмеченными ранее показателями, – *компоненты социально-инновационной модели государства*. К таким компонентам относятся следующие:

1. Деятельность государства, направленная на выполнение отраженных в Основном Законе конституционных положений о строительстве демократического социального государства, служащих обеспечению *условий для достойной жизни и свободного развития личности*;

2. Установление функций, механизмов и форм строительства инновационного общества.

Как уже отмечалось, социальные инновации – понятие многосоставное. Важным значением обладают направления, служащие прогрессу общества. С этой точки зрения анализируется вопрос о том, каким же критериям отвечают **социальные инновации**.

Критерии выбора социальных инноваций:

- Содействие сохранению целостности, единства взаимоотношений в социальной системе.
- Создание возможностей для эффективного сотрудничества социальных институтов, социальных групп, формирования идентичности и воспроизводства ценностей.
- Способствование повышению социального капитала как ресурса доверия и благонадежности.
- Влияние на возрастание положительного имиджа государства, на возможность формирования институтов гражданского общества, горизонтальных связей.
- Привнесение гармонии в отношения государство – гражданин.

В конечном счете, социальные инновации обеспечивают реализацию отраженных в Основном Законе положительных новшеств, обеспечивающих повышение качества жизни граждан.

Реализация социальной инновационной политики охватывает комплекс сложных факторов. С этой точки зрения существуют следующие уже проверенные показатели ее оценки:

- 1) количество привлеченных к процессу инновационных изменений и трансформаций акторов;
- 2) глубина изменений – масштаб привлечения различных областей (подсистем) в обществе;
- 3) ресурсы процесса изменений (информация, экономическое, административное управление и т.д.);
- 4) механизмы и средства распространения;
- 5) стимулирующие факторы;
- 6) факторы, создающие препятствия и сопротивление новшествам [17, с. 44].

Показателями в оценке результатов социальной инновационной политики служат социальная инфраструктура, сфера свободного времени, заработная плата, занятость, здравоохранение, образование, рост численности населения, жилищно-бытовые условия, состояние стабильности в стране, местное управление, социальные пособия, ожидания от будущего и другие показатели.

2. Модель социального инновационного общества: существующая международная практика

Мировая практика строительства инновационного общества доказывает, что помимо создания высокой технологической базы необходимо также реформирование системы управления с целью повышения качества и уровня жизни общества, обеспечение ситуации, при которой любой гражданин сможет ощутить преимущества новых технологий. Основой государственной политики в этой области является прежде всего усиление взаимосвязи между производителями и потребителями инновационного продукта, обеспечение участников инновационного процесса информацией, являющейся необходимым и важным условием продолжительного экономического развития.

Руслан АКПЕРОВ

«Международная практика показывает, что инновационная политика обладает систематическим характером. Еще в начале 90-х гг. с целью формирования направлений политики научного, промышленного и частично экономического и регионального развития, в целом инновационной среды, произошел процесс систематического обобщения единой инновационной политики. А в середине 90-х гг. механизм систематического формирования инновационной среды, можно сказать, был принят всеми странами Западной Европы и с целью распространения инновации были разработаны программы стимулирования инновационной деятельности. Известно, что сейчас Европейский Союз объединяет 28 стран, которые отличаются уровнем своего экономического развития, нормативно-правовой базой и политико-организационным устройством. Европейские инновационные процессы управляются Европейской Комиссией на основе подготовленной ею Европейской инновационной политики. Эта программа также охватывает инновационную политику регионального и национального уровня. Основа этого процесса была заложена Европейской Комиссией в 2000 году сразу после Лиссабонской встречи Европейского Совета» [12, с. 8].

Реализация социальных инноваций тесно связана со строительством электронного государства (е-государства).

Термин «электронное государство» является продуктом последнего времени и не имеет принятого всеми единого определения. Иногда этот термин путают с термином «электронное управление», и эти два термина используются вместо друг друга. Отметим, что управление, являясь более широкой концепцией, охватывает процесс принятия решений, отношения между должностными лицами правительства и общественностью.

Электронное управление является использованием правительством, гражданским обществом, политическими институтами ИКТ с целью поощрения участия граждан в управлении. Электронное правительство может рассматриваться как составная часть, подсистема электронного управления [3, с. 2].

Е-государство является важным средством обеспечения национальных инновационных систем (НИС) и эффективного управления. В последние годы большинство правительств пытаются увеличить открытость и прозрачность в своей деятельности этим путем. В предотвращении коррупции, являющейся главным препятствием экономическому развитию, самым эффективным и применяемым с недавнего времени средством является именно е-государство. Возникшая в XX веке идея е-государства, являющегося средством осуществления институциональных реформ, играет важную роль в обеспечении прозрачности.

В странах-лидерах в сфере развития инноваций и технологий (США, Германия и Япония) нынешние национальные инновационные системы полностью сформировались ещё в конце 1980-х гг. Сейчас эти страны прилагают большие усилия для создания дополнительных конкурентных преимуществ своих стран, что в долгосрочной перспективе требует создания в первую очередь прочных основ инновационного экономического развития.

У каждой страны сформировалась своеобразная модель НИС. Модель НИС США называют «рыночной моделью», модель НИС Германии – в основном интеграционной или же социальной моделью. При этом децентрализация и создание инфраструктуры связей бизнеса и науки является главной ее особенностью. Модель НИС Японии характеризуется как «корпоративная», так как промышленный сектор играет там роль решающего центра. Государственная инновационная политика максимально осуществляется централизованным образом. Главным средством в реализации инновационной стратегии остается форсайт-прогнозирование. В Китайской Народной Республике в данный момент НИС находится в процессе формирования. В действительности же основа стратегии ее развития была заложена еще в 1970-х. В стране уделяется большое внимание развитию технологии посредством развития кластеров и привлечения иностранных инвестиций.

Социальные инновации в эпоху глобализации тесно связаны со строительством электронного государства и информационного общества. На современном этапе в большинстве стран мира подготавливаются и осуществляются международные и национальные программы в направлении перехода к информационному обществу, а также электронному правительству. В литературе различают три главных модели этого перехода. Условное их название: 1) континентально-европейская; 2) англо-американская; 3) азиатская модель [15].

Континентально-европейская модель характеризуется существованием сверхнациональных институтов (Европейский Парламент, Европейская Комиссия, Европейский Суд). Эта модель отличается принудительностью исполнения всех соответствующих рекомендаций всеми странами Европейского Союза; высокой степенью интеграции европейских народов и государств; жестким законодательством, регулирующим информационные отношения и информационные потоки, циркулирующие в европейском информационном пространстве.

Англо-американская модель развилась в США, Канаде и Великобритании. В США главная цель направлена на создание информационных супермагистралей, дающих возможность обеспечить граждан универсальной услугой по предоставлению информации относительно проблем государственного управления.

СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ – ЦЕЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

В США, например, уже реализована инфраструктура интернет-услуг, откуда любой пользователь интернета может задавать свои вопросы напрямую руководителям государственных структур и высокопоставленным чиновникам своей страны. Общение происходит в режиме реального времени (онлайн) и поэтому посетителям сайта предоставляется возможность немедленно получить ответ на вопрос «Спроси у Белого Дома».

В Великобритании была принята программа «Электронные граждане, электронный бизнес, электронное правительство. Стратегическая концепция обслуживания общества в информационную эпоху».

Азиатская модель «е-государства» опирается на специфический стиль управления, азиатский тип корпоративной культуры и многослойную систему государственного управления, организованного по принципу иерархической пирамиды. Основные усилия направлены на обеспечение информационных потребностей населения, гражданской удовлетворенности посредством развития электронной коммуникации и формирования в рамках всей страны единой информационной сферы.

3. От строительства е-государства к созданию социальной инновационной системы – азербайджанская реальность

В независимом Азербайджане строительство национального демократического государства продолжается в процессе непрерывно осуществляемых реформ. На начавшееся в последние годы строительство инновационного общества тоже нужно смотреть именно в контексте этих непрерывных процессов.

Если говорить в целом, то служащие развитию государственности реформы, вне зависимости от того, в какой сфере или с какой целью они реализуются, постоянно обладают инновационным наполнением, целиком входя в жизнь общества в форме инноваций.

Согласно концепции развития «Азербайджан – 2020: взгляд в будущее», одной из целей государства является обеспечение населения высокотехнологичными продуктами и услугами посредством осуществления социальной инновационной политики. В Указе президента Азербайджанской Республики от 29 декабря 2012 года «Об утверждении концепции развития „Азербайджан – 2020: взгляд в будущее”» строительство инновационного общества отмечено как одна из основных целей [1].

Реформирование системы государственного управления предусматривает создание последовательно совершенствующихся механизмов государственного управления, что существенно способствует реализации государственной власти и возрастанию ее эффективности, углублению взаимодействия с местным самоуправлением. Качественное совершенствование системы государственного управления

оказывает положительное влияние и на реформы, осуществляемые в других сферах, особенно на продвижение экономических реформ, при которых государственное регулирование и контроль имеют большое значение.

Социальные инновации являются одним из приоритетных направлений организации и управления Национальной инновационной системы, одной из решающих составных частей инновационной инфраструктуры.

«ASAN хидмет» (Azerbaijan Service and Assessment Network), с момента создания которого прошло очень мало времени, – одна из великолепных среди прочих социальных инноваций. Созданное по личной инициативе главы государства Государственное Агентство по оказанию услуг гражданам и социальным инновациям смогло подняться не только до уровня модели государственной службы Азербайджана в XXI веке, но и до уровня привлекательного образца в области социальных инноваций для стран мира.

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев в своем интервью информационному порталу «Neugore.eu» отметил: «Мы строим современное сильное государство. Одной из наших главных целей является создание сильной экономики, основанной на инновациях, и мы непрерывно движемся вперед в этом направлении. Преимущество осуществляемой Азербайджаном экономической политики в том, что вся деятельность строится исходя из реальных возможностей страны, самых лучших международных практик и специальных программ. Деятельность «АСАН хидмет» является большой опорой в нашей работе в этом направлении. «АСАН хидмет» является азербайджанским продуктом, изобретением Азербайджана, и не исключено, что другие страны также воспользуются этим примером. Я считаю, что создание «АСАН хидмет» сыграет свою роль не только в сфере общественных услуг, но и в целом в будущем успешном современном развитии нашей страны» [4].

Таким образом, одним из важных мероприятий в модернизации государственного управления, увеличении прозрачности и формировании нового стиля в управлении явилось создание по Указу президента от 13 июля 2012 года Государственного Агентства по оказанию услуг гражданам и социальным инновациям при президенте Азербайджанской Республики. «Агентство было создано ввиду необходимости увеличения прозрачности в государственных органах, предоставления гражданам более качественных услуг, в удобной, новой форме и с применением современных технологий, соблюдения в отношении граждан этических правил и обеспечения гражданской удовлетворенности. Создание Агентства имеет важное значение для развития отношений «гражданин–государственный служащий», формирования нового

Руслан АКПЕРОВ

образа мышления и стиля деятельности должностных лиц» [9].

Указом президента Азербайджанской Республики от 11 февраля 2014 года было увеличено количество

услуг, оказываемых центрами «АСАН хидмет», а также количество функциональных вспомогательных услуг: гражданам было предоставлено свыше 130 видов услуг.

Основные статистические показатели о деятельности центров «АСАН хидмет» (2013-2014) [6]

№	Xidmət mərkəzləri	Müraciətlərin Statistikası							
		Fəaliyyətdə olduğu günlərin sayı	Müraciətlərin ümumi sayı	Xidmət göstərilib				Müraciətlərin orta gündəlik sayı (son aya əsasən)	Müraciətlərin təmin olunma dərəcəsi (son aya əsasən)
				Cəmi	Sənəd qəbulu	Hazır sənəd	İnformasiya xidməti		
1	1 sayılı Bakı "ASAN xidmət" mərkəzi	673	827 027	775 168	280 656	430 268	64 244	1 421	93,7%
2	2 sayılı Bakı "ASAN xidmət" mərkəzi	540	763 565	719 429	254 640	389 999	74 790	1 432	94,2%
3	3 sayılı Bakı "ASAN xidmət" mərkəzi	435	523 008	496 787	180 128	263 369	53 290	1 382	95,0%
4	4 sayılı Bakı "ASAN xidmət" mərkəzi	223	293 779	279 897	99 983	141 616	38 298	1 419	95,3%
5	Sumqayıt "ASAN xidmət" mərkəzi	563	587 099	548 488	191 691	294 154	62 643	1 308	93,4%
6	Gəncə "ASAN xidmət" mərkəzi	348	491 001	433 912	155 932	229 588	48 392	1 607	88,4%
CƏMI			3 485 479	3 253 681	1 163 030	1 748 994	341 657	8 569	93,3%

Одним из важнейших, не осознанных еще полностью средств «АСАН хидмет» является превращение Агентства в прямом смысле слова в Центр, в генератор социальных инноваций в Азербайджане, знаменующий вклад Азербайджана в строительство регионального и глобального инновационного общества. Это доказывается тем фактом, что на базе Агентства для ведения постоянной работы в этом направлении в 2012 году создан и действует «Банк идей», а в 2014 году – «Центр инноваций». «Центр инноваций» был создан для проведения исследований, связанных с социально направленными инновациями, для использования и применения инновационных решений со стороны государственных органов и бизнес-организаций [7].

В мире ощущается большой интерес к «АСАН хидмет», являющемуся азербайджанским брендом, сумевшим привлечь к себе достаточно внимания. Согласно проведенному в 2014 году глобальной консалтинговой и аудиторской компанией «Pricewaterhouse Coopers» (PwC) в 18 крупных городах мира исследованию под названием «Сравнительный анализ центра по оказанию государственных и муниципальных услуг» установлено, что лишь в некоторых городах мира граждане могут получить любой документ свободно и без потерь времени. В ходе исследования учитывались оперативность, прозрачность, вежливость, ответственность, контроль за правилами эти-

ческого поведения, а также четыре критерия оценки (доступность услуг, удобство, управление очередями, обратная связь). Центр «АСАН хидмет» вошел в первую тройку в мире.

26 июня 2015 года на проходившей в городе Медельин, в Колумбии, церемонии награждения со стороны Организации Объединенных Наций победителей в области предоставления государственных услуг «АСАН хидмет» был удостоен первого места и награжден специальным призом и дипломом в категории «Усовершенствование предоставления государственных услуг». Посредством форума модель «АСАН хидмет» успешно рекламировалась для применения в различных странах мира [6].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что за последние десять лет сформировалась азербайджанская модель социальной инновационной политики. Наше государство держит в центре внимания подготовку законодательно-правовых основ инноваций. Принят закон «О государственной поддержке и регулировании инновационной деятельности в Азербайджанской Республике». В Национальной Академии наук Азербайджана действует Центр научных инноваций.

На основе НИС Азербайджана подготовлена «Программа формирования и развития Национальной инновационной системы Азербайджанской Рес-

СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ – ЦЕЛЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

публики». Стратегическую цель этой программы составляет формирование социально направленной экономики, основывающейся на инновациях, создающей условия для экономного использования ресурсов, обладающей высоким научным содержанием, обеспечивающей производство товаров, способных конкурировать на мировом рынке, ведущей к устойчивому социально-экономическому развитию и создающей условия для улучшения благосостояния народа.

Заключение

Происходящая на современном этапе информационная революция проникла во все сферы жизни общества, изменила его сущность. Доступность информации для всех создаёт управлению как новые возможности, так и проблемы. Отчетность правительства и доверие правительству основывается на доступности общественной информации. Использование ИКТ привнесло инновации в общественную жизнь и резко изменило услуги, бизнес-модели и ожидания населения, связанные качеством и эффективностью в сфере получения информации.

В настоящее время ИКТ охватывают уже все сферы жизни человека – образование, управление, работу и т.д. Однако ИКТ не распространены в мире в равной степени. Тем самым ИКТ добавили к существующим неравенствам также угрозы, связанные с отставанием в сфере строительства инновационного общества: «Сейчас мир, наряду с положительными изменениями, ведет борьбу с технологией, которая содержит новые угрозы» [4, с. 1]. С этой точки зрения

социальные инновации служат также обеспечению национальной безопасности. Строительство социального государства основывается на единстве идей социальной защиты и социальной справедливости, обеспечиваемых социально-политической системой страны.

Усиление институционального потенциала с точки зрения достижения целей, предусмотренных в рамках концепции развития «Азербайджан – 2020: взгляд в будущее», включает три основных направления: развитие человеческих ресурсов в государственном секторе, расширение деятельности «электронного правительства», продолжение институциональных реформ («АСАН хидмет» ведет работу в соответствии со всеми тремя направлениями концепции). В соответствии с такими важными составляющими демократического и прозрачного управления, как принципы равенства, объективности и открытости, будут повышаться возможности доступа граждан к распространяемой со стороны государства информации; ряд услуг в государственном секторе будет передан частным предприятиям, специализирующимся в этой сфере. В соответствии с концепцией, продолжатся комплексные меры по усовершенствованию методов и механизмов управления в государственных органах, простому, легкому и свободному пользованию гражданами и организациями услугами; увеличивается количество государственных услуг, предоставляемых общественности посредством электронных каналов.

Литература:

1. „Azərbaycan – 2020: gələcəyə baxış” İnkişaf Konsepsiyası. Azərbaycan Respublikası Prezidentinin 2012-ci il 29 dekabr tarixli Fərman ilə təsdiq edilmişdir. – http://www.president.az/files/future_az.pdf
2. Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Vətəndaşlara Xidmət və Sosial İnnovasiyalar üzrə Dövlət Agentliyi haqqında Əsasnamə. Azərbaycan Respublikası Prezidentinin 2012-ci il 5 sentyabr tarixli Fərmanı ilə təsdiq edilmişdir / 05 sentyabr 2012/. – <http://president.az/articles/5716>
3. Chesbrough, H. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. – Harvard Business School Press, 2003.
4. Avropanın „Neurope.eu” informasiya portalında İlham Əliyevlə müsahibə dərc olunmuşdur: „Azərbaycan: Yenidən güclü regional mərkəz” /01 iyul 2014/. – <http://www.president.az/articles/12247>
5. Əliyev, Ə. İnformasiya iqtisadiyyatı şəraitində innovasiya nəzəriyyəsinin formalaşması istiqamətləri. – <http://rabitadunyasi.info.az/News/?lang=az&newsId=781//>
6. „ASAN xidmət” BMT-nin mükafatı ilə təltif edildi /27 iyun 2015/. – <http://www.asan.gov.az/az/content/view/249/2644#.Vg6CVPntlBd>
7. <http://www.icenter.az> - İnnovasiyalar Mərkəzinin rəsmi internet səhifəsi
8. <http://www.newpoliteconomy.org/publications/articles/150.pdf>
9. Hüseynova, N. İdarəetmədə müasir islahatların əsas istiqamətləri: şəffaflıq, asan xidmət, vətəndaş məmnunluğu. – <http://asan.gov.az/az/content/view/265/2374#.VguMnPntmko>
10. Mehdiyev, R. Gələcəyin strategiyasını müəyyənləyirəkən: modernləşmə xətti. – Bakı: „Şərq-Qərb”, 2008. – 216 s.
11. Murray, R., Caulier-Grice, J, Mulgan, G. The Open Book Of Social Innovation, 2010. – 224 p.
12. Musayev, A. İnnovasiya siyasəti: Avropa Birliyi təcrübəsi və Azərbaycan şəraitinə adaptasiya imkanları. Azərbaycan vergi jurnalı, 2010, №5. – <http://vergijurnali.az/upload/File/art-96.pdf>
13. PwC: Centers for government services in Baku – one of the best in the world//eport.az/en/sosial-security/

Руслан АКПЕРОВ

pwc-centers-for-government-services-in-baku-one-of-the-best-in-the-world/

14. Schumpeter, Joseph A. The Theory of Economic Development. An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle, 1934. – 255 p.

15. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. – New York, 2014. – http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Comp_lete_Survey-2014.pdf

16. Дудченко, В.С. Основы инновационной методологии. – Москва: ВНИИСИ, 1996.

17. Козлов, Г. Инновации: путь в высшее общество. – Поиск, 1997, № 46.

18. Колосов, В.Г. Введение в инноватику. – СПб: Изд-во СПбГПУ, 2002.

19. Рюгемер, В. Новая техника – старое общество: Кремниевая долина, 1988. – 254 с.

20. www.rae.ru/monographs/112-3774

Summary

The article deals with the historical and social background, as well as, and experiences of the formation of social innovation in the modern era.

According to the author, describes, that there are taken some measurements were taken for development of the European societies in EU, and for creating in of the unique innovation area for, acceleration of innovative and research activity.

The political leadership of Azerbaijan has created all necessary conditions for the implementation and deployment of innovative activity.

On the one hand, social innovations constitute an integral part of the development of non-oil sector. On the other hand, social innovation in the synthesis of management technologies contributes to emerging and developing democratic environment and the social dialogue between government and society.

The author analyzes the experience of social innovation policies of Azerbaijan and leads presents comparative examples of distinguishing the success of the a national model.

Турхан Сулейман РАГУФ,
докторант Бакинского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

«Ваше превосходительство, не разрешайте поселение армян на центральных русских землях. Они из такого племени, что, прожив несколько десятков лет, начнут кричать на весь мир, что это земля наших отцов и предков».

А.С. Грибоедов. Из письма русскому императору

Созданная на исторических землях Азербайджана под давлением великих держав пресловутая Армянская Республика в конце XX века приступила к образованию «второго армянского государства». Во время первой Карабахской войны армяне, при помощи российской военной техники и личного состава, нарушив нормы международного права и территориальную целостность Азербайджана, во второй раз захватили определенную часть его территории. В первую очередь отметим: обращая внимание на корни армяно-азербайджанского конфликта, который на данный момент ввиду деструктивного потенциала является опасным, можно констатировать, что наружу выступают субъективные факторы. В соответствии с результатами, полученными в ходе предпринятого нами исследования, попытаемся проанализировать причины конфликта, искусственно созданного в регионе против Азербайджана. Сегодня эти причины играют важную роль в четком понимании конфликта. По нашему мнению, причинами армяно-азербайджанского конфликта являются приводимые нами далее факты:

➤ **Геостратегическое положение Карабаха и точка пересечения интересов великих держав.**

Если с геополитической точки зрения обратить внимание на территорию и границы Карабаха, то сегодня можно увидеть причины искусственно созданного конфликта. Расположенный в центре исторических земель Азербайджана Карабах по ряду показателей обладает важным геостратегическим значением. Выгодное географическое положение, неповторимая флора и фауна, плодородная земля, пригодная как для земледелия, так и для животноводства, полезные ископаемые и т.д. по сравнению с другими регионами выдвигают Карабах на первый план.

Карабах расположен в регионе, где пересекаются

интересы трех соседних государств, не раз сказавших свое слово в истории мировой политики, и этот фактор сыграл важную роль в политической жизни данной территории. Исторически Карабах был ареной борьбы между царской Россией, Ираном времен Каджаров и Османской империей. Следует отметить, что по религиозно-этническому признаку эта территория была близка к Ирану времён Каджаров и Османской империи, и, чтобы лишить их социальной опоры в Карабахе, царская Россия предпринимала планомерные массовые репрессии против тюрко-мусульманского населения [6, с. 8-7].

С другой стороны, расположенность территории Карабаха в географически важной зоне позволяла ему держать под контролем все соседние регионы. Эта причина всегда играла не последнюю роль во внешней политике региональных государств.

Как отмечалось, государство, владеющее Карабахом, наряду с Южным Кавказом может контролировать бассейн Каспия, что позволяет непосредственно влиять на мировую энергетическую политику. Кроме того Карабах позволяет сосредоточить в своих руках возможность контролировать и определять географию энергетических проектов предназначенных для транспортировки углеводородных ресурсов Центрально-Азиатского региона, бассейна Каспия, а также Азербайджана. Важность данного фактора еще раз подтвердили современные исторические события и энергетические проекты мирового значения. Так, например, определение маршрута прокладки трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан в рамках проекта «Контракт Века», было осуществлено после длительных обсуждений в связи с Карабахской проблемой. В результате участники проекта были вынуждены проложить трубопровод приблизительно в 15 км от линии фронта [10, с. 14].

Турхан Сулейман РАГУФ

Однако интересно и то, что Россия, как и любое другое государство, имеющее свои интересы в регионе, хочет взять под свой полный контроль Транскавказский коридор, так как этот вопрос наряду с политическими имеет также экономические причины. Политические причины состоят в том, что Турция и страны Запада, для того чтобы контролировать коридор, будут стараться закрепиться в регионе. Это, в свою очередь, противоречит традиционной политике Ирана и России на Южном Кавказе. Что касается экономических причин, то надо отметить, что западные компании посредством Транскавказского коридора транспортируют в Европу углеводородные ресурсы региона, который в свое время был под контролем СССР. Этот вопрос затрагивает экономические интересы России как на Южном Кавказе, так и в европейской энергетической политике. Вышеупомянутые вопросы являются основными факторами, непосредственно формирующими политику России в отношении Азербайджана, в том числе и Карабаха, так как географическое положение Карабаха позволяет ей контролировать южно-кавказскую часть Транскавказского коридора. Для России самым оптимальным способом контроля над коридором является присвоение Карабаха.

➤ *Нереализованность географии большого Азербайджана в едином политическом пространстве.*

Как известно, географическое пространство Азербайджана приблизительно составляет 410 тыс. кв.км. Если в качестве границы брать реку Аракс, то на севере территория будет охватывать 130 тыс. кв.км, а на юге 280 тыс.кв.км. В период после правления Сефевидов эти земли никогда не входили в единое политическое пространство и не управлялись из единого центра. Это, в свою очередь, часто способствовало вторжениям извне и приводило к весьма тяжелым для Азербайджана последствиям. Карабах обладал самой важной геостратегической позицией в центре этих земель и это всегда привлекало к нему внимание.

Длительное время на этих землях существовали мелкие государства-ханства, и отсутствие между ними единой оборонительной и внешней политики приводило временами к их уничтожению. Следует отметить, что только Азербайджанская Демократическая Республика, впервые создав свое государство в 1918 году на части этих земель площадью 114 тыс. кв.км., ввела географическое понятие «Азербайджан» в политический обиход. На фоне этих событий Российская империя, которая воспользовалась слабой системой управления в регионе, и армяне, способные использовать ситуацию в свою пользу, начали периодически проводить в Карабахе политику сепаратизма.

➤ *Политика реализации идеи «Великой Армении от моря до моря».*

Используя в географическом и политическом смысле эту терминологию, армяне всегда стремились реализовать свою мечту о создании единого «Армянского государства» на землях, расположенных между Средиземным, Черным и Каспийским морями. В наши дни, согласно Армянской революционной федерации, Великая Армения включает нижеследующие территории: Армения, Восточное Черноморье, Восточная Анатолия, Карабах, Нахичевань и Джавахетия (Ахысха).

➤ *Проводимая в регионе, в том числе Карабахе, демографическая политика и целенаправленное переселение армян на земли Азербайджана.*

Говоря об армяно-азербайджанском конфликте, связанном с нагорной частью Карабаха, следует остановиться на политике переселения царизма, то есть на расселении армян в Азербайджане. Армяне, считающие себя редким этносом, были переселены в Азербайджан позднее. Исторические факты подтверждают, что до XIX века армяне не проживали компактно не то что в Азербайджане, но даже на Кавказе. Их переселение на Южный Кавказ всегда служило политическим интересам Российской империи. В первую очередь, Российская империя всегда остерегалась существования на ее южных рубежах тюрко-мусульманского Азербайджана. Современные исторические события показали, насколько обоснованными были опасения русских (в 1918 году – создание АДР и в 1991 году – восстановление независимости). Вторая причина состояла в том, что созданная на штыках империя, с целью продления своего существования и для подавления периодически вспыхивающих восстаний и бунтов, сеяла смуту на своих окраинах между национальными меньшинствами, стремясь тем самым отвлечь внимание от насущных проблем. Русские в определенные исторические периоды успешно применяли политику «разделяй и властвуй» на Южном Кавказе между местным мусульманским населением – азербайджанцами, и пришлым армянским населением на религиозной и этнической почве. В XIX веке события, в которые была вовлечена Российская империя (русско-турецкая, русско-иранская войны), требовали от северного соседа Азербайджана усиления позиций в регионе. Готовились планы по реализации идеи переселения армян с целью демографического баланса на Кавказе в пользу христианского населения.

В исторических документах, затрагивающих эти вопросы, приведены важные факты, подтверждающие массовое переселение армян в Карабах в начале XVIII века. Так, например, в 80-х годах XVIII века на передний план выступает использование правительством Екатерины II «армянской карты» для осуществления захватнической политики на Южном Кавказе.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Суворов А.В., Потемкин Г.А. и Потемкин П.С. сыграли активную роль в создании армянского государства на Кавказе. Главнокомандующий по делам Кавказа Потемкин Г.А. стремился к свержению законного правительства и созданию новой системы в Карабахе. В его приказе, датированном 6 сентября 1782 года, особо отмечается «...свержение Ибрагим хана Шушинского и создание в Карабахе независимой армянской области под покровительством России» [5, с. 160]. Не ограничившись этим распоряжением, год спустя, в 1783 году, Г.А. Потемкин продолжает свою деятельность, связанную с «армянским вопросом». В изданной в 1967 году в Армении книге «Армяно-русские отношения в XVIII веке» упоминается письмо Г.А. Потемкина от 19 мая 1783 года Екатерине II. В письме отмечается, что при появлении возможности следует передать Карабах под контроль армянам и решить тем самым все вопросы, связанные с созданием в Азии христианского государства [3].

26 мая 1805 года между правителем Карабахского ханства Ибрагим Халил ханом и главнокомандующим русскими войсками на Кавказе князем Цициановым был заключен Кюрекчайский мирный договор, который фактически узаконил распад Карабаха. Кстати, при анализе текста договора становится ясным, кто являлся истинным владельцем Карабаха, что особо подчеркивается в каждом пункте. Так, например, в тексте договора несколько раз встречаются высказывания «...Я уроженец Шуши и хан Карабаха Ибрагим Халил хан от своего имени, также от имени своих наследников и подданных...», что в очередной раз доказывает этническую принадлежность Карабахского правительства и подданных к азербайджанцам.

Отметим, что в отчете, отправленном царю сразу после завоевания Карабаха, генерал Цицианов подчеркивал геостратегическую значимость Карабаха и рассматривал его с географической точки зрения в качестве ворот в Анатолию, Иран и Азербайджан. Для того чтобы изменить этническую ситуацию в Карабахе в пользу России, он советовал царю поселить среди мусульман христианские элементы, то есть армян.

Этот период, когда решались судьбоносные и сложные проблемы нашей истории, запомнился целым рядом серьезных несправедливых решений против Азербайджана. Как было упомянуто, уже с начала XIX века началась практическая реализация переселения армян, в особенности в Карабах. Затрагивая эту тему, шведский исследователь Сванте Корнель писал, что согласно переписи населения в России в 1823 году армяне составляли 9% из общего населения Карабаха (остальные 91% были зарегистрированы как мусульмане). В 1832 году – 35%, а уже в 1880 году они составляли большинство – 53% [9, с. 54]. В результате анализа статистической информации явствует, как периодически менялась демографическая

ситуация в пользу армян. Назовём причины данных изменений.

В результате второй русско-иранской войны в 1828 году между сторонами был заключен Туркменчайский мирный договор, узаконивший раздел Азербайджана на две части. 15 статья Туркменчайского договора, полностью разделившего Азербайджан между двумя государствами, создавала правовую основу для свободного перемещения армян, проживавших в Иране севернее Аракса. Чтобы осмыслить результаты этой статьи, непосредственно противоречащие интересам Азербайджана, необходимо ознакомиться с книгой С.Н. Глинки, изданной в 1835 году в Москве под названием «Описание переселения азербайджанских армян в пределы России». В период с 26 февраля по 11 июня 1828 года, то есть за три с половиной месяца из Ирана в Карабах, в Иревань и Нахичевань было переселено 8249 армянских семей, или как минимум 40 тысяч армян. Согласно 13-й статье Адрианопольского мирного договора, заключенного в 1829 году между Османской и Российской империями, на территорию вышеупомянутых ханств в течение нескольких лет было переселено еще 90 тысяч армянских семей.

Необходимо отметить, что в некоторых исторических фактах отчетливо отражено, как русские исследователи и сами армяне признают переселение армян в этот период в Карабах, то есть признают то, что они являются пришлым народом. Русский автор Н.Шавров в 1911 году писал: «Из 1 миллиона 300 тысяч армян, на данный момент проживающих в Закавказье, свыше одного миллиона являются переселенными нами, а не местным населением». «Их в основном поселили на плодородных землях Елизаветпольской и Иреванской губерний, где армяне составляли меньшинство. Этих армян расселили на берегах озера Гейча и нагорной части (Нагорный Карабах) Елизаветпольской губернии» [8, с. 31]. Возведение памятника в 1978 году в селе Маргушева Агдеринского района в честь 150-летия переселения армян в Карабах (согласно Туркменчайскому договору от 1828 года) и высказывания Зори Балаяна в его книге «Очаг» о том, что «если бы не было Туркменчайского договора 1828 года, если бы не Грибоедов и Абовян, если бы не русские солдаты, то не было бы тех сотен новосозданных армянских очагов, которые сегодня превратились в современные деревни и города... Только за последнее десятилетие (60-70-е годы) на Родину переселились свыше 200 тысяч армян», еще раз подтверждают политику переселения.

➤ *Проведение в разные периоды на Южном Кавказе политики «этнической чистки» против азербайджанцев.*

С созданием в 1890 году в Тифлисе организации «Дашнаксутун» армянские националисты приступили к операциям массового уничтожения азербайджанцев.

Турхан Сулейман РАГУФ

жанского населения на всей территории Кавказа. В ходе двух таких актов уничтожения, произошедших в Закавказье в 1905-1907 и 1918-1920 годах, армянами было убито и изгнано из своих домов около двух миллионов азербайджанцев.

После окончания второй мировой войны, основываясь на ходатайстве правительства Армении, правительство СССР в ноябре 1945 года приняло решение о переселении армян, проживавших за границей, в Советскую Армению. В 1946-1948 годах в Армении было поселено 100 тысяч армян.

Ссылаясь на трудности, связанные с расселением армян, переселенных из-за границы, армянское правительство обратилось к Иосифу Сталину с предложением переселить в Азербайджанскую ССР азербайджанское население, проживавшее в Армении. На основании принятого решения №4083 Совета Министров СССР от 27 декабря 1947 года, в 1948-1953 годах 144654 азербайджанцев были принудительно переселены из Армении [4].

После событий в городе Сумгаите в феврале 1988 года, осуществленных армянами и Комитетом государственной безопасности СССР, свыше 250 тысяч азербайджанцев, проживавших в Армении, террором и угрозами со стороны армянских националистов были изгнаны из родных земель.

В ночь с 25 на 26 февраля 1992 года армянские вооруженные отряды на территории Нагорного Карабаха при помощи дислоцируемого в Ханкенди 366 мотострелкового полка бывшего СССР и под руководством начальника штаба «Сепаратистских сил Нагорного Карабаха» Аркади Томасяна, министра обороны Сержа Саркисяна (нынешний президент Армении), бывшего руководителя Армении Роберта Кочаряна и других армянских лидеров совершили преступление – геноцид против азербайджанцев и тюрков Ахысха в городе Ходжалы. Во время захвата Ходжалы 613 мирных жителей, в том числе 63 ребенка, 106 женщин, 70 стариков из-за того, что являлись только лишь азербайджанцами, были подвергнуты пыткам и убиты с особой жестокостью.

➤ *Проведение на территории Азербайджана, в том числе в Карабахе, политико-административных изменений сепаратистского толка и создание искусственной области.*

Логическим результатом процессов, происходивших на Южном Кавказе в начале XX века, стал переход одной части западного Азербайджана в подчинение армян. Интересы региональных держав требовали создания армянского государства на Южном Кавказе. Одной из главных причин создания армянского государства в Азербайджане являлось нижеследующее: разделить географически тюркский мир; предотвращая идеи «Туранизма», сдерживать интеграционные процессы между тюркскими государствами. Завладев с 1920 года Зангезурской областью Азербайджана,

армяне в 1921 году намеревались присоединить нагорную часть Карабаха к искусственно созданной Армении.

В связи с этой проблемой прежде всего надо отметить, что до установления Советской власти в Азербайджане не было такого понятия, как «Нагорный Карабах». При изучении истории Карабаха становится ясно, что эти земли всегда обозначались единым топонимом. По географическому рельефу территория Карабаха состоит из низменной и нагорной части. До 1920-х годов никогда прежде низменные и нагорные части Карабаха не упоминались в отдельности в качестве географически-политического пространства. Понятие «Нагорный Карабах» является продуктом более позднего времени. Армяне, при помощи русских, дали это название одной части Карабаха в целях реализации своих сепаратистских планов. Эта реальность нашла также свое отражение в науке. Например, кавказовед А.М. Скибитский в своей статье «Кавказский кризис» писал: «Вся нагорная часть Карабахского ханства в то время называлась Нагорным Карабахом. В эту территорию на востоке входили Карабахский горный хребет, на западе Зангезур, а также Карабахская равнина, разделяющая Верхний и Нижний Карабах» [7, с. 51].

Термин «Нагорный Карабах» как географическое понятие, относящееся к нагорной части Карабаха, начал формироваться с окончания первой мировой войны и предполагал конкретное политическое значение [11]. Об этом в исторических источниках существует довольно много научных фактов. Например, бывший полномочный представитель комитета стран Закавказья в Нагорном Карабахе С.Шадунс писал, что ещё до установления в Карабахе Мусаватской власти туда со стороны органов турецкой власти был назначен генерал-губернатор Карабаха и именно в этот момент появляется термин «Нагорный Карабах», выработанный дашнаками.

Как было отмечено, уже с окончанием первой мировой войны армяне стали пользоваться демографической ситуацией, сложившейся в их пользу в нагорной части Карабаха. Установление советской власти в регионе послужило им стимулом для вынесения Карабахской проблемы на повестку дня.

Армяне, пользуясь сложившейся ситуацией, выступали с предложением присоединения Карабаха к Армении. Они подчеркивали, что во время установления советской власти Карабах принудительно был передан Азербайджану и необходимо ликвидировать эту «историческую ошибку». Однако следует отметить, что среди армян было много разногласий в вопросе присоединения Карабаха к Армении. Примечательно обратить внимание на высказывания Анастаса Микояна о Карабахских событиях, изложенные им в адресованных Ленину тезисах «О проблеме Карабаха». Микоян отмечал: «Дашнаки, агенты армянского

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

правительства добиваются присоединения Карабаха к Армении. Однако для населения Карабаха это означало бы лишение источника жизни в Баку и обретение связей с Иреваном, с которым доселе не имели отношений. Армянские сельчане на пятом съезде приняли решение присоединиться к Азербайджану» [8, с. 34]. На пленуме Кавбюро в июне 1921 года А.М. Назаретян проголосовал за оставление Карабаха в составе Азербайджана, а довольный этим решением армянский лидер Карабаха Серо Мануцян сказал, что акт автономии в составе Азербайджана был единогласно встречен армянскими сельчанами.

Начиная с 1919 года армяне старались всегда держать Карабахскую проблему на повестке дня. В результате 7 июля 1923 года Центральный Исполнительный Комитет Азербайджанских Советов издал декрет «О создании Нагорно-Карабахской автономной области». Отметим, что в декрете, состоящем из преамбулы, четырех пунктов и заключения, необходимость создания автономной области не обосновывалась вескими причинами. При анализе первого пункта наружу всплывает довольно абсурдный и противоречивый момент. Так, например, фраза в первом пункте декрета «Создать на части Нагорного Карабаха, преимущественно населенного армянами, автономную область как составную часть АССР, с центром в Ханкенди» с правовой и политической точек зрения является довольно некорректной. Во-первых, как выше нами было отмечено, на данной территории никогда не было такого административного региона, как «Нагорный Карабах». Во-вторых, фраза «на части Нагорного Карабаха, где проживают армяне», также противоречит международному праву. Потому что если в каком-либо регионе (здесь Нагорный Карабах) создается система самоуправления, то необходимо учесть права всего населения, проживающего в данном регионе. Уже из первого пункта становится ясно, что от инициативы создания автономной области на части Нагорного Карабаха, где проживает армянское население, веет сепаратизмом.

С другой стороны, создание Нагорно-Карабахской автономной области не вызвано ни историко-географическими, ни социальными причинами. Наоборот, реализация этого акта являлась следствием субъективных причин и кроме обеспечения национальных интересов армян и русского правительства не опиралась ни на какие научные принципы. С созданием Нагорно-Карабахской автономной области был воплощён принцип объединения под единым управлением территорий в нагорной части Карабаха, населенного армянами. В нагорной части с учетом деревень, где большинство составляло армянское население, были определены границы нагорной области. Например, надо отметить, что в связи с изменением административного подчинения, село Агдабан Кельбаджарского района и село Йухары Вейсялли

Физулинского района были включены в пределы автономной области. В решении комиссии, подготавливавшей Устав Нагорно-Карабахской автономной области, было отмечено, что 170 населенных пунктов были переданы в подчинение автономной области, а в информации Центрального Статистического Управления Азербайджана, датируемой 1924 годом, отмечалось, что более 200 населенных пунктов были переданы в подчинение автономной области [11]. Когда создавалась НКАО, её территория составляла 4160,5 кв.км. А это охватывало лишь одну часть историко-географического Карабаха. Впоследствии эти цифры благодаря новым населенным пунктам были доведены до 4,4 тыс. кв.км.

Процесс создания автономной области, как одна из главных причин конфликта в будущем, непосредственно предопределил развитие событий. Создав при помощи своих покровителей Нагорно-Карабахскую автономную область, дашнаки тем самым заложили основы сепаратизма и стремление к захвату дополнительных территорий. Ввиду этого события Карабах, исторически всегда являвшийся азербайджанской землей, стал Нагорным Карабахом с преимущественным армянским населением, превратившись в маленький регион. Начиная с 1923 года этот регион оставался в центре внимания. И начиная с 1923 года во всех сферах стал употребляться термин Нагорный Карабах, чтобы добиться его признания как самостоятельного понятия. Сейчас можно сказать, что это было достигнуто.

На фоне имевших место событий, прежде чем говорить о правовых аспектах конфликта, связанного с нагорной частью Карабаха, необходимо упомянуть некоторые моменты статуса данной территории с правовой точки зрения. В период СССР непосредственной границы территории НКАО с Арменией не было. Необходимо указать, что и после распада СССР НКАО с международно-правовой точки зрения оставалась в составе Азербайджанского государства. Захватив территорию Азербайджана и тем самым нарушив такие основополагающие принципы, как территориальная целостность, неприкосновенность границ, неприменение силы или угроза силой, нашедшие отражение в заключительном Акте Хельсинского соглашения ОБСЕ, датируемого 1 августа 1975 года, Армения в данный момент за столом переговоров нагло призывает Азербайджан относиться с уважением к принципу «угроза силой». Помимо этого, армяне нарушили некоторые пункты декларации «О невмешательстве во внутренние дела другого государства», зафиксированные в 36/103 XXXVI резолюции ООН от 9 декабря 1981 года.

Для того чтобы внести ясность в проблему правовой оценки конфликта, связанного с нагорной частью Карабаха, в соответствии с советским законодательством, необходимо проанализировать некоторые ста-

Турхан Сулейман РАГУФ

ть последней Конституции СССР от 7 октября 1977 года. Статусная иерархия территориальных образований нашла свое отражение в 71 статье Конституции. В соответствии с данной статьей, СССР состоял из 15 союзных республик. Согласно вышеупомянутой иерархии, за союзными республиками в иерархическом порядке шли территориальные образования, организованные по национальному признаку: а) автономные республики; б) автономные области; в) национальные округа. Согласно 72 статье Конституции, только союзные республики обладали правом свободного отделения от СССР. В соответствии с 86 статьей данной Конституции, Нагорный Карабах обладал статусом автономной области. В данной статье отмечается, что автономная область является составной частью союзной республики. В третьем пункте 87 статьи Конституции подчеркивается, что Нагорный Карабах как автономная область является составной частью Азербайджанской ССР. Из вышеупомянутых статей отчетливо видно, что с правовой точки зрения НКАО не могла отделиться от Азербайджана. Другая проблема состояла в том, что проживающие в НКАО армяне выступали с требованием выхода из состава Азербайджанской ССР и присоединения к Армянской ССР. Этот вопрос тоже отчетливо отражен в данной Конституции. В 78 статье Конституции СССР говорилось: «Территория союзной республики не может быть изменена без её согласия. Границы между союзными республиками могут быть изменены на основе договора, заключенного между этими республиками. Однако данный договор должен быть подтвержден со стороны СССР». Согласно данной статье, территориальная целостность союзных республик регулировалась Конституцией и какое-либо изменение могло быть осуществлено только с согласия данных союзных республик. С другой стороны, между Арменией и Азербайджаном не было договора, отражающего отделение НКАО от Азербайджана. Поэтому еще в период существования СССР решение Верховного Совета Армянской ССР от 1989 года о присоединении НКАО к Армении является абсурдным, так как для присоединения прежде всего должно было быть согласие Азербайджана.

Союзные республики, входившие в состав СССР, процесс его распада регулировали согласно международно-правовым правилам, то есть согласно Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 года. В преамбуле данной декларации было отмечено, что «государства-участники, принимая данную декларацию, признают и с уважением относятся к территориальной целостности и неприкосновенности существующих границ каждого из этих государств» [1]. Это положение еще раз подтверждает, что в период распада СССР союзные республики взяли на себя обязательство признавать существующие границы.

После распада СССР армяне НКАО, руководству-

ясь правом народов на самоопределение, создали искусственное «государство». Прежде всего отметим, что армяне, однажды уже воспользовавшись этим правом, создали свое первое государство на исторических землях Азербайджана и хотя искусственно, но «самоопределились». Что касается НКАО, то в связи с проблемой интересов армян, проживающих на этой территории, очень важно учитывать разницу между правом «народов» и «меньшинств». Во всех международно-правовых документах право на самоопределение представляется только народам. Под народом подразумевается группа людей, проживающих на территории определенного государства и составляющих большинство его населения. Только в этом смысле народы имеют право на самоопределение и создание своего государства. Армяне составляли всего лишь 2% от населения Азербайджана. Проживающие в Азербайджане армяне являются такими же национальными меньшинствами, как и проживающие там русские, грузины, украинцы, иудеи и другие этнические меньшинства. В декларации Генеральной Ассамблеи ООН «О правах лиц, принадлежащих к национальным или же этническим, религиозным и языковым меньшинствам» от 18 декабря 1992 года, меньшинствам не предоставляется право на самоопределение.

Референдум, проведенный 10 декабря 1991 года в НКАО, с международно-правовой точки зрения также являлся незаконным. Армянская сторона в связи с этой проблемой всегда пытается завуалировать один факт: во время проведения референдума (10.12.1991) Азербайджанская Республика уже являлась независимым государством (18.10.1991) и ликвидировала НКАО (26.11.1991). Вдобавок надо отметить, что референдум был проведен на сугубо этнической почве и без согласия суверенного Азербайджанского государства. 18 октября 1991 года был принят Конституционный Акт о независимости Азербайджанской Республики. В 32 статье данной Конституции отмечается: «Настоящий Конституционный Акт является основой для разработки новой Конституции Азербайджанской Республики». А в 15 статье указывается: «На территории Азербайджанской Республики действует исключительно Конституция Азербайджанской Республики и законы Азербайджанской Республики». Это, в свою очередь, указывает на то, что государство, восстановившее свою независимость, для управления создало правовую основу – Конституцию. Теперь обратим внимание на то, какие законы, отраженные в Конституции, были нарушены в результате агрессии Армении. В статье 14 указывается: «Территория Азербайджанской Республики едина, неделима, неотчуждаема. Азербайджанская Республика не отчуждает в какой бы то ни было форме какую-либо часть своей территории; уточнение ее границ может быть проведено только с согласия народа Азербайджана путем про-

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ АРМЯНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО КОНФЛИКТА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

водимого по решению парламента Азербайджанской Республики народного голосования (референдума) среди всего населения республики. Никакая часть территории Азербайджанской Республики не может быть продана или передана другому государству или юридическому лицу другого государства».

В заключение отметим, что при анализе правовых аспектов и причин возникновения Армяно-Азербайджанского конфликта наружу всплывают некоторые моменты. Так, например, корни Нагорно-Карабахской проблемы еще раз подтверждают, что он был обусловлен армянским сепаратизмом. Возник конфликт не на почве национальных разногласий, как это утверждают армяне, а только лишь по причине создания на территории Азербайджана второго искусственного «армянского государства». Основной причиной неразрешенности конфликта на данный момент является отделение территории от Азербайджана. Однако все вышеупомянутые правовые документы еще раз доказывают, что в соответствии с национальным и международным правом Карабах

является неотъемлемой частью Азербайджана и конфликт возник в результате агрессии Армении против Азербайджана.

Завершим статью цитатой из выступления бывшего сопредседателя РФ в Минской группе В.Казимирована на конференции «Формирование среды для мира, стабильности и доверия на Южном Кавказе», проходившей в Ереване 25 апреля 2002 года. Он сказал: «Я всегда говорил заинтересованным сторонам: упаси вас боже от поиска решения на правовой плоскости. Это «тупик». Решение может быть только политическим. Нравится это кому-то или нет, но решение Карабахского конфликта никогда не будет чисто юридическим, оно наверняка будет преимущественно политическим» [2, с. 22]. Как видно, с правовой точки зрения конфликт должен быть решен только в пользу Азербайджана. А это, в свою очередь, полностью противоречит интересам Армении, исторически имевшей территориальные притязания к Азербайджану и России, которой принадлежит особая роль в возникновении этого конфликта.

Литература:

1. Alma-Ata Declaration (Alma-Ata, 21 December 1991). – www.cvce.eu/en/obj/alma_ata_declaration_alma_ata_21_december_1991-en-ffcd1505-481e-42f5-8293-c8089b125eb0.html (дата доступа: 02.12.2015).
2. Аббасов, А., Хачатрян, А. Варианты решения Карабахского конфликта: Идеи и реальность. – Баку, 2002. – 134 с. (на азербайджанском языке).
3. Асланлы, Араз. Правовые аспекты проблемы оккупации территории Азербайджана Арменией; Продолжается ли право Азербайджана на самозащиту? – <http://www.eraren.org/index.php?Lisan=tr&Page=DergiIcerik&IcerikNo=68> (на турецком языке). (Дата доступа: 02.12.2015).
4. Государственный Комитет Азербайджанской Республики по делам о беженцах и вынужденных переселенцах. Исторические корни армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта. – <http://www.refugees-idps-committee.gov.az/az/pages/2.html> (на азербайджанском языке) (Дата доступа: 02.12.2015).
5. Маркова, О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. – Москва, 1966. – 322 с.
6. Махмудов, Я. Реальная история и выдумка «Великая Армения». – Баку: Турхан, 2014. – 143 с. (на азербайджанском языке).
7. Махмудов, Я., Шюкюров, К. Карабах. Реальная история, факты, документы. – Баку, 2009. – 380 с. (на азербайджанском языке).
8. Мехтиев, Р. Горус-2010. Сезон театра абсурда. – Баку, 2010. – 41 с. (на азербайджанском языке).
9. Svante Cornell. Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus. – Taylor and Francis e-Library, 2005. – 480 p.
10. Томас де Валл. Карабахская западня. Угрозы и дилеммы Нагорно-Карабахского конфликта (на азербайджанском языке). – http://www.c-r.org/downloads/The%20Karabakh%20Trap_Updated_AZE.pdf (Дата доступа: 02.12.2015).
11. Шюкюров, Карим. Нагорный Карабах: о понятии и территории (история и современность). Статья (на турецком языке). – <http://1905.az/tr/daglik-karabag-kavrami-ve-topraklari-hakkinda-tarih-ve-cagdaslik/> (Дата доступа: 02.12.2015).

Summary

The article is devoted to the roots and causes of the separatism politics that have been pursuing concerning Qarabagh by Armenia. The causes of the emergence of the Dagliq Qarabagh conflict are evaluated by the aspect both political and international law in this article. It is carrying out important lawful appraisalment about the separatism politics of Armenia and about its dream of establishing „second Armenian state” on Azerbaijani soils. The right position of Azerbaijan Republic on conflict is affirmed under reliable scientific search in an objective manner one more.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц (14 шрифт, 1,5 интервала) и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторов), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии;
- электронный адрес и телефон автора (соавторов).

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.
7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения). Израиль ведет кибервойну против Ирана? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 32

Подписанно в печать: 21.12.2015

Формат 60×84 1/8

Объем 8,5 п. л.

Заказ № 122

Тираж 500

„Print-Caro” SRL, 2014
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653